

LIBRARY

XI 1001

119	1001	1001	1001
118	1002	1002	1002
117	1003	1003	1003
116	1004	1004	1004
115	1005	1005	1005
114	1006	1006	1006
113	1007	1007	1007
112	1008	1008	1008
111	1009	1009	1009
110	1010	1010	1010
109	1011	1011	1011
108	1012	1012	1012
107	1013	1013	1013
106	1014	1014	1014
105	1015	1015	1015
104	1016	1016	1016
103	1017	1017	1017
102	1018	1018	1018
101	1019	1019	1019
100	1020	1020	1020

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Случай изъ практики.—Душечка.—По дѣламъ службы.—Юнычъ.—Дама съ собачкой.— Въ оврагѣ.— На святкахъ.— Разказъ старшаго садовника.— Въ морѣ.— Человѣкъ въ футлярѣ.—Крыжовникъ.—О любви.—Архіереи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

АНТ. П. РЕХОВА.

ВЪЗРАЖЕНІЕ

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ. Измайл. просп., № 29.

СЛУЧАЙ ИЗЪ ПРАКТИКИ.

Профессоръ получилъ телеграмму изъ фабрики Ляликовыхъ: его просили поскорѣе пріѣхать. Была больна дочь какой-то госпожи Ляликовой, повидимому, владѣлицы фабрики, и больше ничего нельзя было понять изъ этой длинной, безтолково составленной телеграммы. И профессоръ самъ не поѣхалъ, а вмѣсто себя послалъ своего ординатора Королева.

Нужно было проѣхать отъ Москвы двѣ станціи и потомъ на лошадахъ версты четыре. За Королевымъ выслали на станцію тройку; кучеръ былъ въ шляпѣ съ павлиньимъ перомъ и на всѣ вопросы отвѣчалъ громко, по-солдатски: «Никакъ нѣтъ!» — «Точно такъ!» Былъ субботній вечеръ, заходило солнце. Отъ фабрики къ станціи толпами шли рабочіе и кланялись лошадамъ, на которыхъ ѣхалъ Королевъ. И его плѣнялъ вечеръ, и усадьбы, и дачи по сторонамъ, и березы, и это тихое настроеніе кругомъ, когда, казалось, вмѣстѣ съ рабочими теперь, наканунѣ праздника, собирались отдыхать и поле, и лѣсъ, и солнце,—отдыхать, быть-можетъ, молиться...

Онъ родился и выросъ въ Москвѣ, деревни не зналъ и фабриками никогда не интересовался и не бывалъ на нихъ. Но ему случалось читать про фабрики и бывать въ гостяхъ у фабрикантовъ и разговаривать съ ними; и когда онъ видѣлъ какую-нибудь фабрику издали, или вблизи, то всякій разъ думалъ о томъ, что вотъ снаружи все тихо и смирно а внутри, должно-быть, непроходимое невѣжество и тупой эгоизмъ хозяевъ, скучный, нездоровый трудъ рабочихъ.

дрязги, водка, насѣкомья. И теперь, когда рабочіе почтительно и лугливо сторонились коляски, онъ въ ихъ лицахъ, картузахъ, въ походкѣ угадывалъ физическую нечистоту, пьянство, нервность, растерянность.

Вѣхали въ фабричныя ворота. По обѣ стороны мелькали домики рабочихъ, лица женщинъ, бѣлье и одѣяла на крыльцахъ. «Берегись!» — кричалъ кучеръ, не сдерживая лошадей. Вотъ широкій дворъ безъ травы, на немъ пять громадныхъ корпусовъ съ трубами, другъ отъ друга поодаль, товарные склады, бараки, и на всемъ какой-то сѣрый налетъ, точно отъ пыли. Тамъ и сямъ, какъ оазисы въ пустынѣ, желтіе садки и зеленыя или красныя крыши домовъ, въ которыхъ живетъ администрація. Кучеръ вдругъ осадилъ лошадей, и коляска остановилась у дома, выкрашеннаго заново въ сѣрый цвѣтъ; тутъ былъ палисадникъ съ сиренью, покрытой пылью, и на желтомъ крыльцѣ сильно нахло краской.

— Пожалуйте, господинъ докторъ, — говорили женскіе голоса въ сѣняхъ и въ передней; и при этомъ слышались вздохи и шопотъ. — Пожалуйте, заждались... чистое горе. Вотъ сюда пожалуйте.

Госпожа Ляликова, полная, пожилая дама, въ черномъ шелковомъ платьѣ съ модными рукавами, но, судя по лицу, простая, малограмотная, смотрѣла на доктора съ тревогой и не рѣшалась подать ему руку, не смѣла. Рядомъ съ ней стояла особа съ короткими волосами, въ ринсе-нез, въ нестрой цвѣтной кофточкѣ, тощая и уже не молодая. Прислуга называла ее Христиной Дмитріевной, и Королевъ догадался, что это гувернантка. Вѣроятно, ей, какъ самой образованной въ домѣ, было поручено встрѣтить и принять доктора, потому что она тотчасъ же, торопясь, стала излагать причины болѣзни, съ мелкими, назойливыми подробностями, но не говоря, кто боленъ и въ чемъ дѣло.

Докторъ и гувернантка сидѣли и говорили, а хозяйка стояла неподвижно у двери, ожидая. Изъ разговора Королевъ понялъ, что больна Лиза, дѣвушка двадцати лѣтъ, единственная дочь госпожи Ляликовой, наслѣдница; она давно уже болѣла и лѣчилась у разныхъ докторовъ, а въ послѣднюю ночь, съ вечера до утра, у нея было такое сердцебіеніе, что всѣ въ домѣ не спали; боялись, какъ бы не умерла.

— Она у насъ, можно сказать, съ малолѣтства была хворенькая,—разсказывала Христина Дмитріевна пѣвучимъ голосомъ, то и дѣло вытирая губы рукой.—Доктора говорятъ—нервы, но когда она была маленькой, доктора ей золотуху внутрь вогнали, такъ вотъ, думаю, можетъ отъ этого.

Пошли къ больной. Совсѣмъ уже взрослая, больная, хорошаго роста, но некрасивая, похожая на мать, съ такими же маленькими глазами и съ широкой, неумѣренно развитой нижней частью лица, не причесанная, укрытая до подбородка, она въ первую минуту произвела на Королева впечатлѣніе существа несчастнаго, убогаго, которое изъ жалости пригрѣли здѣсь и укрыли, и не вѣрилось, что это была наслѣдница пяти громаднѣхъ корнусовъ.

— А мы къ вамъ,—началъ Корольевъ:—пришли васъ лѣчить. Здравствуйте.

Онъ назвалъ себя и пожалъ ей руку,—большую, холодную, некрасивую руку. Она сѣла и, очевидно, давно уже привыкшая къ докторамъ, равнодушная къ тому, что у нея были открыты плечи и грудь, дала себя выслушать.

— У меня сердцебіеніе,—сказала она.—Всю ночь былъ такой ужасъ... я едва не умерла отъ ужаса! Дайте мнѣ чего-нибудь.

— Дамъ, дамъ! Успокойтесь.

Корольевъ осмотрѣлъ ее и пожалъ плечами.

— Сердце, какъ слѣдуетъ,—сказалъ онъ:—все обстоитъ благополучно, все въ порядкѣ. Нервы, должно-быть, подгуляли немножко, но это такъ обыкновенно. Припадокъ, надо думать, уже кончился. ложитесь себѣ спать.

Въ это время принесли въ спальню лампу. Больная прищурилась на свѣтъ и вдругъ охватила голову руками и зарыдала. И впечатлѣніе существа убогаго и некрасиваго вдругъ исчезло, и Корольевъ уже не замѣчалъ ни маленькихъ глазъ, ни грубо развитой нижней части лица; онъ видѣлъ мягкое страдальческое выраженіе, которое было такъ разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотѣлось уже успокоить ее не лѣкарствами, не совѣтомъ, а простымъ ласковымъ словомъ. Мать обняла ее голову и прижала къ себѣ. Сколько отчаянія, сколько скорби на лицѣ у старухи! Она, мать, вскормила, вырастила дочь, не жалѣла ничего, всю жизнь

отдала на то, чтобъ ооучить ее французскому языку, ганцамъ, музыкѣ, приглашала для нея десятокъ учителей, самыхъ лучшихъ докторовъ, держала гувернантку, и теперь не понимала, откуда эти слезы, зачѣмъ столько мукъ, не понимала и терялась, и у нея было виноватое, тревожное, отчаянное выраженіе, точно она упустила что-то еще очень важное, чего-то еще не сдѣлала, кого-то еще не пригласила, а кого—неизвѣстно.

Лизанька, ты опять... ты опять,—говорила она, прижимая къ себѣ дочь.—Родная моя, голубушка, дѣточка моя, скажи, что съ тобой? Пожалѣй меня, скажи.

Обѣ горько плакали. Королевъ сѣлъ на край постели и взять Лизу за руку.

— Полноте, стоитъ ли плакать?—сказалъ онъ ласково.— Вѣдь на свѣтѣ нѣтъ ничего такого, что заслуживало бы этихъ слезъ. Ну, не будемъ плакать, не нужно это...

А самъ подумалъ:

«Замужъ бы ее пора»...

— Нашъ фабричный докторъ давалъ ей кали-бромати,—сказала гувернантка:—но ей отъ этого, я замѣчаю, только хуже. По-моему, ужъ если давать отъ сердца, то капли... забыла, какъ онѣ называются... Ландышевые, что ли.

И опять пошли всякія подробности. Она перебивала доктора, мѣшала ему говорить и на лицѣ у нея было написано страданіе, точно она полагала, что, какъ самая образованная женщина въ домѣ, она была обязана вести съ докторомъ непрерывный разговоръ и непремѣнно о медицинѣ.

Королеву стало скучно.

— Я не нахожу ничего особеннаго,—сказалъ онъ, выходя изъ спальни и обращаясь къ матери.— Если вашу дочь лѣчилъ фабричный врачъ, то пусть и продолжаетъ лѣчить. Лѣченіе до сихъ поръ было правильное, и я не вижу необходимости мѣнять врача. Для чего мѣнять? Болѣзнь такая обыкновенная, ничего серьезнаго...

Онъ говорилъ не сѣбѣ, надѣвая перчатки, а госпожа Ляпкина стояла неподвижно и смотрѣла на него заплаканными глазами.

— До десятичасового ноѣзда осталось полчаса,—сказалъ онъ:—надѣюсь, я не опоздаю.

— А вы не можете у насъ остаться?—спросила она, и

опять слезы потекли у нея по щекамъ.—Совѣстно васъ беспокоить, но будьте такъ добры... ради Бога,—продолжала она вполголоса, оглядываясь на дверь,—переночуйте у насъ. Она у меня одна... единственная дочь... Напугала прошлую ночь, опомниться не могу... Не уѣзжайте, Бога ради...

Онъ хотѣлъ сказать ей, что у него въ Москвѣ много работы, что дома его ждетъ семья; ему было тяжело провести въ чужомъ домѣ безъ надобности весь вечеръ и всю ночь, но онъ поглядѣлъ на ея лицо, вздохнулъ и сталъ молча снимать перчатки.

Въ залѣ и гостиной для него зажгли всѣ лампы и свѣчи. Онъ сидѣлъ у рояля и переписывалъ ноты, потомъ осматривалъ картины на стѣнахъ, портреты. На картинахъ, написанныхъ масляными красками, въ золотыхъ рамахъ, были виды Крыма, бурное море съ корабликомъ, католическій монахъ съ рюмкой, и все это сухо, зализано, бездарно... На портретахъ ни одного красиваго, интереснаго лица, все широкія скулы, удивленные глаза; у Ляшкова, отца Лизы, маленькій лобъ и самодовольное лицо, мундиръ мѣшикомъ сидитъ на его большомъ не породистомъ тѣлѣ, на груди медаль и значъ Краснаго Креста. Культура бѣдная, роскошь случайная, не осмысленная, не удобная, какъ этотъ мундиръ; ноты раздражаютъ своимъ блескомъ, раздражаетъ люстра, и вспоминается почему-то рассказъ про купца, ходившаго въ баню съ медалью на шеѣ...

Изъ передней доносился шопотъ, кто-то тихо хрипѣлъ. И вдругъ со двора послышались рѣзкіе, отрывистые, металлическіе звуки, какихъ Королевъ раньше никогда не слышалъ и какихъ не понималъ теперь; они отозвались въ его душѣ странно и непріятно.

«Кажется, ни за что не остался бы тутъ жить»...—подумалъ онъ и опять принялся за ноты.

— Докторъ, пожалуйста закусить! — позвала вполголоса гувернантка.

Онъ пошелъ ужинать. Столъ былъ большой, со множествомъ закусокъ и винъ, но ужинали только двое: онъ да Христина Дмитриевна. Она пила мадеру, быстро кушала и говорила, поглядывая на него черезъ ринсе-пез:

— Рабочіе нами очень довольны. На фабрикѣ у насъ каждую зиму спектакли, сами рабочіе играютъ, ну чтенія

съ волшебнымъ фонаремъ, великолѣпная чайная и, кажется, чего ужъ. Они намъ очень приверженные, и когда узнали, что Лизанькѣ хуже стало, заказали молебенъ. Необразованные, а вѣдь тоже чувствуютъ.

— Похоже, у васъ въ домѣ нѣтъ ни одного мужчины,— сказали Королевы.

— Ни одного. Петръ Никаноричъ померъ полтора года назадъ, и мы однѣ остались. Такъ и живемъ втроемъ. Лѣтомъ здѣсь, а зимой въ Москвѣ на Полянкѣ. Я у нихъ уже одиннадцать лѣтъ живу. Какъ своя.

Изъ ужину подавали стерлядь, куриныя котлеты и компотъ; вина были дорогія, французскія.

— Вы, докторъ, пожалуйста, безъ церемоній,—говорила Христина Дмитріевна, кушая, утирая ротъ кулачкомъ, и видно было, что она жила здѣсь въ свое полное удовольствіе. Пожалуйста кушайте.

Послѣ ужина доктора отвели въ комнату, гдѣ для него была приготовлена постель. Но ему не хотѣлось спать, было душно и въ комнатѣ пахло краской; онъ надѣлъ пальто и вышелъ.

На дворѣ было прохладно; уже брезжилъ разсвѣтъ и въ сыромъ воздухѣ ясно обозначались всѣ пять корпусовъ съ ихъ длинными трубами, бараки и склады. Но случаю праздника не работали, было въ окнахъ темно, и только въ одномъ изъ корпусовъ горѣла еще печь, два окна были багровы и изъ трубы вмѣстѣ съ дымомъ изрѣдка выходилъ огонь. Далеко за дворомъ кричали лягушки и пѣлъ соловей.

Глядя на корпуса и бараки, гдѣ спали рабочіе, онъ опять думалъ о томъ, о чемъ думалъ всегда, когда видѣлъ фабрики. Пусть спектакли для рабочихъ, волшебные фонари, фабричныя доктора, разныя улучшения, но все же рабочіе, которыхъ онъ встрѣтилъ сегодня по дорогѣ со станціи, ничѣмъ не отличаются по виду отъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ онъ видѣлъ давно въ дѣтствѣ, когда еще не было фабричныхъ спектаклей и улучшеній. Онъ, какъ медикъ, правильно судившій о хроническихъ страданіяхъ, коренная причина которыхъ была непонятна и неизлѣчима, и на фабрики смотрѣлъ, какъ на недоразумѣніе, причина котораго была тоже неясна и неустранима, и всѣ улучшения въ жизни фабричныхъ онъ не считалъ лишними, но приравнивалъ ихъ къ лѣченію неизлѣчимыхъ болѣзней.

«Тутъ недоразумѣніе, конечно...—думалъ онъ, глядя на багровыя окна.—Тысячи полторы-двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситець, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара; сотня людей надзираетъ за работой и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ, на брань, несправедливости, и только двое-трое, такъ-называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситець. Но какія выгоды, какъ пользуются ими? Ляликова и ея дочь несчастны, на нихъ жалко смотрѣть, живетъ въ свое удовольствие только одна Христина Дмитриевна, пожилая, глуховатая дѣвица въ *pinse-nez*. И выходитъ такъ, значить, что работаютъ всѣ эти пять корпусовъ и на восточныхъ рынкахъ продается плохой ситець для того только, чтобы Христина Дмитриевна могла кушать стерлядь и пить мадеру.

Вдругъ раздались странные звуки, тѣ самые, которые Королевъ слышалъ до ужина. Около одного изъ корпусовъ кто-то билъ въ металлическую доску, билъ и тотчасъ же задерживалъ звукъ, такъ что получились короткіе, рѣзкіе, нечистые звуки, похожіе на «дер... дер... дер...» Затѣмъ полминуты тишины, и у другого корпуса раздались звуки, такіе же отрывистые и непріятные, уже болѣе низкіе, басовые—«дрин... дрын... дрын...» Одиннадцать разъ. Очевидно, это сторожа били одиннадцать часовъ.

Послышалось около третьяго корпуса: «жак... жак... жак...» И такъ около всѣхъ корпусовъ и потомъ за бараками и за воротами. И похоже было, какъ будто среди ночной тишины издавало эти звуки само чудовище съ багровыми глазами, самъ дьяволъ, который владѣлъ тутъ и хозяевами, и рабочими, и обманывалъ и тѣхъ и другихъ.

Королевъ вышелъ со двора въ поле.

— Кто идетъ?—окликнули его у воротъ грубымъ голосомъ.

«Точно въ острогѣ»...—подумалъ онъ и ничего не отвѣтилъ.

Здѣсь соловьи и лягушки были слышише, чувствовалась майская ночь. Со станціи доносился шумъ поѣзда; кричали гдѣ-то сонные ибѣухи, но все же ночь была тиха, міръ покойно спалъ. Въ полѣ, недалеко отъ фабрики, стоялъ срубъ, тутъ былъ сложенъ матеріалъ для постройки. Королевъ сѣлъ на доски и продолжалъ думать:

«Хорошо чувствуетъ себя здѣсь только одна гувернантка, и фабрика работаетъ для ея удовольствія. Но это такъ кажется, она здѣсь только подставное лицо. Главный же, для кого здѣсь все дѣлается,—это дьяволъ».

И онъ думалъ о дьяволѣ, въ котораго не вѣрилъ, и оглядывался на два окна, въ которыхъ свѣтился огонь. Ему казалось, что этими багровыми глазами смотрѣлъ на него самъ дьяволъ, та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничѣмъ не исправишь. Нужно, чтобы сильный мѣшалъ жить слабому, таковъ законъ природы, но это понятно и легко укладывается въ мысль только въ газетной статьѣ или въ учебникѣ, въ той же кашѣ, какую представляетъ изъ себя обыденная жизнь, въ путаницѣ всѣхъ мелочей, изъ которыхъ сотканы человѣческія отношенія, это уже не законъ, а логическая несообразность, когда и сильный, и слабый одинаково падаютъ жертвой своихъ взаимныхъ отношеній, невольно покоряясь какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку. Такъ думалъ Королевъ, сидя на доскахъ, и мало-по-малу имъ овладѣло настроеніе, какъ будто эта неизвѣстная, таинственная сила въ самомъ дѣлѣ была близко и смотрѣла. Между тѣмъ, востокъ становился все блѣднѣе, время шло быстро. Пять корпусовъ и трубы на сѣромъ фонѣ разсвѣта, когда кругомъ не было ни души, точно вымерло все, имѣли особенный видъ, не такой, какъ днемъ; совсѣмъ вышла изъ памяти, что тутъ внутри паровые двигатели, электричество, телефоны, но какъ-то все думалось о свайныхъ постройкахъ, о каменномъ вѣкѣ, чувствовалось присутствіе грубой, безсознательной силы...

И опять послышалось:

— Дер... дер... дер... дер...

Двѣнадцать разъ. Потомъ тихо, тихо полминуты и—раздается въ другомъ концѣ двора:

— Дрын... дрын... дрын...

«Ужасно неприятно!»—подумалъ Королевъ.

— Жак... жак... —раздалось въ третьемъ мѣстѣ открыто, рѣзко, точно съ досадой:—жакъ... жакъ...

И чтобы пробить двѣнадцать часовъ, понадобилось минуты четыре. Потомъ затихло; и опять такое впечатлѣніе, будто вымерло все кругомъ.

— Королевъ посидѣлъ еще немного и вернулся въ домъ, но еще долго не ложился. Въ сосѣднихъ комнатахъ шептались, слышалось шлепанье туфель и босыхъ ногъ.

«Ужъ не опять ли съ ней припадокъ?»—подумалъ Королевъ.

Онъ вышелъ, чтобы взглянуть на больную. Въ комнатахъ было уже совсѣмъ свѣтло и въ залѣ на стѣнѣ и на полу дрожала слабый солнечный свѣтъ, проникшій сюда сквозь утренній туманъ. Дверь въ комнату Лизы была отворена, и сама она сидѣла въ креслѣ около постели, въ капотѣ, укутанная въ шаль, непричесанная. Шторы на окнахъ были опущены.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ Королевъ.

— Благодарю васъ.

Онъ потрогалъ пульсъ, потомъ поправилъ ей волосы, упавшіе на лобъ.

— Вы не спите,—сказалъ онъ.—На дворѣ прекрасная погода, весна, поютъ соловьи, а вы сидите въ потемкахъ и о чемъ-то думаете.

Она слушала и глядѣла ему въ лицо; глаза у нея были грустные, умные и было видно, что она хочетъ что-то сказать ему.

— Часто это съ вами бываетъ?—спросилъ онъ.

Она пошевелила губами и отвѣтила:

— Часто. Мнѣ почти каждую ночь тяжело.

Въ это время на дворѣ сторожа начали бить два часа. Послышалось—«дер... дер...», и она вздрогнула.

— Васъ беспокоятъ эти стуки?—спросилъ онъ.

— Не знаю. Меня тутъ все беспокоитъ,—отвѣтила она и задумалась.—Все беспокоитъ. Въ вашемъ голосѣ мнѣ слышится участіе, мнѣ съ перваго взгляда на васъ почему-то показалось, что съ вами можно говорить обо всемъ.

— Говорите, прошу васъ.

— Я хочу сказать вамъ свое мнѣніе. Мнѣ кажется, что у меня не болѣзнь, а беспокоюсь я и мнѣ страшно, потому что такъ должно и иначе быть не можетъ. Даже самый здоровый человѣкъ не можетъ не беспокоиться, если у него, напримѣръ, подъ окномъ ходитъ разбойникъ. Меня часто лѣчатъ,—продолжала она, глядя себѣ въ колѣни, и улыбнулась застѣнчиво:—я, конечно, очень благодарна и не отрицаю пользы лѣченія, но мнѣ хотѣлось бы поговорить не съ

докторомъ, а съ близкимъ человѣкомъ, съ другомъ, который бы понялъ меня, убѣдилъ бы меня, что я права или неправа.

— Развѣ у васъ нѣтъ друзей?—спросилъ Королевъ.

— Я одинока. У меня есть мать, я люблю ее, но все же я одинока. Такъ жизнь сложилась... Одинокіе много читаютъ, но мало говорятъ и мало слышать, жизнь для нихъ таинственна; они мистики и часто видятъ дьявола тамъ, гдѣ его нѣтъ. Тамара у Лермонтова была одинока и видѣла дьявола.

— А вы много читаете?

— Много. Вѣдь у меня все время свободно, отъ утра до вечера. Днемъ читаю, а по ночамъ—пустая голова, вмѣсто мыслей какія-то тѣни.

— Вы что-нибудь видите по ночамъ?—спросилъ Королевъ.

— Нѣтъ, но я чувствую...

Она опять улыбнулась и подняла глаза на доктора и смотрѣла такъ грустно, такъ умно; и ему казалось, что она вѣритъ ему, хочетъ говорить съ нимъ искренно и что она думаетъ такъ же, какъ онъ. Но она молчала и, быть-можетъ, ждала, не заговорить ли онъ.

И онъ зналъ, что сказать ей; для него было ясно, что ей нужно поскорѣе оставить пять корпусовъ, и миллионъ, если онъ у нея есть, оставить этого дьявола, который по ночамъ смотритъ; для него было ясно также, что такъ думала и она сама, и только ждала, чтобы кто-нибудь, кому она вѣритъ, подтвердилъ это.

Но онъ не зналъ, какъ это сказать. Какъ? У приговоренныхъ людей стѣняются спрашивать, за что они приговорены; такъ и у очень богатыхъ людей неловко бываетъ спрашивать, для чего имъ такъ много денегъ, отчего они такъ дурно распоряжаются своимъ богатствомъ, отчего не бросаютъ его, даже когда видятъ въ немъ свое несчастье; и если начинаютъ разговоръ объ этомъ, то выходитъ онъ обыкновенно стыдливый, неловкій, длинный.

«Какъ сказать?—раздумывалъ Королевъ.—Да и нужно ли говорить?»

И онъ сказалъ то, что хотѣлъ, не прямо, а окольнымъ путемъ:

— Вы въ положеніи владѣлицы фабрики и богатой наслѣдницы недовольны, не вѣрите въ свое право и теперь вотъ не знаете, это, конечно, лучше, чѣмъ если бы вы были

довольны, крѣпко спали и думали, что все обстоит благополучно. У васъ почтенная бессонница; какъ бы ни было, она хорошій признакъ. Въ самомъ дѣлѣ, у родителей нашихъ былъ бы не мыслимъ такой разговоръ, какъ вотъ у насъ теперь; по ночамъ они не разговаривали, а крѣпко спали, мы же, наше поколѣніе, дурно спимъ, томимся, много говоримъ и все рѣшаемъ, правы мы или нѣтъ. А для нашихъ дѣтей или внуковъ вопросъ этотъ,—правы они, или нѣтъ,—будетъ уже рѣшенъ. Имъ будетъ видѣе, чѣмъ намъ. Хорошая будетъ жизнь лѣтъ черезъ пятьдесятъ, жаль только, что мы не дотянемъ. Интересно было бы взглянуть.

— Что же будутъ дѣлать дѣти и внуки?—спросила Лиза.

— Не знаю... Должно-быть, побросаютъ все и уйдутъ.

— Куда уйдутъ?

— Куда?.. Да куда угодно, — сказалъ Королевъ и засмѣялся.—Мало ли куда можно уйти хорошему, умному человѣку.

Онъ взглянулъ на часы.

— Уже солнце взошло, однако, — сказалъ онъ. — Вамъ пора спать. Раздѣвайтесь и спите себѣ во здравіе. Очень радъ, что познакомился съ вами. — продолжалъ онъ, пожимая ей руку. — Вы славный, интересный человѣкъ. Спокойной ночи!

Онъ пошелъ къ себѣ и легъ спать.

На другой день утромъ, когда подали экипажъ, всѣ вышли на крыльцо проводить его. Лиза была по-праздничному въ бѣломъ платьѣ, съ цвѣткомъ въ волосахъ, блѣдная, томная; она смотрѣла на него, какъ вчера, грустно и умно, улыбалась, говорила и все съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣла сказать ему что-то особенное, важное, — только ему одному. Было слышно, какъ плѣли жаворонки, какъ звонили въ церкви. Окна въ фабричныхъ корпусахъ весело сіяли и, пробѣгая черезъ дворъ и потомъ по дорогѣ къ станціи, Королевъ уже не помнилъ ни о рабочихъ, ни о свайныхъ постройкахъ, ни о дьяволѣ, а думалъ о томъ времени, быть-можетъ, уже близкомъ, когда жизнь будетъ такою же свѣтлою и радостной, какъ это тихое, воскресное утро; и думалъ о томъ, какъ это пріятно въ такое утро, весной, ѣхать на тройѣ, въ хорошей коляскѣ и грѣться на солнышкѣ.

ДУШЕЧКА.

Оленька, дочь отставного коллежского assessора Племянникова, сидѣла у себя во дворѣ на крылечкѣ, задумавшись. Было жарко, назойливо приставали мухи, и было такъ пріятно думать, что скоро уже вечеръ. Съ востока надвигались темныя дождевыя тучи, и оттуда изрѣдка потягивало влагой.

Среди двора стоялъ Кувинъ, антрепренеръ и содержатель увеселительнаго сада «Тиволи», квартировавшій тутъ же во дворѣ, во флигелѣ, и глядѣлъ на небо.

— Опять!—говорилъ онъ съ отчаяніемъ.— Опять будетъ дождь! Каждый день дожди, каждый день дожди—точно нарочно! Вѣдь это петля! Это разоренье! Каждый день страшныя убытки!

Онъ всплеснулъ руками и продолжалъ, обращаясь къ Оленькѣ:

— Вотъ вамъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хоть плачь! Работаешь, стараешься, мучишься, ночей не спишь, все думаешь, какъ бы лучше,—и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерію, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что-нибудь? Ей нуженъ балаганъ! Ей подавай пошлость! Съ другой стороны, взгляните на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ зарядило съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и іюнь, просто ужасъ! Публика не ходитъ, зно вѣдь я за аренду плачу? Артистамъ плачу?

На другой день подь вчерь опять надвигались тучи, и Кукинъ говорилъ съ истерическимъ хохотомъ:

— Ну что жъ? Пускай! Пускай хоть весь садъ залететь, хоть меня самого! Чтобъ миѣ не было счастья ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ! Пускай артисты подають на меня въ судъ! Что судъ? Хоть на каторгу въ Сибирь! Хоть на шафотъ! Ха-ха-ха!

И на третій день тоже...

Оленька слушала Кукина молча, серьезно, и, случалось, слезы выступали у нея на глазахъ. Въ концѣ-концовъ несчастья Кукина тронули ее, она его полюбила. Онъ былъ малъ ростомъ, тонъ, съ желтымъ лицомъ, съ зачесанными височками, говорилъ жидкимъ теноркомъ и, когда говорилъ, то кривилъ ротъ; и на лицѣ у него всегда было написано отчаяніе, но все же онъ возбудилъ въ ней настоящее, глубокое чувство. Она постоянно любила кого-нибудь и не могла безъ этого. Раньше она любила своего палану, который теперь сидѣлъ больной, въ темной комнатѣ, въ крестѣ, и тяжело дышалъ; любила свою тетю, которая иногда, разъ въ два года, пріѣзжала изъ Брянска; а еще раньше, когда училась въ прогимназій, любила своего учителя французскаго языка. Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня съ кроткимъ, мягкимъ взглядомъ, очень здоровая. Глядя на ея полныя розовыя щеки, на мягкую бѣлую шею съ темной родинкой, на добрую наивную улыбку, которая бывала на ея лицѣ, когда она слушала что-нибудь приятное, мужчины думали:—«Да, ничего себѣ»... и тоже улыбались, а гости-дамы не могли удержаться, чтобы вдругъ среди разговора не схватить ее за руку и не проговорить въ порывѣ удовольствія:

— Душечка!

Домъ, въ которомъ она жила со дня рожденія и который въ завѣщаніи былъ записанъ на ея имя, находился на окраинѣ города, въ Цыганской Слободкѣ, недалеко отъ сада «Тиволи»; по вечерамъ и по ночамъ ей слышно было, какъ въ саду играла музыка, какъ лопались съ трескомъ ракеты, и ей казалось, что это Кукинъ воюетъ со своей судьбой и беретъ приступомъ своего главнаго врага—равнодушную публику; сердце у нея сладко замирало, спать совсѣмъ не хотѣлось, и когда подь утро онъ возвращался домой, она тихо стучала въ окошко изъ своей спальни и.

показывая ему сквозь занавѣски только лицо и одно плечо, ласково улыбалась...

Онъ сдѣлалъ предложеніе, и они повѣнчались. И когда онъ увидалъ какъ слѣдуетъ ея шею и полныя здоровыя плечи, то всплеснулъ руками и проговорилъ:

— Душечка!

Онъ былъ счастливъ, но такъ какъ въ день свадьбы и потомъ ночью шелъ дождь, то съ его лица не сходило выраженіе отчаянія.

Послѣ свадьбы жили хорошо. Она сидѣла у него въ кассѣ, смотрѣла за порядками въ саду, записывала расходы, выдавала жалованье, и ея розовыя щеки, милая, наивная, похожая на сіяніе, улыбка мелькали то въ окошечкѣ кассы, то за кулисами, то въ буфетѣ. И она уже говорила своимъ знакомымъ, что самое замѣчательное, самое важное и нужное на свѣтѣ—это театръ и что получить истинное наслажденіе и стать образованнымъ и гуманнымъ можно только въ театрѣ.

— Но развѣ публика понимаетъ это?—говорила она.— Ей нуженъ балаганъ! Вчера у насъ шелъ «Фаустъ на изнанку», и почти всѣ ложи были пустыя, а если бы мы съ Ваничкой поставили какую-нибудь пошлость, то, повѣрьте, театръ былъ бы биткомъ набитъ. Завтра мы съ Ваничкой ставимъ «Орфея въ аду», приходите.

И что говорилъ о театрѣ и объ актеряхъ Кукинъ, то повторяла и она. Публику она такъ же, какъ и онъ, презирала за равнодушіе къ искусству и за невѣжество, на репетиціяхъ вмѣшивалась, поправляла актеровъ, смотрѣла за поведеніемъ музыкантовъ, и когда въ мѣстной газетѣ недобрительно отзывались о театрѣ, то она плакала и потомъ ходила въ редакцію объясняться.

Актеры любили ее и называли «мы съ Ваничкой» и «душечкой»; она жалѣла ихъ и давала имъ понемножку взаймы, и если, случалось, ее обманывали, то она только потихоньку плакала, но мужу не жаловалась.

И зимой жили хорошо. Сняли городской театръ на всю зиму и сдавали его на короткіе сроки то малороссійской труппѣ, то фокуснику, то мѣстнымъ любителямъ. Оленька полиѣла и вся сіяла отъ удовольствія, а Кукинъ худѣлъ и желтѣлъ и жаловался на страшные убытки, хотя всю зиму дѣла шли недурно. По ночамъ онъ кашлялъ, а она попла

его малиной и липовымъ цвѣтомъ, натирала одеколономъ, кутала въ свои мягкія шали.

— Какой ты у меня славненькій!—говорила она совершенно искренно, приглаживая ему волосы. — Какой ты у меня хорошенькій!

Въ Великомъ посту онъ уѣхалъ въ Москву набирать трушу, а она безъ него не могла спать, все сидѣла у окна и смотрѣла на звѣзды. И въ это время она сравнивала себя съ курами, которыя тоже всю ночь не спятъ и испытываютъ безпокойство, когда въ курятникѣ нѣтъ цѣтуха. Кукинъ задержался въ Москвѣ и писалъ, что вернется къ Святой, и въ письмахъ уже дѣлалъ распоряженія насчетъ «Тиволи». Но подъ Страстной понедѣльникъ, поздно вечеромъ, вдругъ раздался злобщій стукъ въ ворота; кто-то билъ въ калитку, какъ въ бочку:—бумъ! бумъ! бумъ! Сонная кухарка, шлепая босыми ногами по лужамъ, побѣжала отворять.

— Отворите, сдѣлайте милость!—говорилъ кто-то за воротами глухимъ басомъ.—Вамъ телеграмма!

Оленька и раньше получала телеграммы отъ мужа, но теперь почему-то такъ и обомлѣла. Дрожащими руками она распечатала телеграмму и прочла слѣдующее:

«Иванъ Петровичъ скончался сегодня скоропостижно сючала ждемъ распоряженій хохороны вторникъ».

Такъ и было напечатано въ телеграммѣ «хохороны» и какое-то еще непонятное слово «сючала»; подпись была режиссера опереточной труппы.

— Голубчикъ мой!—зарыдала Оленька. — Ванчикъ мой миленькій, голубчикъ мой! Зачѣмъ же я съ тобою повстрѣчалася? Зачѣмъ я тебя узнала и полюбила? На кого ты покинулъ свою бѣдную Оленьку, бѣдную, несчастную?..

Кукина похоронили во вторникъ, въ Москвѣ, на Ваганьковѣ; Оленька вернулась домой въ среду и, какъ только вошла къ себѣ, то повалилась на постель и зарыдала такъ громко, что слышно было на улицѣ и въ сосѣднихъ дворахъ.

— Душечка! — говорили сосѣдки, крестясь. — Душечка Ольга Семеновна, матушка, какъ убивается!

Три мѣсяца спустя, какъ-то Оленька возвращалась отъ обѣдни, печальная, въ глубокомъ траурѣ. Случилось, что съ нею шелъ рядомъ, тоже возвращавшійся изъ церкви,

одинъ изъ ея сосѣдей Василій Андреечъ Пустоваловъ, управляющій лѣснымъ складомъ купца Бабакаева. Онъ былъ въ соломенной шляпѣ и въ бѣломъ жилетѣ съ золотой цѣпочкой и походилъ больше на помѣщика, чѣмъ на торговца.

— Всякая вещь имѣетъ свой порядокъ, Ольга Семеновна, — говорилъ онъ степенно, съ сочувствіемъ въ голосъ:—и если кто изъ нашихъ ближнихъ умираетъ, то, значитъ, такъ Богу угодно, и въ этомъ случаѣ мы должны себя помнить и переносить съ покорностью.

Доведа Оленьку до калитки, онъ простился и пошелъ далѣе. Послѣ этого весь день слышался ей его степенный голосъ и, едва она закрывала глаза, какъ мерещилась его темная борода. Онъ ей очень понравился. И, повидимому, она тоже произвела на него впечатлѣніе, потому что, немного погодя, къ ней пришла пить кофе одна пожилая дама, мало ей знакомая, которая, какъ только сѣла за столъ, то немедленно заговорила о Пустоваловѣ, о томъ, что онъ хорошій, солидный человѣкъ, и что за него съ удовольствіемъ пойдетъ всякая невѣста. Черезъ три дня пришелъ съ визитомъ и самъ Пустоваловъ; онъ сидѣлъ недолго, минутъ десять, и говорилъ мало, но Оленька его полюбила, такъ полюбила, что всю ночь не спала и горѣла, какъ въ лихорадкѣ, а утромъ послала за пожилой дамой. Скоро ее просватали, потомъ была свадьба.

Пустоваловъ и Оленька, поженившись, жили хорошо. Обыкновенно онъ сидѣлъ въ лѣсномъ складѣ до обѣда, потомъ уходилъ по дѣламъ, и его смѣняла Оленька, которая сидѣла въ конторѣ до вечера и писала тамъ счета и отпускала товаръ.

— Теперь лѣсъ съ каждымъ годомъ дорожаетъ на двадцать процентовъ, — говорила она покупателямъ и знакомымъ. — Помилуйте, прежде мы торговали мѣстнымъ лѣсомъ, теперь же Васичка долженъ каждый годъ ѣздить за лѣсомъ въ Могилевскую губернію. А какой тарифъ!—говорила она, въ ужасѣ закрывая обѣ щеки руками. — Какой тарифъ!

Ей казалось, что она торгуетъ лѣсомъ уже давно-давно, что въ жизни самое важное и нужное это лѣсъ, и что-то родное, трогательное слышалось ей въ словахъ: балка, круглякъ, тѣсъ, шелевка, безымянка, рѣшотникъ, лафетъ, гор-

быль... По ночамъ, когда она спала, ей снились цѣлыя горы досокъ и теса, длинныя, безконечныя вереницы подводъ, везущихъ лѣсъ куда-то далеко за городъ; снилось ей, какъ цѣлый полкъ двѣнадцати-аршинныхъ, пяти-вершковыхъ бревенъ стоймя шелъ войной на лѣсной складъ, какъ бревна, балки и горбыли стучались, издавая гулкій звукъ сухого дерева, все падало и опять вставало, громоздясь другъ на друга; Оленька вскрикивала во снѣ, и Пустоваловъ говорилъ ей нѣжно:

— Оленька, что съ тобой, милая? Перекрестись!

Какія мысли были у мужа, такія и у нея. Если онъ думалъ, что въ комнатѣ жарко, или что дѣла теперь стали тихія, то такъ думала и она. Мужъ ея не любилъ никакихъ развлеченій и въ праздники сидѣлъ дома, и она тоже.

— И все вы дома, или въ конторѣ, — говорили знакомые. — Вы бы сходили въ театръ, душечка, или въ циркъ.

— Намъ съ Васичкой некогда по театрамъ ходить, — отвѣчала она степенно. — Мы люди труда, намъ не до пустяковъ. Въ театрахъ этихъ, что хорошаго?

По субботамъ Пустоваловъ и она ходили ко всенощной, въ праздники къ ранней обѣднѣ, и, возвращаясь изъ церкви, шли рядышкомъ, съ умиленными лицами, отъ обоихъ хорошо пахло, и ея шелковое платье приятно шумѣло; а дома пили чай со сдобнымъ хлѣбомъ и съ разными вареньями, потомъ кушали пироги. Каждый день въ полдень во дворъ и за воротами на улицѣ вкусно пахло борщомъ и жареной бараниной или уткой, а въ постные дни — рыбой, и мимо воротъ нельзя было пройти безъ того, чтобы не захотѣлось ѣсть. Въ конторѣ всегда кипѣлъ самоваръ, и покупателей угощали чаемъ съ бубликами. Разъ въ недѣлю супруги ходили въ баню и возвращались оттуда рядышкомъ, оба красные.

— Ничего, живемъ хорошо, — говорила Оленька знакомымъ: — слава Богу. Дай Богъ всякому жить, какъ мы съ Васичкой.

Когда Пустоваловъ уѣзжалъ въ Могилевскую губернію за лѣсомъ, она сильно скучала и по ночамъ не спала, плакала. Иногда по вечерамъ приходилъ къ ней полковой ветеринарный врачъ Смирнинъ, молодой человекъ, квартировавшій у нея во флигелѣ. Онъ рассказывалъ ей что-нибудь или игралъ съ нею въ карты, и это ее развлекало. Осо-

бенно интересны были рассказы из его собственной семейной жизни; онъ былъ женатъ и имѣлъ сына, но съ женой разошелся, такъ какъ она ему измѣнила, и теперь онъ ее ненавидѣлъ и высылалъ ей ежемѣсячно по сорока рублей на содержаніе сына. И, слушая, объ этомъ Оленька вздыхала и покачивала головой, и ей было жаль его.

— Ну, спаси васъ Господи, — говорила она, прощаясь съ нимъ и провожая его со свѣчой до лѣстницы. — Спасибо, что поскучали со мной, дай Богъ вамъ здоровья, Царица Небесная...

И все она выражалась такъ степенно, такъ разсудительно, подражая мужу; ветеринаръ уже скрывался внизу за дверью, а она окликала его и говорила:

— Знаете, Владиміръ Платонычъ, вы бы помирились съ вашей женой. Простили бы ее хоть ради сына!.. Мальчишечка-то, небось, все понимаетъ.

А когда возвращался Пустоваловъ, она рассказывала ему вполголоса про ветеринара и его несчастную семейную жизнь, и оба вздыхали и покачивали головами и говорили о мальчикѣ, который, вѣроятно, скучаетъ по отцѣ, потомъ, по какому-то странному теченію мыслей, оба становились передъ образами, клали земные поклоны и молились, чтобы Богъ послалъ имъ дѣтей.

И такъ прожили Пустоваловы тихо и смирно, въ любви и полномъ согласіи шесть лѣтъ. Но вотъ какъ-то зимой Василій Андреечъ въ складѣ, напившись горячаго чаю, вышелъ безъ шапки отпустить лѣсъ, простудился и занемогъ. Его лѣчили лучшіе доктора, но болѣзнь взяла свое, и онъ умеръ, проболѣвъ четыре мѣсяца. И Оленька опять овдовѣла.

— На кого же ты меня покинулъ, голубчикъ мой?—рыдала она, похоронивъ мужа.—Какъ же я теперь буду жить безъ тебя, горькая я и несчастная? Люди добрые, пожалѣйте меня, сироту круглую...

Она ходила въ черномъ платьѣ съ плерезами и уже отказалась навсегда отъ шляпки и перчатокъ, выходила изъ дому рѣдко, только въ церковь или на могилу мужа, и жила дома, какъ монашенка. И только когда прошло шесть мѣсяцевъ, она сняла плерезы и стала открывать на окнахъ ставни. Иногда уже видѣли по утрамъ, какъ она ходила за провизіей на базаръ со своей кухаркой, но о томъ, какъ

она жила у себя теперь, и что дѣлалось у нея въ домѣ, можно было только догадываться. По тому, напримѣръ, догадывались, что видѣли, какъ она въ своемъ садикѣ пила чай съ ветеринаромъ, а онъ читалъ ей вслухъ газету, и еще по тому, что, встрѣтись на почтѣ съ одной знакомой дамой, она сказала:

— У насъ въ городѣ нѣтъ правильнаго ветеринарнаго надзора и отъ этого много болѣзней. То и дѣло, слышишь, люди заболѣваютъ отъ молока и заражаются отъ лошадей и коровъ. О здоровьѣ домашнихъ животныхъ въ сущности надо заботиться такъ же, какъ о здоровьѣ людей.

Она повторяла мысли ветеринара и теперь была обо всемъ такого же мнѣнія, какъ онъ. Было ясно, что она не могла прожить безъ привязанности и одного года и нашла свое новое счастье у себя во флигелѣ. Другую бы осудили за это, но объ Оленькѣ никто не могъ подумать дурно, и все было такъ понятно въ ея жизни. Она и ветеринаръ никому не говорили о перемѣнѣ, какая произошла въ ихъ отношеніяхъ, и старались скрыть, но это имъ не удавалось, потому что у Оленьки не могло быть тайнъ. Когда къ нему приходили гости, его сослуживцы по полку, то она, наливая имъ чай или подавая ужинать, начинала говорить о чумѣ на рогатомъ скотѣ, о жемчужной болѣзни, о городскихъ бѣдняхъ, а онъ страшно конфузился и, когда уходили гости, хваталъ ее за руку и шипѣлъ сердито:

— Я вѣдь просилъ тебя не говорить о томъ, чего ты не понимаешь! Когда мы, ветеринары, говоримъ между собой, то, пожалуйста, не вмѣшивайся. Это, наконецъ, скучно!

А она смотрѣла на него съ изумленіемъ и съ тревогой, и спрашивала:

— Володичка, о чемъ же мнѣ говорить?!

И она со слезами на глазахъ обнимала его, умоляла не сердиться, и оба были счастливы.

Но, однако, это счастье продолжалось недолго. Ветеринаръ уѣхалъ вмѣстѣ съ полкомъ, уѣхалъ навсегда, такъ какъ полкъ перевели куда-то очень далеко, чуть ли не въ Сибирь. И Оленька осталась одна.

Теперь уже она была совершенно одна. Отецъ давно уже умеръ, и кресло его валялось на чердакѣ, запыленное, безъ одной ножки. Она похудѣла и подурнѣла, и на улицѣ встрѣчные уже не глядѣли на нее, какъ прежде, и не улы-

бались ей; очевидно, лучшие годы уже прошли, остались позади, и теперь начиналась какая-то новая жизнь, неизвестная, о которой лучше не думать. По вечерам Оленька сидела на крылечкѣ, и ей слышно было, какъ въ «Тиволи» играла музыка, и лопались ракеты, но это уже не вызывало никакихъ мыслей. Глядѣла она безучастно на свой пустой дворъ, ни о чемъ не думала, ничего не хотѣла, а потомъ, когда наступала ночь, шла спать и видѣла во снѣ свой пустой дворъ. Ёла и пила она, точно поневолю.

А главное, что хуже всего, у нея уже не было никакихъ мнѣній. Она видѣла кругомъ себя предметы и понимала все, что происходило кругомъ, но ни о чемъ не могла составить мнѣнія и не знала, о чемъ ей говорить. А какъ это ужасно не имѣть никакого мнѣнія! Видишь, напримѣръ, какъ стоитъ бутылка, или идетъ дождь; или ѣдетъ мужикъ на телѣгѣ, но для чего эта бутылка, или дождь, или мужикъ, какой въ нихъ смыслъ, сказать не можешь и даже за тысячу рублей ничего не сказалъ бы. При Кукинѣ и Пустоваловѣ, и потомъ при ветеринарѣ Оленька могла объяснить все и сказала бы свое мнѣніе, о чемъ угодно, теперь же и среди мыслей и въ сердцѣ у нея была такая же пустота, какъ на дворѣ. И такъ жутко, и такъ горько, какъ будто обѣлась полыни.

Городъ мало-по-малу расширялся во всѣ стороны; Цыганскую Слободку уже называли улицей, и тамъ, гдѣ были садъ «Тиволи» и лѣсные склады, выросли уже дома, и образовался рядъ переулковъ. Какъ быстро бѣжитъ время! Домъ у Оленьки потемнѣлъ, крыша заржавѣла, сарай покосился, и весь дворъ поросъ бурьяномъ и колючей крапивой. Сама Оленька постарѣла, подурнѣла; лѣтомъ она сидитъ на крылечкѣ, и на душѣ у нея попрежнему и пусто, и нудно, и отдастъ полыню, а зимой сидитъ она у окна и глядитъ на снѣгъ. Повѣсть ли весной, допесетъ ли вѣтеръ звонъ соборныхъ колоколовъ, и вдругъ нахлынуть воспоминанія о прошломъ, сладко сожметъ сердце, и изъ глазъ польются обильныя слезы, но это только на минуту, а тамъ опять пустота, и неизвестно, зачѣмъ живешь. Черная кошечка Брыска ласкается и мягко мурлычить, но не трогаютъ Оленьку эти кошачьи ласки. Это ли ей нужно? Ей бы такую любовь, которая захватила бы все ея существо, всю душу, разумъ, дала бы ей мысли, направленіе

жизни, согрѣла бы ея старѣющую кровь. И она стряхиваетъ съ подола черную Брыску и говоритъ ей съ досадою:

— Поди, поди... Нечего тутъ!

И такъ день за днемъ, годъ за годомъ,—и ни одной радости, и нѣтъ никакого мнѣнія. Что сказала Мавра кухарка, то и хорошо.

Въ одинъ жаркій іюльскій день, подъ вечеръ, когда по улицѣ гнали городское стадо, и весь дворъ наполнился облаками пыли, вдругъ кто-то постучалъ въ калитку. Оленька пошла сама отворять и, какъ взглянула, такъ и обомлѣла: за воротами стоялъ ветеринаръ Смирнинъ, уже сѣдой и въ штатскомъ платьѣ. Ей вдругъ вспомнилось все, она не удержалась, заплакала и положила ему голову на грудь, не сказавши ни одного слова, и въ сильномъ волненіи не замѣтила, какъ оба потомъ вошли въ домъ, какъ сѣли чай пить.

— Голубчикъ мой!—бормотала она, дрожа отъ радости.— Владиміръ Платонычъ! Откуда Богъ принесъ?

— Хочу здѣсь совсѣмъ поселиться,—разсказывалъ онъ.— Подаль въ отставку и вотъ пріѣхалъ попробовать счастья на волѣ, пожить ослѣдлой жизнью. Да и сына пора ужъ отдавать въ гимназію. Выросъ. Я-то, знаете ли, помирился съ женой.

— А гдѣ же она?—спросила Оленька.

— Она съ сыномъ въ гостиницѣ, а я вотъ хожу и квартиру ищу.

— Господи, батюшка, да возьмите у меня домъ! Чѣмъ не квартира? Ахъ, Господи, да я съ васъ ничего и не возьму,—заволновалась Оленька и опять заплакала.—Живите тутъ, а съ меня и флигеля довольно. Радость-то, Господи!

На другой день уже красили на домъ крышу и бѣлили стѣны, и Оленька, подбоченясь, ходила по двору и распоряжалась. На лицѣ ея засвѣтилась прежняя улыбка, и вся она ожила, посвѣжѣла, точно очнулась отъ долгаго сна. Пріѣхала жена ветеринара, худая, некрасивая дама съ короткими волосами и съ капризнымъ выраженіемъ, и съ нею мальчикъ, Саша, маленькій не по лѣтамъ (ему шелъ уже десятый годъ), полный, съ ясными голубыми глазами и съ ямочками на щекахъ. И едва мальчикъ вошелъ во дворъ, какъ побѣжалъ за кошкой, и тотчасъ же послышался его веселый, радостный смѣхъ.

— Тетенька, это ваша кошка?—спросилъ онъ у Оленьки.—Когда она у васъ ощенится, то, пожалуйста, подарите намъ одного котеночка. Мама очень боится мышей.

Оленька поговорила съ нимъ, попила его чаемъ, и сердце у нея въ груди стало вдругъ теплымъ и сладко сжалось, точно этотъ мальчикъ былъ ея родной сынъ. И когда вечеромъ онъ, сидя въ столовой, повторялъ уроки, она смотрѣла на него съ умилениемъ и съ жалостью и шептала:

— Голубчикъ мой, красавчикъ... Дѣточка моя, и уродился же ты такой умненькій, такой бѣленькій.

— Островомъ называется,—прочелъ онъ:—часть суши, со всѣхъ сторонъ окруженная водою.

— Островомъ называется часть суши...—повторила она, и это было ея первое мнѣніе, которое она высказала съ увѣренностью послѣ столькихъ лѣтъ молчанія и пустоты въ мысляхъ.

И она уже имѣла свои мнѣнія и за ужиномъ говорила съ родителями Саша о томъ, какъ теперь дѣтямъ трудно учиться въ гимназіяхъ, но что все-таки классическое образованіе лучше реальнаго, такъ какъ изъ гимназіи всюду открыта дорога: хочешь—иди въ доктора, хочешь—въ инженеры.

Саша сталъ ходить въ гимназію. Его мать уѣхала въ Харьковъ къ сестрѣ и не возвращалась; отецъ его каждый день уѣзжалъ куда-то осматривать гурты и, случалось, не жила въ дома дня по три, и Оленькѣ казалось, что Сашу совсѣмъ забросили, что онъ лишній въ домѣ, что онъ умираетъ съ голоду; и она перевела его къ себѣ во флигель и устроила его тамъ въ маленькой комнатѣ.

И вотъ уже прошло полгода, какъ Саша живетъ у нея во флигелѣ. Каждое утро Оленька входитъ въ его комнату; онъ крѣпко спитъ, подложивъ руку подъ щеку, не дышитъ. Ей жаль будить его.

— Сашенька,—говоритъ онъ печально:—вставай, голубчикъ! Въ гимназію пора.

Онъ встаетъ, одѣвается, молится Богу, потомъ садится чай пить; выпиваетъ три стакана чаю и съѣдаетъ два большихъ бублика и полъ-французскаго хлѣба съ масломъ. Онъ еще не совсѣмъ очнулся отъ сна и потому не въ духѣ.

— А ты, Сашенька, не твердо выучилъ басню,—говоритъ Оленька и глядитъ на него такъ, будто провожаетъ

его въ дальнюю дорогу. — Забота мнѣ съ тобой. Ужъ ты старайся, голубчикъ, учись... Слушайся учителей.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста!—говорить Саша.

Затѣмъ онъ идетъ по улицѣ въ гимназію, самъ маленькій, но въ большомъ картузѣ съ ранцемъ на спинѣ. За нимъ безшумно идетъ Оленька.

— Сашенька-а!—окликаетъ она.

Онъ оглядывается, а она суетъ ему въ руку финикъ или карамельку. Когда поворачиваютъ въ тотъ переулокъ, гдѣ стоитъ гимназія, ему становится совѣстно, что за нимъ идетъ высокая, полная женщина; онъ оглядывается и говоритъ:

— Вы, тетя, идите домой, а теперь уже я самъ дойду.

Она останавливается и смотритъ ему вслѣдъ, не мигая, пока онъ не скрывается въ подѣздѣ гимназіи. Ахъ, какъ она его любитъ! Изъ ея прежнихъ привязанностей ни одна не была такою глубокой, никогда еще раньше ея душа не покорялась такъ безавѣтно, безкорыстно и съ такой отрадой, какъ теперь, когда въ ней все болѣе и болѣе разгоралось материнское чувство. За этого чужого ей мальчика, за его ямочки на щекахъ, за картузъ, она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы съ радостью, со слезами умиленія. Почему? А кто жъ его знаетъ—почему?

Проводивъ Сашу въ гимназію, она возвращается домой тихо, такая довольная, покойная, любвеобильная; ея лицо, помолодѣвшее за послѣдніе полгода, улыбается, сіяетъ; встрѣчные, глядя на нее, испытываютъ удовольствіе и говорятъ ей:

— Здравствуйте, душечка Ольга Семеновна! Какъ поживаете, душечка?

— Трудно теперь стало въ гимназіи учиться, — рассказываетъ она на базарѣ. — Шутка ли, вчера въ первомъ классѣ задали басню наизусть, да переводъ латинскій, да задачу... Ну, гдѣ тутъ маленькому?

И она начинаетъ говорить объ учителяхъ, объ урокахъ, объ учебникахъ,—то же самое, что говоритъ о нихъ Саша.

Въ третьемъ часу вмѣстѣ обѣдаютъ, вечеромъ вмѣстѣ готовятъ уроки и плачутъ. Укладывая его въ постель, она долго креститъ его и шепчетъ молитву, потомъ, ложась спать, грезитъ о томъ будущемъ, далекомъ и туманномъ, когда Саша, кончивъ курсъ, станетъ докторомъ или инже-

веромъ, будетъ имѣть собственный большой домъ, лошадей, коляску, женится, у него родятся дѣти... Она засыпаетъ и все думаетъ о томъ же, и слезы текутъ у нея по щекамъ изъ закрытыхъ глазъ. И черная кошечка лежитъ у нея подъ бокомъ и мурлычить:

— Мур... мур... мур...

Вдругъ сильный стукъ въ калитку. Оленька просыпается и не дышитъ отъ страха; сердце у нея сильно бьется. Проходитъ полминуты, и опять стукъ.

«Это телеграмма изъ Харькова,—думаетъ она, начиная дрожать всѣмъ тѣломъ.—Мать требуетъ Сашу къ себѣ въ Харьковъ... О, Господи!»

Она въ отчаяніи; у нея холодѣютъ голова, ноги, руки, и кажется, что несчастнѣе ея нѣтъ человѣка на всемъ свѣтѣ. Но проходитъ еще минута, слышатся голоса: это ветеринаръ вернулся домой изъ клуба.

«Ну, слава Богу», думаетъ она.

Отъ сердца мало-по-малу отстаетъ тяжесть, опять становится легко; она ложится и думаетъ о Сашѣ, который спитъ крѣпко въ сосѣдней комнатѣ и изрѣдка говорить въ бреду:

— Я ттебѣ! Пошелъ вонъ! Не дерись!

ПО ДѢЛАМЪ СЛУЖБЫ.

Исправляющій должность судебного слѣдователя и уѣздный врачъ ѣхали на вскрытіе въ село Сырню. По дорогѣ ихъ захватила метель, они долго кружили и пріѣхали къ мѣсту не въ полдень, какъ хотѣли, а только къ вечеру, когда уже было темно. Остановились на ночлегъ въ земской избѣ. Тутъ же, въ земской избѣ, по случайности, находился и трупъ, трупъ земскаго страхового агента Лѣсницкаго, который три дня назадъ пріѣхалъ въ Сырню и, расположившись въ земской избѣ и потребовавъ себѣ самоваръ, застрѣлился совершенно неожиданно для всѣхъ; и то обстоятельство, что онъ покончилъ съ жизнью какъ-то странно, за самоваромъ, разложивъ на столѣ закуски, дало многимъ поводъ заподозрить тутъ убійство; понадобилось вскрытіе.

Докторъ и слѣдователь въ сѣняхъ стряхивали съ себя снѣгъ, стуча ногами, а возлѣ стоялъ сотскій Илья Лошадинъ, старикъ, и свѣтилъ имъ, держа въ рукахъ жестяную лампочку. Сильно пахло керосиномъ.

— Ты кто?—спросилъ докторъ.

— Цоцкай...—отвѣтилъ сотскій.

Онъ и на почтѣ такъ расписывался: цоцкай.

— А гдѣ же понятые?

— Должно, чай пить пошли, ваше высокоблагородіе.

Направо была чистая комната, «пріѣзжая», или господская, налѣво—черная, съ большой печью и полатями. Докторъ и слѣдователь, а за ними сотскій, держа лампочку выше головы, вошли въ чистую. Здѣсь на полу, у самыхъ

ножекъ стола лежало неподвижно длинное тѣло, покрытое бѣлымъ. При слабомъ свѣтѣ лампочки, кромѣ бѣлаго покрывала, ясно были видны еще новыя резиновыя калоши, и все тутъ было нехорошо, жутко: и темныя стѣны, и тишина, и эти калоши, и неподвижность мертваго тѣла. На столѣ былъ самоваръ, давно уже холодный, и вокругъ него свертки, должно-быть, съ закусками.

— Стрѣляться въ земской избѣ—какъ это безтактно!— проговорилъ докторъ.—Пришла охота пустить себѣ пулю въ лобъ, ну и стрѣлялся бы у себя дома, гдѣ-нибудь, въ сараѣ.

Онъ, какъ былъ, въ шапкѣ, въ шубѣ и въ валенкахъ, опустился на скамью; его спутникъ, слѣдователь, сѣлъ напротивъ.

— Эти истерики и неврастеники большіе эгоисты, — продолжалъ докторъ съ горечью. — Когда неврастеникъ спитъ съ вами въ одной комнатѣ, то шуришитъ газетой; когда онъ обѣдаетъ съ вами, то устраиваетъ сцену своей женѣ, не стѣсняясь вашимъ присутствіемъ; и когда ему приходитъ охота застрѣлиться, то вотъ онъ стрѣляется въ деревнѣ, въ земской избѣ, чтобы надѣлать всѣмъ побольше хлопотъ. Эти господа при всѣхъ обстоятельствахъ жизни думаютъ только о себѣ. Только о себѣ! Потому-то старики такъ и не любятъ этого нашего «нервнаго вѣка».

— Мало ли чего не любятъ старики, — сказалъ слѣдователь, зѣвая. — Вы вотъ укажите старикамъ на то, какая разница между прежними и теперешними самоубійствами. Прежній, такъ-называемый порядочный человѣкъ стрѣлялся оттого, что казенныя деньги растратилъ, а теперешній — жизнь надоѣла, тоска... Что лучше?

— Жизнь надоѣла, тоска, но, согласитесь, можно было бы застрѣлиться и не въ земской избѣ.

— Ужъ такое горе, — заговорилъ сотскій: — такое горе, чистое наказаніе. Народъ очень беспокоится, ваше высокоблагородіе, ужъ третью ночь не спать. Ребята плачутъ. Надо коровъ донть, а бабы въ хлѣвъ не идутъ, боятся... Какъ бы въ потемкахъ баринъ не примерещился. Извѣстно, глупыя женщины, но которые и мужики тоже боятся. Какъ вечеръ, мимо избы не ходятъ въ одиночку, а такъ, все табуномъ. И понятые тоже...

Докторъ Старченко, мужчина среднихъ лѣтъ, съ темной бородой, въ очкахъ, и слѣдователь Лыжинъ, бѣлокурый,

еще молодой, кончившій только два года назадъ и похожій больше на студента, чѣмъ на чиновника, сидѣли молча, задумавшись. Имъ было досадно, что они опоздали. Нужно было теперь ждать до утра, оставаться здѣсь ночевать, а былъ еще только шестой часъ, и имъ представлялись длинный вечеръ, потомъ длинная, темная ночь, скука, неудобство ихъ постелей, тараканы, утренній холодъ; и прислушиваясь къ метели, которая выла въ трубѣ и на чердакѣ, они оба думали о томъ, какъ все это не похоже на жизнь, которой они хотѣли бы для себя и о которой когда-то мечтали, и какъ оба они далеки отъ своихъ сверстниковъ, которые теперь въ городѣ ходятъ по освѣщеннымъ улицамъ, не замѣчая непогоды, или собираются теперь въ театръ, или сидятъ въ кабинетахъ за книгой. О, какъ дорого они дали бы теперь, чтобы только пройти по Невскому или по Петровкѣ въ Москвѣ, послушать порядочнаго пѣнія, посидѣть часъ-другой въ ресторанѣ...

— У-у-у-у!—пѣла метель на чердакѣ, и что-то снаружи хлопало злобно, должно-быть, вывѣска на земской избѣ. — У-у-у-у!

— Какъ вамъ угодно, а я не желаю тутъ оставаться,—сказалъ Старченко, поднимаясь.—Еще шестой часъ, спать рано, я поѣду куда-нибудь. Тутъ недалеко живетъ фонъ-Тауницъ, всего три версты отъ Сырни. Поѣду къ нему, проведу тамъ вечеръ. Сотскій, ступай, скажи ямщику, чтобы не распрягалъ. А вы какъ?—спросилъ онъ у Лыжина.

— Не знаю. Должно-быть, спать лягу.

Докторъ запахнулся въ шубу и вышелъ. Слышно было, какъ онъ разговаривалъ съ ямщикомъ, какъ на озябшихъ лошадяхъ вздрагивали бубенчики. Уѣхалъ.

— Тебѣ, баринъ, здѣсь ночевать не годится,—сказалъ сотскій:—иди въ ту половину. Тамъ не чисто, да ужъ одну ночь ничего. Я сейчасъ самоваръ возьму у мужика, поставлю, потомъ этого навалю тебѣ сѣна, спи, ваше высокоблагородіе, съ Богомъ.

Немного погодя слѣдователь сидѣлъ въ черной половинѣ за столомъ и пилъ чай, а сотскій Лошадинъ стоялъ у двери и говорилъ. Это былъ старикъ за шестьдесятъ лѣтъ, небольшого роста, очень худой, сгорбленный, бѣлый, на лицѣ наивная улыбка, глаза слезились, и все онъ почмокивалъ, точно сосалъ леденецъ. Онъ былъ въ короткомъ полушубкѣ

и въ валенкахъ, и не выпускалъ изъ рукъ палки. Молодость слѣдователя, повидимому, вызывала въ немъ жалость, и потому, вѣроятно, онъ говорилъ ему «ты».

— Старшина Ѳедоръ Макарычъ приказывалъ, какъ пріѣдетъ становой, или слѣдователь, чтобы ему доложить,— говорилъ онъ. — Значить, такое дѣло, надо идти теперь... До волости четыре версты, метель, снѣгу намело—страсть; пожалуй, придешь туда не раньше, какъ въ полночь. Ишь гудеть какъ.

— Старшина мнѣ не нуженъ,—сказалъ Лыжинъ.—Ему тутъ нечего дѣлать.

Онъ съ любопытствомъ посматривалъ на старика и спросилъ:

— Скажи, дѣдъ, сколько лѣтъ ты ходишь сотскимъ?

— Сколько? Да ужъ лѣтъ тридцать. Послѣ воли черезъ пять лѣтъ сталъ ходить, вотъ и считай. Съ того время каждый день хожу. У людей праздникъ, а я все хожу. На дворѣ Святая, въ церквахъ звонъ, Христосъ воскресе, а я съ сумкой. Въ казначейство, на почту, къ становому на квартиру, къ земскому, къ податному, въ управу, къ господамъ, къ мужикамъ, ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Нону пакеты, повѣстки, окладные листы, письма, бланки разные, вѣдомости, и значить, господинъ хорошій, ваше высокоблагородіе, нынче такіе бланки пошли, чтобы цифри записывать—желтые, бѣлые, красные,—и всякій баринъ, или батька, или богатый мужикъ безпремѣнно записать долженъ разъ десять въ годъ, сколько у него посѣяно и убрано, сколько у него четвертей или пудовъ ржи, сколько овса, сѣна и какая, значить, погода и разныя тамъ насѣкомыя. Конечно, пиши чтò хочешь, тутъ одна форма, а ты ходи, раздавай листки, а потомъ опять ходи и собирай. Вотъ, къ примѣру сказать, барина потрошить не къ чему, самъ знаешь, пустое дѣло, только руки поганить, а ты вотъ потрудился, ваше высокоблагородіе, пріѣхалъ, потому форма; ничего тутъ не подѣлаешь. Тридцать лѣтъ хожу по формѣ. Лѣтомъ оно ничего, тепло, сухо, а зимой или осенью оно неудобно. Случалось, и утопалъ, и замерзалъ,—всего бывало. И въ лѣсу сумку отнимали недобрые люди, и въ шею били, и подъ судомъ былъ...

— За что подъ судомъ?

— За мошенничество.

— То-есть какъ за мошенничество?

— А такъ, значить, писарь Хрисанфъ Григорьевъ подрядчику чужія доски продалъ, обманулъ, значить. Я былъ при этомъ дѣлѣ, меня за водкой въ трактиръ посылали; ну, со мной писарь не дѣлился, даже стаканчика не поднесъ, но какъ я по нашей бѣдности, по видимости, значить, человекъ не надежный, не стоящій, то насъ обѣихъ судили; его въ острогъ, а меня, далъ Богъ, оправдали по всѣмъ правамъ. Въ судѣ такую бумагу читали. И всѣ въ мундирахъ. На судѣ-то. Я такъ тебѣ скажу, ваше высокоблагородіе, наша служба для непривычнаго—не приведи Богъ, погибель суцая, а для насъ ничего. Когда не ходишь, такъ даже ноги болятъ. И дома для насъ хуже. Дома въ волости писарю печь затопи, писарю воды принеси, писарю сапоги почисть.

— А сколько ты получаешь жалованья? — спросилъ Лыжинъ.

— Восемьдесятъ четыре рубля въ годъ.

— Небось вѣдь и доходишки есть. Не безъ того?

— Какіе наши доходишки! Нынѣшніе господа на чай даютъ рѣдко когда. Господа нынче строгіе, обижаются все. Ты ему бумагу принеси—обижается, шапку передъ нимъ снялъ—обижается. Ты, говорить, не съ того крыльца зашелъ, ты, говорить, пьяница, отъ тебя лукомъ воняетъ, болванъ, говорить, сукинъ сынъ. Есть, конечно, и добрые, да что съ нихъ возьмешь, только насмѣхаются и разныя прозванія. Къ примѣру, баринъ Алтухинъ; и добрый, и, глядишь, чверезый, въ своемъ умѣ, а какъ увидитъ, такъ и еричить, самъ не понимаетъ что. Прозваніе мнѣ такое далъ. Ты, говорить...

Сотскій проговорилъ какое-то слово, но такъ тихо, что нельзя было разобрать.

— Какъ?—спросилъ Лыжинъ.—Ты повтори.

— Администрація! — громко повторилъ сотскій. — Давно ужъ такъ зоветъ, лѣтъ шесть. Здравствуй, администрація! Но я ничего, пускай, Богъ съ нимъ. Случается, какая барыня вышлетъ стаканчикъ водочки и кусокъ пирога, ну, выпьешь за ея здоровье. А больше мужики подають; мужики—тѣ душевнѣй, Бога боятся: кто хлѣбца, кто щецъ дастъ похлебать, кто и поднесетъ. Старосты чайкомъ потчуютъ въ трактирѣ. Вотъ сейчасъ понятые пошли чай пить,

«Лошадинъ, говорятъ, побудь тутъ за насъ, постереги»,— и по копейкѣ дали. Страшно имъ съ непривычки. А вчерась дали пятиалтыничекъ и стаканчикъ поднесли.

— А тебѣ развѣ не страшно?

— Страшно, баринъ, да вѣдь наше дѣло такое—служба, никуда отъ ней не уйдешь. Лѣтось веду арестанта въ городъ, а онъ меня—по шеѣ! по шеѣ! по шеѣ! А кругомъ поле, лѣсъ, — куда отъ него уйдешь? Такъ и тутъ вотъ. Барина, Лѣсницкаго, я еще эканькаго помню, и отца его зналъ, и мамашу. Я изъ деревни Недошотовой, а они, господа Лѣсницкіе, отъ насъ не больше, какъ въ верстѣ, и того меньше, межа съ межей. И была у господина Лѣсницкаго сестра, дѣвица богобоязливая и милосердная. Помяни Господи душу рабы твоей Юліи, вѣчная память. Замужъ не пошла, а когда помирала, то все свое добро подѣлила; на монастырь записала сто десятинъ, да намъ обществу крестьянъ деревни Недошотовой, на поминъ души, двѣсти, а братецъ ейный, баринъ-то, бумагу спрягалъ, сказываютъ, въ печкѣ сжегъ и всю землю себѣ забралъ. Думалъ, значить, себѣ на пользу, ахъ—нѣтъ, погоди, на свѣтѣ неправдой по проживешь, братъ. Баринъ потомъ на духу лѣтъ двадцать не былъ, его отъ церкви отшибало, значить, и безъ покаянія померъ, лопнулъ. Толстючій былъ. Такъ и лопнулъ вдоль. Потомъ у молодого барина, у Сережи-то, все за долги забрали, все какъ есть; ну, въ наукахъ далеко не пошелъ, ничего не можетъ, и предѣдатель земской управы, дядя его, «возьму-ка, думаетъ, его, Сережу-то, къ себѣ въ агенты, пускай страхуетъ, дѣло не мудрое». А баринъ молодой, гордый, тоже хочется, да пошире, да повиднѣй, да новольготнѣй, ну, обидно, значить, въ телѣжонкѣ трепаться по уѣзду, съ мужиками разговаривать; ходитъ и все въ землю глядитъ, глядитъ и молчитъ; окликнешь его у самого уха:—«Сергѣй Сергѣичь!»— а онъ оглянется этакъ:—«А?»—и опять глядитъ въ землю. А теперь, видишь, руки на себя наложилъ. Нескладно, ваше высокоблагородіе, неправильно это самое и не поймешь, что оно такое на свѣтѣ, Господи милостивый. Сказать, отецъ былъ богатый, а ты бѣдный, обидно, это конечно, ну, да что жъ, привыкать надо. Я тоже жилъ хорошо, у меня, вание высокоблагородіе, были двѣ лошади, три коровы, овецъ штукъ двадцать держалъ, а пришло

время съ одной сумочкой остался, да и та не моя, а казенная, и теперь, въ нашей Недощотовой, ежели говорить, мой домъ что ни-на-есть хуже. У Мокея было четыре лакея, а теперь Мокей самъ лакей. У Петрака было четыре батрака, а теперь Петракъ самъ батракъ.

— Отчего же ты обѣднялъ?—спросилъ слѣдователь.

— Сыны мои водку пьютъ шибоко. Такъ пьютъ, такъ пьютъ, что сказать нельзя, не повѣришь.

Лыжинъ слушалъ и думалъ о томъ, что вотъ онъ, Лыжинъ, уѣдетъ рано или поздно опять въ Москву, а этотъ старикъ останется здѣсь навсегда и будетъ все ходить и ходить; и сколько еще въ жизни придется встрѣчать такихъ истрепанныхъ, давно не чесанныхъ, «не стоящихъ» стариковъ, у которыхъ въ душѣ какимъ-то образомъ крѣпко сжились пятиалтыничекъ, стаканчикъ и глубокая вѣра въ то, что на этомъ свѣтѣ неправдой не проживешь. Потомъ наскучило слушать, и онъ приказалъ принести сѣна для постели. Въ прѣзжей стояла желѣзная кровать съ подушкой и одѣяломъ, и ее можно было принести оттуда, но возлѣ нея почти три дня лежалъ покойникъ (который, быть-можетъ, сядилъ на нее передъ смертью), и теперь на ней было бы неприятно спать...

«Еще только половина восьмого, — подумалъ Лыжинъ, взглянувъ на часы.—Какъ это ужасно!»

Спать не хотѣлось, но отъ нечего дѣлать, чтобы какъ-нибудь скоротать время, онъ легъ и укрылся пледомъ. Лошадина, убирая посуду, выходилъ и входилъ нѣсколько разъ, почмокивая и вздыхая, все топтался у стола, наконецъ, взявъ свою лампочку и вышелъ; и глядя сзади на его длинные сѣдые волосы и согнутое тѣло, Лыжинъ подумалъ:

«Точно колдунъ въ оперѣ».

Стало темно. Должно-быть, за облаками была луна, такъ какъ ясно были видны окна и снѣгъ на рамахъ.

— У-у-у-у!—пѣла метель.—У-у-у-у!

— Ба-а-а-тюшки!—провыла баба на чердакѣ, или такъ только послышалось.—Ба-а-а-тюшки мои-и!

— Ббухъ!—ударилось что-то снаружи о стѣну.—Трахъ!

Слѣдователь прислушался: никакой бабы не было, вылъ вѣтеръ. Было прохладно, и онъ сверхъ пледа накрылся еще шубой. Грѣясь, онъ думалъ о томъ, какъ все это—и метель, и изба, и старикъ, и мертвое тѣло, лежавшее въ

сосѣдной комнатѣ,—какъ все это было далеко отъ той жизни, какой онъ хотѣлъ для себя, и какъ все это было чуждо для него, мелко, неинтересно. Если бы этотъ человѣкъ убилъ себя въ Москвѣ, или гдѣ-нибудь подѣ Москвой, и пришлось бы вести слѣдствіе, то тамъ это было бы интересно, важно и, пожалуй, даже было бы странно спать по сосѣдству съ трупомъ; тутъ же за тысячу верстъ отъ Москвы, все это какъ будто иначе освѣщено, все это не жизнь, не люди, а что-то существующее только «по формѣ», какъ говорить Лошадинъ, все это не оставитъ въ памяти ни малѣйшаго слѣда и забудется, едва только онъ, Лыжинъ, выѣдетъ изъ Сырни. Родина, настоящая Россія—это Москва, Петербургъ, а здѣсь провинція, колонія; когда мечтаешь о томъ, чтобы играть роль, быть популярнымъ, быть, напримеръ, слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, или прокуроромъ окружнаго суда, быть свѣтскимъ львомъ, то думаешь непремѣнно о Москвѣ. Если жить, то въ Москвѣ, здѣсь же ничего не хочется, легко миришься со своей незамѣтною ролью и только ждешь одного отъ жизни—скорѣе бы уйти, уйти. И Лыжинъ мысленно носился по московскимъ улицамъ, заходилъ въ знакомые дома, видѣлся съ родными, товарищами, и сердце у него сладко сжималось при мысли, что ему теперь двадцать шесть лѣтъ и что, если онъ вырвется отсюда и попадетъ въ Москву черезъ пять или десять лѣтъ, то и тогда еще будетъ не поздно и останется еще впереди цѣлая жизнь. И впадая въ забытѣе, когда уже у него стали путаться мысли, онъ воображалъ длинные коридоры московскаго суда, себя, говорящаго рѣчь, своихъ сестеръ, оркестръ, который почему-то все гудитъ:

— У-у-у! У-у-у!

— Бухъ! Трахъ!—раздалось опять.—Бухъ!

И онъ вдругъ вспомнилъ, какъ однажды въ земской управѣ, когда онъ разговаривалъ съ бухгалтеромъ, къ конторкѣ подошелъ какой-то господинъ съ темными глазами, черноволосый, худой, блѣдный; у него было непріятное выраженіе глазъ, какое бываетъ у людей, которые долго спали послѣ обѣда, и оно портило его тонкій, умный профиль; и высокіе сапоги, въ которыхъ онъ былъ, не шли къ нему, казались грубыми. Бухгалтеръ представилъ:—«Это нашъ земскій агентъ».

— Такъ это былъ Лѣсницкій... вотъ этотъ самый...—
соображалъ теперь Лыжинъ.

Онъ вспомнилъ тихій голосъ Лѣсницкаго, вообразилъ его походку, и ему показалось, что возлѣ него ходить теперь кто-то, ходить точно такъ же, какъ Лѣсницкій.

Вдругъ стало страшно, похолодѣла голова.

— Кто здѣсь?—спросилъ онъ съ тревогой.

— Цоцкай.

— Что тебѣ тутъ нужно?

— Я, ваше высокоблагородіе, спроситься. Вы сказали давеча, старшина не нуженъ, да я боюсь, не осерчалъ бы. Приказывалъ прійтить. Сходить нешто?

— Ну тебя! Надоѣлъ...—проговорилъ съ досадою Лыжинъ и опять укрывся.

— Не осерчалъ бы... Пойду, ваше высокоблагородіе, счастливо оставаться.

И Лошадинъ вышелъ. Въ сѣняхъ покашливали и говорили вполголоса. Должно-быть, понятые вернулись.

«Завтра отпустимъ этихъ бѣдняковъ пораньше...—думалъ слѣдователь.—Начнемъ вскрытіе какъ только разсвѣтетъ».

Онъ сталъ забываться, какъ вдругъ опять чьи-то шаги, но не робкіе, а быстрые, шумные. Хлопнула дверь, голоса, чирканье спичкой...

— Вы спите? Вы спите?—спрашивалъ торопливо и сердито докторъ Старченко, зажигая спичку за спичкой; онъ былъ весь покрытъ снѣгомъ и отъ него вѣяло холодомъ.— Вы спите? Вставайте, поѣдемъ къ фонъ-Тауницу. Онъ прислалъ за вами своихъ лошадей. Поѣдьте, тамъ по крайней мѣрѣ поужинаете, уснете по-человѣчески. Видите, я самъ за вами пріѣхалъ. Лошади прекрасныя, мы въ двадцать минутъ докатимъ.

— А который теперь часъ?

— Четверть одиннадцатаго.

Лыжинъ, сонный, недовольный, надѣлъ валенки, шубу, шапку и башлыкъ и вмѣстѣ съ докторомъ вышелъ наружу. Мороза большого не было, но дулъ сильный, пронзительный вѣтеръ и гналъ вдоль улицы облака снѣга, которыя, казалось, бѣжали въ ужасѣ; подъ заборами и у крылецъ уже навалило высокіе сугробы. Докторъ и слѣдователь сѣли въ сани и бѣлый кучеръ перегнулся къ нимъ, чтобы застегнуть полость. Обоимъ было жарко.

— Трогай!

Поѣхали по деревнѣ. «Бразды пушистыя взрывая»...—думалъ вяло слѣдователь, глядя, какъ пристяжная работала погами. Во всѣхъ избахъ свѣтились огни, точно былъ канунъ большого праздника; это крестьяне не спали, боялись покойника. Кучеръ молчалъ угрюмо; должно-быть, соскучился, пока стоялъ около земской избы, и теперь тоже думалъ о покойникѣ.

— А у Тауница,—сказалъ Старченко:—когда узнали, что вы остались ночевать въ избѣ, то всѣ набросились на меня, почему я это васъ съ собой не взялъ.

На выѣздѣ изъ деревни, на поворотѣ, кучеръ вдругъ крикнулъ во все горло:

— Съ дороги!

Промелькнулъ какой-то человекъ; онъ стоялъ по-колѣна въ снѣгу, сойдя съ дороги, и смотрѣлъ на тройку; слѣдователь видѣлъ палку крючкомъ и бороду и на боку сумку, и ему показалось, что это Лошадинъ, и даже показалось, что онъ улыбается. Мелькнулъ и исчезъ.

Дорога шла сначала по краю лѣса, потомъ по широкой лѣсной просѣкѣ; мелькали и старыя сосны, и молодой березнякъ, и высокіе молодые, корявые дубы, одиноко стоявшіе на полянахъ, гдѣ недавно срубили лѣсъ, но скоро все смѣшалось въ воздухѣ, въ облакахъ снѣга: кучеръ говорилъ, что онъ видитъ лѣсъ, слѣдователю же не было видно ничего, кромѣ пристяжной. Вѣтеръ дулъ въ спину.

Вдругъ лошади остановились.

— Ну, что еще?—сердито спросилъ Старченко.

Кучеръ молча слѣзъ съ козелъ и сталъ бѣгать вокругъ саней, наступая на пятки; дѣлалъ онъ круги все больше и больше, все удаляясь отъ саней, и было похоже, что онъ танцуетъ; наконецъ вернулся и сталъ сворачивать вправо.

— Съ дороги сбился, что ли?—спросилъ Старченко.

— Ничего-о...

Вотъ какая-то деревушка, ни одного огонька въ ней. Опять лѣсъ, поле, опять сбился съ дороги и кучеръ слѣзалъ съ козелъ и танцевалъ. Тройка понесла по темной аллеѣ, понесла быстро, и горячая пристяжная была по передку саней. Здѣсь деревья шумѣли гулко, страшно и не было видно ни зги, точно неслись куда-то въ пропасть, и вдругъ—ударилъ въ глаза яркій свѣтъ подъѣзда и оконъ, раздался добродушный залихватый лай, голоса... Приѣхали.

Пока внизу въ передней снимали шубы и валенки, наверху играли на роялѣ «Un petit verre de Cliquot» и было слышно, какъ дѣти топали ногами. На прѣвзжихъ сразу пахнуло тепломъ, запахомъ старыхъ барскихъ покоевъ, гдѣ, какая бы ни была погода снаружи, живется такъ тепло, чисто, удобно.

— Вотъ и прекрасно,—говорилъ фонъ-Тауницъ, толстякъ съ невѣроятной широкой шеей и съ бакенами, пожимая слѣдователю руку.—Вотъ и прекрасно. Милости прошу, очень радъ познакомиться. Мы вѣдь съ вами немножко коллеги. Когда-то я былъ товарищемъ прокурора, но не долго, всего два года; прѣхалъ сюда хозяйничать и здѣсь состарился. Старый хрѣтъ, однимъ словомъ. Милости прошу,—продолжалъ онъ, очевидно, сдерживая свой голосъ, чтобы не говорить громко; онъ и гости поднимались наверхъ.—Жены у меня нѣтъ, умерла, а это, рекомендую, мои дочери.—И, обернувшись, онъ крикнулъ внизъ громовымъ голосомъ:—Скажите тамъ Игнату, чтобы завтра подавалъ къ восьми часамъ!

Въ залѣ находились его четыре дочери, молодыя дѣвушки, хорошенькія, всѣ въ сѣрыхъ платьяхъ и одинаково причесанныя, и ихъ кузина съ дѣтми, тоже молодая и интересная. Старченко, который былъ знакомъ съ ними, тотчасъ же сталъ просить спѣть что-нибудь, и двѣ барышни долго увѣряли, что онѣ не умѣютъ пѣть и что у нихъ нѣтъ нотъ, потомъ кузина сѣла за рояль, и онѣ спѣли дрожащими голосами дуэтъ изъ «Пиковою дамою». Опять заиграли «Un petit verre de Cliquot», и дѣти запрыгали, топая въ тактъ ногами. И Старченко запрыгалъ. Всѣ хохотали.

Потомъ дѣти прощались, уходя спать. Слѣдователь смѣялся, танцевалъ кадрили, ухаживалъ, а самъ думалъ: не сонъ ли все это? Черная половина земской избы, куча сѣна въ углу, шорохъ таракановъ, противная нищенская обстановка, голоса понятыхъ, вѣтеръ, метель, опасность сбиться съ дороги и вдругъ эти великолѣпныя свѣтлыя комнаты, звуки рояля, красивыя дѣвушки, кудрявыя дѣти, веселый, счастливый смѣхъ—такое превращеніе казалось ему сказочнымъ; и было невѣроятно, что такія превращенія возможны на протяженіи какихъ-нибудь трехъ верстъ, одного часа. И скучныя мысли мѣшали ему веселиться, и онъ все думалъ о томъ, что это кругомъ не жизнь, а клочки жизни, отрывки, что все здѣсь случайно, никакого вывода сдѣлать нельзя; и ему даже было жаль этихъ дѣвушекъ, которыя

жить и кончатъ свою жизнь здѣсь въ глуши, въ провинціи, вдали отъ культурной среды, гдѣ ничто не случайно, все осмысленно, законно и, напримѣръ, всякое самоубійство понятно, и можно объяснить, почему оно и какое оно имѣетъ значеніе въ общемъ круговоротѣ жизни. Онъ полагалъ, что если окружающая жизнь здѣсь, въ глуши, ему не понятна и если онъ не видитъ ея, то это значитъ, что ея здѣсь нѣтъ вовсе.

За ужиномъ шелъ разговоръ о Лѣсницкомъ.

— Онъ оставилъ жену и ребенка,—говорилъ Старченко.—Неврастеникамъ и вообще людямъ, у которыхъ нервная система не въ порядкѣ, я запретилъ бы вступать въ бракъ; я отнялъ бы у нихъ право и возможность размножать себѣ подобныхъ. Производить на свѣтъ нервно-больныхъ дѣтей—это преступленіе.

— Несчастный молодой человекъ,—говорилъ фонъ-Тауницъ, тихо вздыхая и покачивая головой.—Сколько надо прежде передумать, выстрадать, чтобы, наконецъ, рѣшиться отнять у себя жизнь... молодую жизнь. Въ каждой семьѣ можетъ случиться такое несчастье, и это ужасно. Трудно это переносить, нестерпимо...

И всѣ дѣвушки слушали молча, съ серьезными лицами, глядя на отца. Лыжинъ чувствовалъ, что ему тоже со своей стороны нужно сказать что-нибудь, но онъ ничего не могъ придумать и сказалъ только:

— Да, самоубійства—явленіе не желательное.

Онъ спалъ въ теплой комнатѣ, въ мягкой постели, укрытый одеяломъ, подъ которымъ была тонкая свѣжая простыня, но почему-то не испытывалъ удобства; быть-можетъ, это оттого, что въ сосѣдней комнатѣ долго разговаривали докторъ и фонъ-Тауницъ, и вверху надъ потолкомъ и въ печкѣ метель шумѣла такъ же, какъ въ земской избѣ, и такъ же выла жалобно:

— У-у-у-у!

У Тауница года два назадъ умерла жена, и онъ до сихъ поръ еще не помирился съ этимъ и, о чемъ бы ни говорилъ, всякій разъ вспоминалъ о женѣ; и въ немъ уже не осталось ничего прокурорскаго.

«Неужели и я когда-нибудь могу дойти до такого состоянія?»—думалъ Лыжинъ, засыпая и слушая сквозь стѣну его сдержанный, точно сиротскій голосъ.

Слѣдователь спать не покойно. Было жарко, неудобно, и

ему казалось во снѣ, что онъ не въ домѣ Тауница, и не въ мягкой чистой постели, а все еще въ земской избѣ, на снѣгѣ, и слышитъ, какъ вполголоса говорятъ понятые; ему казалось, что Лѣсницкій близко, въ пятнадцати шагахъ. Ему опять вспомнилось во снѣ, какъ земскій агентъ, черноволосый, блѣдный, въ высокихъ запыленныхъ сапогахъ подходилъ къ конторкѣ бухгалтера.—«Это нашъ земскій агентъ...» Потомъ ему представилось, будто Лѣсницкій и сотскій Лошадникъ шли въ полѣ по снѣгу, бокъ-о-бокъ, поддерживая другъ друга; метель кружила надъ ними, вѣтеръ дулъ въ спины, а они шли и подпѣвали:

— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ.

Старикъ былъ похожъ на колдуна въ оперѣ, и оба въ самомъ дѣлѣ шли точно въ театрѣ:

— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Вы въ теплѣ, вамъ свѣтло, вамъ мягко, а мы идемъ въ морозъ, въ метель, по глубокому снѣгу... Мы не знаемъ покоя, не знаемъ радостей... Мы несемъ на себѣ всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей... У-у-у! Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ...

Лыжникъ проснулся и сѣлъ въ постели. Какой смутный, нехорошій сонъ! И почему агентъ и сотскій приснились вмѣстѣ? Что за вздоръ! И теперь, когда у Лыжина сильно билось сердце и онъ сидѣлъ въ постели, охвативъ голову руками, ему казалось, что у этого страхового агента и у сотскаго въ самомъ дѣлѣ есть что-то общее въ жизни. Не идутъ ли они и въ жизни бокъ-о-бокъ, держась другъ за друга? Какая-то связь невидимая, но значительная и необходимая, существуетъ между обоими, даже между ними и Тауницемъ, и между всѣми, всѣми; въ этой жизни, даже въ самой пустынной глуши, ничто не случайно, все полно одной общей мысли, все имѣетъ одну душу, одну цѣль, и чтобы понимать это, мало думать, мало разсуждать, надо еще, вѣроятно, имѣть даръ проникновенія въ жизнь, даръ, который дается, очевидно, не всѣмъ. И несчастный, надорвавшийся, убившій себя «неврастеникъ», какъ называлъ его докторъ, и старикъ мужикъ, который всю свою жизнь каждый день ходитъ отъ человѣка къ человѣку,—это случайности, отрывки жизни для того, кто и свое существованіе считаетъ случайнымъ, и это части одного организма, чудеснаго и разумнаго, для того, кто и свою жизнь считаетъ частью этого общаго и понимаетъ это. Такъ думалъ

Тыжипъ, и это было его давней затаенною мыслью и только теперь она развернулась въ его сознаниіи широко и ясно.

Онъ легъ и сталъ засыпать; и вдругъ опять они идутъ вмѣстѣ и поютъ:

— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Мы беремъ отъ жизни то, что въ ней есть самага тяжелаго и горькаго, а вамъ оставляемъ легкое и радостное, и вы можете, сидя за ужиномъ, холодно и здраво разсуждать, отчего мы страдаемъ и гибнемъ, и отчего мы не такъ здоровы и довольны, какъ вы.

То, что они пѣли, и раньше приходило ему въ голову, но эта мысль сидѣла у него какъ-то позади другихъ мыслей и мелькала робко, какъ далекій огонекъ въ туманную погоду. И онъ чувствовалъ, что это самоубійство и мужицкое горе лежать и на его совѣсти; мириться съ тѣмъ, что эти люди, покорные своему жребію, взвалили' на себя самое тяжелое и темное въ жизни — какъ это ужасно! Мириться съ этимъ, а для себя желать свѣтлой, шумной жизни среди счастливыхъ довольныхъ людей и постоянно мечтать о такой жизни — это значить мечтать о новыхъ самоубійствахъ людей, задавленныхъ трудомъ и заботой, или людей слабыхъ, заброшенныхъ, о которыхъ только говорятъ иногда за ужиномъ, съ досадою или съ усмѣшкой, но къ которымъ не идутъ на помощь... И опять:

— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ...

Точно кто стучитъ молоткомъ по вискамъ.

Утромъ проснулся онъ рано, съ головною болью, разбуженный шумомъ; въ сосѣдней комнатѣ фонъ-Тауницъ говорилъ громко доктору:

— Вамъ невозможно теперь ѣхать. Посмотрите, что дѣлается на дворѣ! Вы не спорьте, а спросите лучше у кучера: онъ не повезетъ васъ въ такую погоду и за миллионъ.

— Но вѣдь только три версты,—говорилъ докторъ умоляющимъ голосомъ.

— Да хоть полверсты. Коли нельзя, такъ и нельзя. Выѣдете только за ворота, тамъ адъ крошечный, въ одну минуту собьетесь съ дороги. Ни за что не отпущу, какъ вамъ угодно.

— Надо быть, къ вечеру утихнетъ,—сказалъ мужикъ, топившій печь.

И докторъ въ сосѣдней комнатѣ сталъ говорить о суровой природѣ, вліяющей на характеръ русскаго человѣка, о длинныхъ зимахъ, которыя, стѣсняя свободу передвиженія,

задерживаютъ умственный ростъ людей, а Лыжинъ съ до-
садой слушалъ эти разсужденія, смотрѣлъ въ окна на
сугробы, которые намело на заборъ, смотрѣлъ на бѣлую
пыль, заполнявшую все видимое пространство, на деревья,
которыя отчаянно гнулись то вправо, то влѣво, слушалъ
вой и стук и думалъ мрачно:

«Ну, какую тутъ можно вывести мораль? Метель, и больше
ничего...»

Въ полдень завтракали, потомъ бродили по дому безъ
цѣли, подходили къ окнамъ.

«А Лѣсницкій лежитъ,—думалъ Лыжинъ, глядя на вихри
снѣга, которые кружились неистово на сугробахъ.—Лѣсниц-
кій лежитъ, понятые ждутъ»...

Говорили о погодѣ, о томъ, что метель продолжается
обыкновенно двое сутокъ, рѣдко болѣе. Въ шесть часовъ
обѣдали, потомъ играли въ карты, пѣли, танцевали, на-
конецъ, ужинали. День прошелъ, легли спать.

Ночью подъ утро все успокоилось. Когда встали и по-
глядѣли въ окна, голыя ивы со своими слабо опущенными
вѣтвями стояли совершенно неподвижно, было пасмурно,
тихо, точно природѣ теперь было стыдно за свой разгулъ,
за безумныя ночи и волю, какую она дала своимъ стра-
стямъ. Лошади, запряженныя гусемъ, ожидали у крыльца
съ пяти часовъ утра. Когда совсѣмъ разсвѣло, докторъ и
слѣдователь надѣли свои шубы и валенки и, простившись
съ хозяиномъ, вышли.

У крыльца рядомъ съ кучеромъ стоялъ знакомый цопкай,
Илья Лошадинъ, безъ шапки, со старой кожаной сумкой
черезъ плечо, весь въ снѣгу; и лицо было красное, мокрое
отъ пота. Лакей, вышедшій, чтобы посадить гостей въ сани
и укрыть имъ ноги, посмотрѣлъ на него сурово и сказалъ:

— Что ты тутъ стоишь, старый чортъ? Пошелъ вонъ отсюда.

— Ваше высокоблагородіе, народъ безпokoится...—заго-
ворилъ Лошадинъ, улыбаясь наивно, во все лицо, и видимо
довольный, что, наконецъ, увидѣлъ тѣхъ, кого такъ долго
ждалъ.—Народъ очень безпokoится, ребята плачутъ... Ду-
мали, ваше благородіе, что вы опять въ городъ уѣхали.
Явите божескую милость, благодѣтели наши...

Докторъ и слѣдователь ничего не сказали, сѣли въ сани
и поѣхали въ Сырню.

І О Н Ы Ч Ъ .

І.

Когда въ губернскомъ городѣ С. прѣѣжіе жаловались на скуку и однообразіе жизни, то мѣстные жители, какъ бы оправдываясь, говорили, что, напротивъ, въ С. очень хорошо, что въ С. есть библіотека, театръ, клубъ, бываютъ балы, что, наконецъ, есть умныя, интересныя, пріятныя семьи, съ которыми можно завести знакомства. И указывали на семью Туркиныхъ, какъ на самую образованную и талантливую.

Эта семья жила на главной улицѣ, возлѣ губернатора, въ собственномъ домѣ. Самъ Туркинъ, Иванъ Петровичъ, полный, красивый брѹнетъ съ бакенами, устраивалъ любительскіе спектакли съ благотворительною цѣлью, самъ игралъ старыхъ генераловъ и при этомъ кашлялъ очень смѣшно. Онъ зналъ много анекдотовъ, шарадъ, поговорокъ, любилъ шутить и острить, и всегда у него было такое выраженіе, что нельзя было понять, шутить онъ, или говорить серьезно. Жена его Вѣра Іосифовна, худоцавая, миловидная дама въ *prince-nez*, писала повѣсти и романы и охотно читала ихъ вслухъ своимъ гостямъ. Дочь, Екатерина Ивановна, молодая дѣвушка, играла на роялѣ. Однимъ словомъ, у каждаго члена семьи былъ какой-нибудь свой талантъ. Туркины принимали гостей радушно и показывали имъ свои таланты, весело, съ сердечной простотой. Въ ихъ большомъ каменномъ домѣ было просторно и лѣтомъ прохладно, половина оконъ выходила въ старый тѣнистый садъ, гдѣ весной пѣли соловьи; когда въ домѣ сидѣли

гости, то въ кухнѣ стучали ножами. во дворѣ пахло жаренымъ лукомъ—и это всякій разъ предвѣщало обильный и вкусный ужинъ.

И доктору Старцеву, Дмитрію Іонычу, когда онъ былъ только-что назначенъ земскимъ врачомъ и поселился въ Дялижѣ, въ девяти верстахъ отъ С., тоже говорили, что ему, какъ интеллигентному человѣку, необходимо познакомиться съ Туркиными. Какъ-то зимой на улицѣ его представили Ивану Петровичу; поговорили о погодѣ, о театрѣ, о холерѣ, послѣдовало приглашеніе. Весной, въ праздникъ—это было Вознесеніе, — послѣ пріема больныхъ, Старцевъ отправился въ городъ, чтобы развлечься немножко и кстати купить себѣ кое-что. Онъ шелъ пѣшкомъ не сѣша (своихъ лошадей у него еще не было), и все время напѣвалъ:

Когда еще я не пилъ слезъ изъ чаши бытія...

Въ городѣ онъ пообѣдалъ, погулялъ въ саду, потомъ какъ-то само собой пришло ему на память приглашеніе Ивана Петровича, и онъ рѣшилъ сходить къ Туркинымъ, посмотрѣть, чтѣ это за люди.

— Здравствуйте пожалуйста,—сказалъ Иванъ Петровичъ, встрѣчая его на крыльцѣ.—Очень, очень радъ видѣть такого пріятнаго гостя. Пойдемте, я представлю васъ своей благовѣрной. Я говорю ему, Вѣрочка, — продолжалъ онъ, представляя доктора женѣ: — я ему говорю, что онъ не имѣетъ никакого римскаго права сидѣть у себя въ больницѣ, онъ долженъ отдавать свой досугъ обществу. Не правда ли, душенька?

— Садитесь здѣсь. — говорила Вѣра Іосифовна, сажая гостя возлѣ себя. — Вы можете ухаживать за мной. Мой мужъ ревнивъ, это Отелло, но вѣдь мы постараемся вести себя такъ, что онъ ничего не замѣтитъ.

— Ахъ, ты, цыпка, баловница... — нѣжно пробормоталъ Иванъ Петровичъ и поцѣловалъ ее въ лобъ. — Вы очень кстати пожаловали,—обратился онъ опять къ гостю: — моя благовѣрная написала большинскій романъ и сегодня будетъ читать его вслухъ.

— Жанчикъ,—сказала Вѣра Іосифовна мужу:—dites que l'on nous donne du thé.

Старцеву представили Екатерину Ивановну, восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, очень похожую на мать, такую же ху-

дошавую и миловидную. Выраженіе у нея было еще дѣтское и талія тонкая, нѣжная; и дѣвственная, уже развитая грудь, красивая, здоровая, говорила о весиѣ, настоящей весиѣ. Потомъ пили чай съ вареньемъ, съ медомъ, съ конфетами и съ очень вкусными печеньями, которыя таяли во рту. Съ наступленіемъ вечера, мало-по-малу, сходились гости, и къ каждому изъ нихъ Иванъ Петровичъ обращалъ свои смѣющіяся глаза и говорилъ:

— Здравствуйте пожалуйста.

Потомъ всѣ сидѣли въ гостиной, съ очень серьезными лицами, и Вѣра Іосифовна читала свой романъ. Она начала такъ: «Морозъ крѣпчалъ...» Окна были отворены настежь, слышно было, какъ на кухнѣ стучали ножами, и доносился запахъ жаренаго лука... Въ мягкихъ, глубокихъ креслахъ было покойно, огни мигали такъ ласково въ сумеркахъ гостиной; и теперь, въ лѣтній вечеръ, когда долетали съ улицы голоса, смѣхъ и потягивало со двора сиренью, трудно было понять, какъ это крѣпчалъ морозъ и какъ заходившее солнце освѣщало своими холодными лучами снѣжную равнину и путника, одиноко шедшаго по дорогѣ; Вѣра Іосифовна читала о томъ, какъ молодая, красивая графиня устраивала у себя въ деревнѣ школы, больницы, библіотеки и какъ она полюбила странствующаго художника,—читала о томъ, чего никогда не бываетъ въ жизни, и все-таки слушать было пріятно, удобно, и въ голову шли все такія хорошія, покойныя мысли,—не хотѣлось вставать.

— Не дурственно...—тихо проговорилъ Иванъ Петровичъ.

А одинъ изъ гостей, слушая и уносясь мыслями куда-то очень, очень далеко, сказалъ едва слышно:

— Да... дѣйствительно...

Прошелъ часъ, другой. Въ городскомъ саду по соседству игралъ оркестръ и пѣлъ хоръ пѣсениковъ. Когда Вѣра Іосифовна закрыла свою тетрадь, то минутъ пять молчали и слушали «Лучинушку», которую пѣлъ хоръ, и эта пѣсня передавала то, чего не было въ романѣ и что бываетъ въ жизни.

— Вы печатаете свои произведенія въ журналахъ? — спросилъ у Вѣры Іосифовны Старцевъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала она:—я нигдѣ не печатаю. Напишу и спрячу у себя въ шкапу. Для чего печатать?— пояснила она.—Вѣдь мы имѣемъ средства.

И всѣ почему-то вздохнули.

— А теперь ты, Котикъ, сыграй что-нибудь, — сказала Иванъ Петровичъ дочери.

Подняли у рояля крышку, раскрыли ноты, лежавшія уже наготовѣ. Екатерина Ивановна сѣла и обѣими руками ударила по клавишамъ; и потомъ тотчасъ же опять ударила изо всей силы, и опять, и опять; плечи и грудь у нея содрогались, она упрямо ударила все по одному мѣсту и, казалось, что она не перестанетъ, пока не вобьетъ клавишей внутрь рояля. Гостиная наполнилась громомъ; гремѣло все: и полъ, и потолокъ, и мебель... Екатерина Ивановна играла трудный пассажъ, интересный именно своею трудностью, длинный и однообразный, и Старцевъ, слушая, рисовалъ себѣ, какъ съ высокой горы сыплются камни, сыплются и все сыплются, и ему хотѣлось, чтобы они поскорѣе перестали сыпаться, и въ то же время Екатерина Ивановна, розовая отъ напряженія, сильная, энергичная, съ локономъ, упавшимъ на лобъ, очень правилась ему. Послѣ зимы, проведенной въ Дялижѣ, среди больныхъ и мужиковъ, сидѣть въ гостиной, смотрѣть на это молодое, изящное и, вѣроятно, чистое существо и слушать эти шумные, надобѣдливые, но все же культурные звуки,—было такъ пріятно, такъ ново...

— Ну, Котикъ, сегодня ты играла, какъ никогда, — сказала Иванъ Петровичъ со слезами на глазахъ, когда его дочь кончила и встала. — Умри, Денисъ, лучше не напишешь.

Всѣ окружили ее, поздравляли, изумлялись, увѣряли, что давно уже не слыхали такой музыки, а она слушала, молча, чуть улыбаясь, и на всей ея фигурѣ было написано торжество.

— Прекрасно! превосходно!

— Прекрасно! — сказала и Старцевъ, поддаваясь общему увлеченію. — Вы гдѣ учились музыкѣ? — спросилъ онъ у Екатерины Ивановны. — Въ консерваторіи?

— Нѣтъ, въ консерваторію я еще только собираюсь, а пока училась здѣсь, у мадамъ Завловской.

— Вы кончили курсъ въ здѣшней гимназіи?

— О, нѣтъ! — отвѣтила за нее Вѣра Іосифовна. — Мы приглашали учителей на домъ, въ гимназіи же или въ институтѣ, согласитесь, могли быть дурныя вліянія; пока

дѣвушка растеть, она должна находится подь вліяніемъ одной только матери.

— А все-таки въ консерваторію я поѣду,—сказала Екатерина Ивановна.

— Нѣтъ, Котикъ любить свою маму. Котикъ не станетъ огорчать папу и маму.

— Нѣтъ, поѣду! Поѣду!—сказала Екатерина Ивановна, шутя и капризная, и топнула ножкой.

А заужиномъ уже Иванъ Петровичъ показывалъ свои таланты. Онъ, смѣясь одними только глазами, рассказывалъ анекдоты, острилъ, предлагалъ смѣшныя задачи и самъ же рѣшалъ ихъ, и все время говорилъ на своемъ необыкновенномъ языкѣ, выработанномъ долгими упражненіями въ остроуміи и, очевидно, давно уже вошедшемъ у него въ привычку: бодяшинскій, не дурственно, покорчило васъ благодарю...

Но это было не все. Когда гости, сытые и довольные, толпились въ передней, разбирая свои пальто и трости, около нихъ суетился лакей Павлуша, или, какъ его звали здѣсь, Пава, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, стриженный, съ полными щеками.

— А ну-ка, Пава, изобрази! — сказалъ ему Иванъ Петровичъ.

Пава сталъ въ позу, поднялъ вверхъ руку и проговорилъ трагическимъ тономъ:

— Умри, несчастная!

И всѣ захохотали.

«Занятно»,—подумалъ Старцевъ, выходя на улицу.

Онъ зашелъ еще въ ресторанъ и выпилъ пива, потомъ отправился пѣшкомъ къ себѣ въ Дялижъ. Шелъ онъ и всю дорогу напѣвалъ:

Твой голосъ для меня и ласковый, и томный...

Пройдя девять верстъ и потомъ ложась спать, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей усталости, а напротивъ, ему казалось, что онъ съ удовольствіемъ прошелъ бы еще верстъ двадцать.

«Не дурственно...»—вспомнилъ онъ, засыпая, и засмѣялся.

II.

Старцевъ все собирался къ Туркинымъ, но въ больницѣ

было очень много работы, и онъ никакъ не могъ выбрать свободнаго часа. Прошло больше года такимъ образомъ въ трудахъ и одиночествѣ; но вотъ изъ города принесли письмо въ голубомъ конвертѣ...

Вѣра Іосифовна давно уже страдала мигренью, но въ послѣднее время, когда Котикъ каждый день пугала, что уѣдетъ въ консерваторію, припадки стали повторяться все чаще. У Туркиныхъ перебивали всѣ городскіе врачи; дошла, наконецъ, очередь и до земскаго. Вѣра Іосифовна написала ему трогательное письмо, въ которомъ просила его пріѣхать и облегчить ея страданія. Старцевъ пріѣхалъ, и послѣ этого сталъ бывать у Туркиныхъ часто, очень часто... Онъ, въ самомъ дѣлѣ, немножко помогъ Вѣрѣ Іосифовнѣ, и она всѣмъ гостямъ уже говорила, что это необыкновенный, удивительный докторъ. Но ѣздилъ онъ къ Туркинымъ уже не ради ея мигрени...

Праздничный день. Екатерина Ивановна кончила свои длинныя, томительныя экзерсисы на роялѣ. Потомъ долго сидѣли въ столовой и пили чай, и Иванъ Петровичъ разсказывалъ что-то смѣшное. Но вотъ звонокъ; нужно было идти въ переднюю встрѣчать какого-то гостя; Старцевъ воспользовался минутой замѣшательства и сказалъ Екатеринѣ Ивановнѣ шопотомъ, сильно волнуясь:

— Ради Бога, умоляю васъ, не мучайте меня, пойдемте въ садъ!

Она пожала плечами, какъ бы недоумѣвая и не понимая, что ему нужно отъ нея, но встала и пошла.

— Вы по три, по четыре часа играете на роялѣ,—говорилъ онъ, идя за ней: — потомъ сидите съ мамой, и нѣтъ никакой возможности поговорить съ вами. Дайте мнѣ хоть четверть часа, умоляю васъ.

Приближалась осень, и въ старомъ саду было тихо, грустно, и на аллеяхъ лежали темныя листья. Уже рано смеркалось.

— Я не видѣлъ васъ цѣлую недѣлю,—продолжалъ Старцевъ:—а если бы вы знали, какое это страданіе! Сядемте. Выслушайте меня.

У обоихъ было любимое мѣсто въ саду: скамья подъ старымъ широкимъ кленомъ. И теперь сѣли на эту скамью.

— Что вамъ угодно? — спросила Екатерина Ивановна сухо, дѣловымъ тономъ.

— Я не видѣлъ васъ цѣлую недѣлю, я не слышалъ васъ такъ долго. Я страстно хочу, я жажду вашего голоса. Говорите.

Она восхищала его своею свѣжестью, наивнымъ выраженіемъ глазъ и щекъ. Даже въ томъ, какъ сидѣло на ней платье,¹ онъ видѣлъ что-то необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной граціей. И въ то же время, несмотря на эту наивность, она казалась ему очень умной и развитой не по лѣтамъ. Съ ней онъ могъ говорить о литературѣ, объ искусствѣ, о чемъ угодно, могъ жаловаться ей на жизнь, на людей, хотя во время серьезнаго разговора, случалось, она вдругъ некстати начинала смѣяться, или убѣгала въ домъ. Она, какъ почти всѣ с—ія дѣвушки, много читала (вообще же въ С. читали очень мало, и въ здѣшней библиотекѣ такъ и говорили, что если бы не дѣвушки и не молодые евреи, то хоть закрывай библиотечку); это безконечно нравилось Старцеву, онъ съ волненіемъ спрашивалъ у нея всякій разъ, о чемъ она читала въ послѣдніе дни, и, очарованный, слушалъ, когда она рассказывала.

— Что вы читали на этой недѣлѣ, пока мы не видѣлись?—спросилъ онъ теперь.—Говорите, прошу васъ.

— Я читала Писемскаго.

— Что именно?

— «Тысяча душъ»,—отвѣтила Котикъ.—А какъ смѣшно звали Писемскаго: Алексѣй Теофилактычъ!

— Куда же вы?—ужаснулся Старцевъ, когда она вдругъ встала и пошла къ дому.—Мнѣ необходимо поговорить съ вами, я долженъ объясниться... Побудьте со мной хоть пять минутъ! Заклинаю васъ!

Она остановилась, какъ бы желая что-то сказать, потомъ неловко сунула ему въ руку записку и побѣжала въ домъ, и тамъ опять сѣла за рояль.

«Сегодня, въ одиннадцать часовъ вечера,—прочелъ Старцевъ:—будьте на кладбищѣ возлѣ памятника Деметти».

«Ну, ужъ это совсѣмъ не умно,—подумалъ онъ, придя въ себя.—При чемъ тутъ кладбище? Для чего?»

Было ясно: Котикъ дурачилась. Кому, въ самомъ дѣлѣ, придеть серьезно въ голову назначить свиданіе ночью, далеко за городомъ, на кладбищѣ, когда это легко можно устроить на улицѣ, въ городскомъ саду? И къ лицу ли ему,

земскому доктору, умному, солидному человѣку, вздыхать, получать записочки, таскаться по кладбищамъ, дѣлать глупости, надъ которыми смѣются теперь даже гимназисты? Къ чему поведетъ этотъ романъ? Что скажутъ товарищи, когда узнаютъ? Такъ думалъ Старцевъ, бродя въ клубъ около столовъ, а въ половинѣ одиннадцатаго вдругъ взялъ и поѣхалъ на кладбище.

У него уже была своя пара лошадей и кучеръ Пантелеймонъ въ бархатной жилеткѣ. Свѣтила луна. Было тихо, тепло, но тепло по-осеннему. Въ предмѣстьи, около боенъ, были собаки. Старцевъ оставилъ лошадей на краю города, въ одномъ изъ переулковъ, а самъ пошелъ на кладбище пѣшкомъ. «У всякаго свои странности,—думалъ онъ:—Котикъ тоже странная и—кто знаетъ?—быть-можетъ, она не шутитъ, придетъ»,—и онъ отдался этой слабой, пустой надеждѣ, и она оцѣпила его.

Съ полверсты онъ прошелъ полевъ. Кладбище обозначалось вдали темной полосой, какъ лѣсъ или большой садъ. Показалась ограда изъ бѣлаго камня, ворота... При лунномъ свѣтѣ на воротахъ можно было прочесть: «Грядетъ часъ въ онъ же...» Старцевъ вошелъ въ калитку, и первое, что онъ увидѣлъ, это бѣлые кресты и памятники по обѣ стороны широкой аллеи и черныя тѣни отъ нихъ и отъ тополей; и кругомъ далеко было видно бѣлое и черное, и сонныя деревья склоняли свои вѣтви надъ бѣлымъ. Казалось, что здѣсь было свѣтлѣй, чѣмъ въ полѣ; листья кленовъ, похожіе на лапы, рѣзко выдѣлялись на желтомъ пескѣ аллеи и на плитахъ, и надписи на памятникахъ были ясны. На первыхъ порахъ Старцева поразило то, что онъ видѣлъ теперь первый разъ въ жизни и чего, вѣроятно, больше уже не случится видѣть: міръ, не похожій ни на что другое,—міръ, гдѣ такъ хороши и мягки лунный свѣтъ, точно здѣсь его колыбель, гдѣ нѣтъ жизни, нѣтъ и нѣтъ, но въ каждомъ темномъ тополѣ, въ каждой могилѣ чувствуется присутствіе тайны, обѣщающей жизнь тихую, прекрасную, вѣчную. Отъ плитъ и увядшихъ цвѣтовъ, вмѣстѣ съ осеннимъ запахомъ листьевъ, вѣетъ прощеніемъ, печалью и покоемъ.

Кругомъ безмолвіе; въ глубокомъ смиреніи съ неба смотрѣли звѣзды, и шаги Старцева раздавались такъ рѣзко и некстати. И только когда въ церкви стали бить часы, и онъ вообразилъ самого себя мертвымъ, зарытымъ здѣсь навѣки,

то ему показалось, что кто-то смотрит на него, и онъ минуту подумалъ, что это не покой и не тишина, а глухая тоска небытія, подавленное отчаяніе...

Памятникъ Деметти въ видѣ часовни, съ ангеломъ наверху; когда-то въ С. была проездомъ итальянская опера, одна изъ пѣвицъ умерла, ее похоронили и поставили этотъ памятникъ. Въ городѣ уже никто не помнилъ о ней, но лампадка надъ входомъ отражала лунный свѣтъ и, казалось, горѣла.

Никого не было. Да и кто пойдетъ сюда въ полночь? Но Старцевъ ждалъ, и точно лунный свѣтъ подогрѣвалъ въ немъ страсть, ждалъ страстно и рисовалъ въ воображеніи поцѣлун, объятія. Онъ посидѣлъ около памятника съ полчаса, потомъ прошелся по боковымъ аллеямъ, со шляпой въ рукѣ, поджидая и думая о томъ, сколько здѣсь, въ этихъ могиллахъ, зарыто женщинъ и дѣвушекъ, которыя были красивы, очаровательны, которыя любили, сторали по ночамъ страстью, отдаваясь ласкѣ. Какъ въ сущности не хорошо шутить надъ человѣкомъ мать-природа, какъ обидно сознавать это! Старцевъ думалъ такъ, и въ то же время ему хотѣлось закричать, что онъ не хочетъ, что онъ ждетъ любви во что бы то ни стало; передъ нимъ бѣлѣли уже не куски мрамора, а прекрасныя тѣла, онъ видѣлъ формы, которыя стыдливо прятались въ тѣни деревьевъ, ощущалъ тепло, и это томленіе становилось тягостнымъ...

И точно опустился занавѣсъ, луна ушла подъ облака, и вдругъ все потемнѣло кругомъ. Старцевъ едва нашелъ ворота,—уже было темно, какъ въ осеннюю ночь,—потомъ часа полтора бродилъ, отыскивая переулочъ, гдѣ оставилъ своихъ лошадей.

— Я усталъ, едва держусь на ногахъ, — сказалъ онъ Пантелеймону.

И, садясь съ наслажденіемъ въ коляску, онъ подумалъ: «Охъ, не надо бы полнѣть!»

III.

На другой день вечеромъ онъ поѣхалъ къ Туркинымъ дѣлать предложеніе. Но это оказалось неудобнымъ, такъ какъ Екатерину Ивановну въ ея комнатѣ причесывалъ парикмахеръ. Она собиралась въ клубъ на танцевальный вечеръ.

Пришлось опять долго сидѣть въ столовой и пить чай. Иванъ Петровичъ, видя, что гость задумчивъ и скучаетъ, вынулъ изъ жилетнаго кармана записочки, прочелъ смѣшное письмо нѣмца-управляющаго о томъ, какъ въ имѣнии испортились всѣ запираательства и обвалилась застѣнчивость.

«А приданого они дадутъ, должно-быть, не мало»,—думалъ Старцевъ, разсѣянно слушая.

Послѣ бессонной ночи онъ находился въ состоянни ошеломленія, точно его опоили чѣмъ-то сладкимъ и усыпляющимъ; на душѣ было туманно, но радостно, тепло, и въ то же время въ головѣ какой-то холодный, тяжелый кусочекъ разсуждалъ:

«Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебѣ? Она избалована, капризна, спитъ до двухъ часовъ, а ты дьячковскій сынъ, земскій врачъ...»

«Ну, что жъ?—думалъ онъ.—И пусть».

«Къ тому же, если ты женишься на ней, — продолжалъ кусочекъ:—то ся родня заставитъ тебя бросить земскую службу и жить въ городѣ».

«Ну, что жъ?—думалъ онъ.—Въ городѣ, такъ въ городѣ. Дадутъ приданое, заведемъ обстановку...»

Наконецъ, вошла Екатерина Ивановна въ бальномъ платьѣ, декольте, хорошенькая, чистенькая, и Старцевъ залюбовался и пришелъ въ такой восторгъ, что не могъ выговорить ни одного слова, а только смотрѣлъ на нее и смѣялся.

Она стала прощаться, и онъ—оставаться тутъ ему было уже не за чѣмъ—поднялся, говоря, что ему пора домой: ждутъ больные.

— Дѣлать нечего, — сказалъ Иванъ Петровичъ: — поѣзжайте, кетати же подвезете Котика въ клубъ.

На дворѣ накрапывалъ дождь, было очень темно, и только по хриплому кашлю Пантелеймона можно было угадать, гдѣ лошади. Подняли у коляски верхъ.

— Я иду по ковру, ты идешь, пока врешь, — говорилъ Иванъ Петровичъ, усаживая дочь въ коляску: — онъ идетъ, пока вреть... Трогай! Прощайте пожалуйста!

Поѣхали.

— А я вчера былъ на кладбищѣ, — началъ Старцевъ. — Какъ это не великодушно и немилосердно съ вашей стороны...

— Вы были на кладбищѣ?

— Да, я былъ тамъ и ждалъ васъ почти до двухъ часовъ. Я страдалъ...

— И страдайте, если вы не понимаете шутокъ.

Екатерина Ивановна, довольная, что такъ хитро подинула надъ влюбленнымъ и что ее такъ сильно любятъ, захохотала и вдругъ вскрикнула отъ испуга, такъ какъ въ это самое время лошади круто поворачивали въ ворота клуба и коляска накренилась. Старцевъ обнялъ Екатерину Ивановну за талию; она, испуганная, прижалась къ нему, и онъ не удержался и страстно поцѣловать ее въ губы, въ подбородокъ и сильнымъ объять.

— Довольно,— сказала она сухо.

И черезъ мгновеніе ея уже не было въ коляскѣ, и городской около освѣщеннаго подъѣзда клуба кричалъ отвратительнымъ голосомъ на Пагтелеймона:

— Чего сталь, ворона? Проѣзжай дальше!

Старцевъ поѣхалъ домой, но скоро вернулся. Одѣтый въ чужой фракъ и бѣлый жесткій галстукъ, который какъ-то все топорщился и хотѣлъ сползти съ воротничка, онъ въ полночь сидѣлъ въ клубѣ въ гостиной и говорилъ Екатеринѣ Ивановнѣ съ увлеченіемъ:

— О, какъ мало знаютъ тѣ, которые никогда не любили! Миѣ кажется, никто еще не описалъ вѣрно любви, и едва ли можно описать это иѣжное, радостное, мучительное чувство, и кто испыталъ его хоть разъ, тотъ не станетъ передавать его на словахъ. Къ чему предисловія, описанія? Къ чему ненужное краснорѣчіе? Любовь моя безгранична... Прошу, умоляю васъ,—выговорилъ, наконецъ, Старцевъ:— будьте моею женой!

— Дмитрій Іонычъ,— сказала Екатерина Ивановна съ очень серьезнымъ выраженіемъ, подумавъ.— Дмитрій Іонычъ, я очень вамъ благодарна за честь, я васъ уважаю, но...— она встала и продолжала, стоя:—но, извините, быть вашей женою я не могу. Будемъ говорить серьезно. Дмитрій Іонычъ, вы знаете, больше всего въ жизни я люблю искусство, я безумно люблю, обожаю музыку, ей я посвятила всю свою жизнь. Я хочу быть артисткой, я хочу славы, успѣховъ, свободы, а вы хотите, чтобы я продолжала жить въ этомъ городѣ, продолжала эту пустую, бесполезную жизнь, которая стала для меня невыносима. Сдѣлаться женою—о, иѣтъ, простите! Человѣкъ долженъ стремиться къ высшей,

блестящей дѣли, а семейная жизнь связала бы меня навѣки. Дмитрій Ионычъ (она чуть-чуть улыбнулась, такъ какъ, прозвися «Дмитрій Ионычъ», вспомнила «Алексѣй Теофилактычъ»), Дмитрій Ионычъ, вы добрый, благородный, умный человекъ, вы лучше всѣхъ...— у нея слезы навернулись на глазахъ: — я сочувствую вамъ всей душой, но... но вы поймете...

И, чтобы не заплакать, она отвернулась и вышла изъ гостиной.

У Старцева перестало безпокойно биться сердце. Выйдя изъ клуба на улицу, онъ, прежде всего, сорвалъ съ себя жесткій галстукъ и вздохнулъ всей грудью. Ему было немножко стыдно и самолюбіе его было оскорблено, — онъ не ожидалъ отказа, — и не вѣрилось, что всѣ его мечты, томленія и надежды привели его къ такому глупенькому концу, точно въ маленькой пьесѣ на любительскомъ спектаклѣ. И жаль было своего чувства, этой своей любви, такъ жаль, что, кажется, взялъ бы и зарыдалъ или изъ всей силы хватилъ бы зонтикомъ по широкой спинѣ Пантелеймона.

Дня три у него дѣло валилось изъ рукъ, онъ не ѣлъ, не спалъ, но когда до него дошелъ слухъ, что Екатерина Ивановна уѣхала въ Москву поступать въ консерваторію, онъ успокоился и зажилъ попрежнему.

Потомъ, иногда вспоминая, какъ онъ бродилъ по кладбищу, или какъ ѣздилъ по всему городу и отыскивалъ фракъ онъ лѣниво потягивался и говорилъ:

— Сколько хлопотъ, однако!

IV.

Прошло четыре года. Въ городѣ у Старцева была уже большая практика. Каждое утро онъ сѣшно принималъ больныхъ у себя въ Дялижѣ, потомъ уѣзжалъ къ городскимъ больнымъ, уѣзжалъ уже не на парѣ, а на тройкѣ съ бубенчиками, и возвращался домой поздно ночью. Онъ пополнилъ, раздобылъ и неохотно ходилъ пѣшкомъ, такъ какъ страдалъ одышкой. И Пантелеймонъ тоже пополнилъ, и чѣмъ онъ больше росъ въ ширину, тѣмъ печальнѣе вздыхалъ и жаловался на свою горькую участь: ѣзда одолѣла!

Старцевъ бывалъ въ разныхъ домахъ и встрѣчалъ много людей, но ни съ кѣмъ не сходилъ близко. Обыватели

своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своимъ видомъ раздражали его. Опытъ научилъ его мало-по-малу, что пока съ обывателемъ играешь въ карты или закусываешь съ нимъ, то это мирный, благодунный и даже не глухой человѣкъ, но стѣить только заговорить съ нимъ о чемъ-нибудь несѣдобномъ, напимѣрь, о политикѣ или наукѣ, какъ онъ становится втуникъ или заводитъ такую философію, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти. Когда Старцевъ пробовалъ заговорить даже съ либеральнымъ обывателемъ, напимѣрь, о томъ, что человѣчество, слава Богу, идетъ впередъ и что со временемъ оно будетъ обходиться безъ паспортовъ и безъ смертной казни, то обыватель глядѣлъ на него искоса и недовѣрчиво и спрашивалъ: «Значить, тогда всякій можетъ рѣзать на улицѣ кого угодно?» А когда Старцевъ въ обществѣ, за ужиномъ или чаемъ, говорилъ о томъ, что нужно трудиться, что безъ труда жить нельзя, то всякій принималъ это за упрекъ и начиналъ сердиться и назойливо спорить. При всемъ томъ обыватели не дѣлали ничего, рѣшительно ничего, и не интересовались ничѣмъ, и никакъ нельзя было придумать, о чемъ говорить съ ними. И Старцевъ избѣгалъ разговоры, а только закусывалъ и игралъ въ винтъ, и когда заставлялъ въ какомъ-нибудь домѣ семейный праздникъ и его приглашали откушать, то онъ садился и ѣлъ молча, глядя въ тарелку; и все, что въ это время говорили, было не интересно, несправедливо, глупо, онъ чувствовалъ раздраженіе, волновался, но молчалъ, и за то, что онъ всегда сурово молчалъ и глядѣлъ въ тарелку, его прозвали въ городѣ «полякъ надутый», хотя онъ никогда полякомъ не былъ.

Отъ такихъ развлеченій, какъ театръ и концерты, онъ уклонялся, но зато въ винтъ игралъ каждый вечеръ, часа по три съ наслажденіемъ. Было у него еще одно развлеченіе, въ которое онъ втянулся незамѣтно, мало-по-малу, это—по вечерамъ вынимать изъ кармановъ бумажки, добытыя практикой, и, случалось, бумажекъ—желтыхъ и зеленыхъ, отъ которыхъ пахло духами, и укусомъ, и ладаномъ, и ворванью,—было понапихано во всѣ карманы рублей на семьдесятъ; и когда собиралось нѣсколько сотъ, онъ отвозилъ въ «Общество взаимнаго кредита» и клалъ тамъ на текущій счесть.

За всѣ четыре года послѣ отъѣзда Екатерины Ивановны

онъ былъ у Туркиныхъ только два раза, по приглашенію Вѣры Іосифовны, которая все еще лѣчилась отъ мигрени. Каждое лѣто Екатерина Ивановна пріѣзжала къ родителямъ погостить, но онъ не видѣлъ ея ни разу; какъ-то не случилось.

Но вотъ прошло четыре года. Въ одно тихое, теплое утро въ больницу принесли письмо. Вѣра Іосифовна писала Дмитрію Іонычу, что очень соскучилась по немъ, и просила его непременно пожаловать къ ней и облегчить ея страданія, и кстати же сегодня день ея рожденія. Внизу была приписка: «Къ просьбѣ мамы присоединяюсь и я. К.»

Старцевъ подумалъ и вечеромъ поѣхалъ къ Туркинымъ. — А, здравствуйте пожалуйста! — встрѣтилъ его Иванъ Петровичъ, улыбаясь однимъ глазами. — Bonjourте.

Вѣра Іосифовна, уже сильно постарѣвшая, съ бѣлыми волосами, пожала Старцеву руку, манерно вздохнула и сказала:

— Вы, докторъ, не хотите ухаживать за мной, никогда у насъ не бываете, я уже стара для васъ. Но вотъ пріѣхала молодая, быть-можетъ, она будетъ счастливѣе.

А Котикъ? Она похудѣла, поблѣднѣла, стала красивѣе и стройнѣе; но уже это была Екатерина Ивановна, а не Котикъ; уже не было прежней свѣжести и выраженія дѣтской наивности. И во взглядѣ, и въ манерахъ было что-то новое — несмѣлое и виноватое, точно здѣсь, въ домѣ Туркиныхъ, она уже не чувствовала себя дома.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! — сказала она, подавая Старцеву руку, и было видно, что у нея тревожно билось сердце; и пристально, съ любопытствомъ глядя ему въ лицо, она продолжала: — Какъ вы пополнили! Вы загорѣли, возмужали, но въ общемъ вы мало измѣнились.

И теперь она ему нравилась, очень нравилась, но чего-то уже не доставало въ ней, или что-то было лишнее — онъ и самъ не могъ бы сказать, что именно, но что-то уже мѣшало ему чувствовать, какъ прежде. Ему не нравилась ея блѣдность, новое выраженіе, слабая улыбка, голосъ, а немного погода уже не нравилось платье, кресло, въ которомъ она сидѣла, не нравилось что-то въ прошломъ, когда онъ едва не женился на ней. Онъ вспомнилъ о своей любви, о мечтахъ и надеждахъ, которыя волновали его четыре года назадъ. — и ему стало неловко.

Пили чай со сладкимъ пирогомъ. Потомъ Вѣра Гусифовна читала вслухъ романъ, читала о томъ, что никогда не бывасть въ жизни, а Старцевъ слушалъ, глядѣлъ на ея сѣдую, красивую голову и ждалъ, когда она кончитъ.

«Бездаренъ,—думалъ онъ:—не тотъ, кто не умѣетъ писать повѣстей, а тотъ, кто ихъ пишетъ и не умѣетъ скрыть этого».

— Не дурственною,—сказалъ Иванъ Петровичъ.

Потомъ Екатерина Ивановна играла на роялѣ шумно и долго, и, когда кончила, ее долго благодарили и восхищались ею.

«А хорошо, что я на ней не женился»,—подумалъ Старцевъ.

Она смотрѣла на него и, повидимому, ждала, что онъ предложитъ ей пойти въ садъ, но онъ молчалъ.

— Давайте же поговоримъ,—сказала она, подходя къ нему.—Какъ вы живете? Что у васъ? Какъ? Я все эти дни думала о васъ,—продолжала она нервно:—я хотѣла послать вамъ письмо, хотѣла сама поѣхать къ вамъ въ Дялижъ, и я уже рѣшила поѣхать, но потомъ раздумала—Богъ знаетъ, какъ вы теперь ко мнѣ относитесь. Я съ такимъ волненіемъ ожидала васъ сегодня. Ради Бога, пойдите въ садъ.

Они пошли въ садъ и сѣли тамъ на скамью подъ старымъ кленомъ, какъ четыре года назадъ. Было темно.

— Какъ же вы поживаете?—спросила Екатерина Ивановна.

— Ничего, живемъ понемножку,—отвѣтилъ Старцевъ.

И ничего не могъ больше придумать. Помолчали.

— Я волнуюсь,—сказала Екатерина Ивановна и закрыла руками лицо:—но вы не обращайтесь вниманія. Мнѣ такъ хорошо дома, я такъ рада видѣть всѣхъ и не могу привыкнуть. Сколько воспоминаній! Мнѣ казалось, что мы будемъ говорить съ вами безъ умолку, до утра.

Теперь онъ видѣлъ близко ея лицо, блестящія глаза, и адсь, въ темнотѣ, она казалась моложе, чѣмъ въ комнатѣ, и даже какъ будто вернулась къ ней ея прежнее дѣтское выраженіе. И въ самомъ дѣлѣ, она съ наивнымъ любопытствомъ смотрѣла на него, точно хотѣла поближе разглядѣть и понять человѣка, который когда-то любилъ ее такъ пламенно, съ такой нѣжностью и такъ несчастливо; ея глаза благодарили его за эту любовь. И онъ вспомнилъ все, что

было, всё малѣйшія подробности, какъ онъ бродилъ по кладбищу, какъ потомъ подь утро, утомленный, возвращался къ себѣ домой, и ему вдругъ стало грустно и жаль прошлаго. Въ душѣ затеплился огонекъ.

— А помните, какъ я провожалъ васъ на вечеръ въ клубъ?—сказалъ онъ.—Тогда шелъ дождь, было темно...

Огонекъ все разгорался въ душѣ, и уже хотѣлось говорить, жаловаться на жизнь...

— Эхъ!—сказалъ онъ со вздохомъ.—Вы вотъ спрашиваете, какъ я поживаю. Какъ мы поживаемъ тутъ? Да никакъ. Старимся, полнѣемъ, опускаемся. День да ночь,—сутки прочь, жизнь проходитъ тускло, безъ впечатлѣній, безъ мыслей... Днемъ жива, а вечеромъ клубъ, общество картежниковъ, алкоголиковъ, хрипуновъ, которыхъ я терпѣть не могу. Что хорошаго?

— Но у васъ работа, благородная цѣль въ жизни. Вы такъ любили говорить о своей больницѣ. Я тогда была какая-то странная, воображала себя великой піанисткой. Теперь всё барышни играютъ на роялѣ и я тоже играла, какъ всё, и ничего во мнѣ не было особеннаго; я такая же піанистка, какъ мама писательница. И конечно, я васъ не понимала тогда, но потомъ, въ Москвѣ, я часто думала о васъ. И только о васъ и думала. Какое это счастье быть земскимъ врачомъ, помогать страдальцамъ, служить народу. Какое счастье!—повторила Екатерина Ивановна съ увлеченіемъ.—Когда я думала о васъ въ Москвѣ, вы представлялись мнѣ такимъ идеальнымъ, возвышеннымъ...

Старцевъ вспомнилъ про бумажки, которыя онъ по вечерамъ вынималъ изъ кармановъ съ такимъ удовольствіемъ, и огонекъ въ душѣ погасъ.

Онъ всталъ, чтобы идти къ дому. Она взяла его подь руку.

— Вы лучшей изъ людей, которыхъ я знала въ своей жизни,—продолжала она.—Мы будемъ видѣться, говорить, не правда ли? Обѣщайте мнѣ. Я не піанистка, на свой счетъ я уже не заблуждаюсь и не буду при васъ ни играть, ни говорить о музыкѣ.

Когда вошли въ домъ и Старцевъ увидѣлъ при вечернемъ освѣщеніи ея лицо и грустные, благодарные, испытующіе глаза, обращенные на него, то почувствовалъ безпокойство и подумалъ оныть:

«А хорошо, что я тогда не женился».

Онъ сталъ прощаться.

— Вы не имѣете никакого римскаго права уѣзжать безъ ужина, — говорилъ Иванъ Петровичъ, провожая его. — Это съ вашей стороны весьма перпендикулярно. А ну-ка, изобрази! — сказалъ онъ, обращаясь въ передней къ Павѣ.

Пава, уже не мальчикъ, а молодой человекъ съ усами, сталъ въ позу, поднялъ вверхъ руку и сказалъ трагическимъ голосомъ:

— Умри, несчастная!

Все это раздражало Старцева. Садясь въ коляску и глядя на темный домъ и садъ, которые были ему такъ милы и дороги когда-то, онъ вспомнилъ все сразу — и романы Вѣры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроуміе Ивана Петровича, и трагическую позу Павы, и подумалъ, что если самые талантливые люди во всемъ городѣ такъ бездарны, то каковъ же долженъ быть городъ.

Черезъ три дня Пава принесъ письмо отъ Екатерины Ивановны.

«Вы не ѣдете къ намъ. Почему? — писала она. — Я боюсь, что вы измѣнились къ намъ, я боюсь, и мнѣ страшно отъ одной мысли объ этомъ. Успокойте же меня, пріѣзжайте и скажите, что все хорошо.

«Мнѣ необходимо поговорить съ вами. Ваша Е. Т.»

Онъ прочелъ это письмо, подумалъ и сказалъ Павѣ:

— Скажи, любезный, что сегодня я не могу пріѣхать, я очень занятъ. Пріѣду, скажи, такъ, дня черезъ три.

Но прошло три дня, прошла недѣля, а онъ все не ѣхалъ. Какъ-то, проѣзжая мимо дома Туркиныхъ, онъ вспомнилъ, что надо бы заѣхать хоть на минутку, но подумалъ и... не заѣхалъ.

И больше ужъ онъ никогда не бывалъ у Туркиныхъ.

V.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Старцевъ еще больше пополнилъ, ожирѣлъ, тяжело дышитъ и уже ходитъ откинувъ назадъ голову. Когда онъ, пухлый, красный, ѣдетъ на тройкѣ съ бубенчиками, и Пантелеймонъ, тоже пухлый и красный, съ мясистымъ затылкомъ сидитъ на козлахъ, протянувъ впередъ прямыя, точно деревянные, руки, и кричить встрѣчнымъ «Прррава держи!», то картина бываетъ внушительная, и кажется, что ѣдетъ не человекъ, а язы-

ческій богъ. У него въ городѣ громадная практика, некогда вздохнуть, и уже есть имѣніе и два дома въ городѣ, и онъ облюбовываетъ себѣ еще третій, повыгоднѣе, и когда ему въ «Обществѣ взаимнаго кредита» говорятъ про какой-нибудь домъ, назначенный къ торгамъ, то онъ безъ церемоніи идетъ въ этотъ домъ и, проходя чрезъ всѣ комнаты, не обращая вниманія на neodѣтыхъ женщинъ и дѣтей, которыя глядятъ на него съ изумленіемъ и страхомъ, тычетъ во всѣ двери палкой и говоритъ:

— Это кабинетъ? Это спальня? А тутъ что?

И при этомъ тяжело дышитъ и вытираетъ со лба потъ.

У него много хлопотъ, но все же онъ не бросаетъ земскаго мѣста; жадность одолѣла, хочется поспѣть и здѣсь, и тамъ. Въ Дялижѣ и въ городѣ его зовутъ уже просто Ионычемъ.—«Куда это Ионычъ ѣдетъ?» или: «Не пригласить ли на консиліумъ Ионыча?»

Вѣроятно оттого, что горло заплыло жиромъ, голосъ у него измѣнился, сталъ тонкимъ и рѣзкимъ. Характеръ у него тоже измѣнился: сталъ тяжелымъ, раздражительнымъ. Принимая больныхъ, онъ обыкновенно сердится, нетерпѣливо стучитъ палкой о-поль и кричитъ своимъ неприятнымъ голосомъ:

— Извольте отвѣчать только на вопросы! Не разговаривать!

Онъ одинокъ. Живется ему скучно, ничто его не интересуетъ.

За все время, пока онъ живетъ въ Дялижѣ, любовь къ Котику была его единственной радостью и, вѣроятно, послѣдней. По вечерамъ онъ играетъ въ клубѣ въ винтъ и потомъ сидитъ одинъ за большимъ столомъ и ужинаетъ. Ему прислуживаетъ лакей Иванъ, самый старый и почтенный, подають ему лафитъ № 17, и уже всѣ—и старшины клуба, и поварь, и лакей—знають, что онъ любитъ и чего не любитъ, стараются изо всѣхъ силъ угодить ему, а то, чего добраго, разсердится вдругъ и станетъ стучать палкой о-поль.

Ужиная, онъ изрѣдка оборачивается и вмѣшивается въ какой-нибудь разговоръ:

— Это вы про что? А? Кого?

И когда, случается, по сосѣдству за какимъ-нибудь столомъ заходитъ рѣчь о Туркиныхъ, то онъ спрашиваетъ:

— Это вы про какихъ Туркиныхъ? Это про тѣхъ, что дочка играетъ на фортепьянахъ?

Вотъ и все, что можно сказать про него.

А Туркины? Иванъ Петровичъ не постарѣлъ, нисколько не измѣнился и попрежнему все острить и рассказываетъ анекдоты; Вѣра Юсифовна читаетъ гостямъ свои романы попрежнему охотно, съ сердечной простотой. А Котикъ играетъ на роялѣ каждый день, часа по четыре. Она замѣтно постарѣла, похварываетъ и каждую осень уѣзжаетъ съ матерью въ Крымъ. Провожая ихъ на вокзалѣ, Иванъ Петровичъ, когда трогается поѣздъ, утираетъ слезы и кричитъ:

— Прощайте пожалуйста!

И машетъ платкомъ.

ДАМА СЪ СОБАЧКОЙ.

I.

Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама съ собачкой. Дмитрій Дмитричъ Гуровъ, прожившій въ Ялтѣ уже двѣ недѣли и привыкшій тутъ, тоже сталъ интересоваться новыми лицами. Сидя въ павильонѣ у Верне, онъ видѣлъ, какъ по набережной прошла молодая дама, невысокаго роста блондинка, въ беретѣ; за нею бѣжалъ бѣлый шпицъ.

И потомъ онъ встрѣчалъ ее въ городскомъ саду и на скверѣ, по нѣскольку разъ въ день. Она гуляла одна, все въ томъ же беретѣ, съ бѣлымъ шницемъ; никто не зналъ, кто она, и называли ее просто такъ: дама съ собачкой.

— Если она здѣсь безъ мужа и безъ знакомыхъ, — соображалъ Гуровъ: — то было бы не лишнее познакомиться съ ней.

Ему не было еще сорока, но у него была уже дочь двѣнадцати лѣтъ и два сына гимназиста. Его женили рано, когда онъ былъ еще студентомъ второго курса, и теперь жена казалась въ полтора раза старше его. Это была женщина высокая, съ темными бровями, прямая, важная, солидная и, какъ она сама себя называла, мыслящая. Она много читала, не писала въ письмахъ ъ, называла мужа не Дмитріемъ, а Димитріемъ, а онъ втайнѣ считалъ ее недалекой, узкой, неизящной, боялся ея и не любилъ бывать дома. Измѣнять ей онъ началъ уже давно, измѣнялъ часто и, вѣроятно, поэтому о женщинахъ отзывался почти всегда дурно, и когда въ его присутствіи говорили о нихъ, то онъ называлъ ихъ такъ:

— Низшая раса!

Ему казалось, что онъ достаточно наученъ горькимъ опытомъ, чтобы называть ихъ, какъ угодно, но все же безъ «низшей расы» онъ не могъ бы прожить и двухъ дней. Въ обществѣ мужчинъ ему было скучно, не по себѣ, съ ними онъ былъ неразговорчивъ, холоденъ, но когда находился среди женщинъ, то чувствовалъ себя свободно и зналъ, о чемъ говорить съ ними и какъ держать себя; и даже молчать съ ними ему было легко. Въ его наружности, въ характерѣ, во всей его натурѣ было что-то привлекательное, неуловимое, что располагало къ нему женщинъ, манило ихъ; онъ зналъ объ этомъ, и самого его тоже какая-то сила влекла къ нимъ.

Опытъ многократный, въ самомъ дѣлѣ, горькій опытъ научилъ его давно, что всякое сближеніе, которое вначалѣ такъ пріятно разнообразить жизнь и представляется милымъ и легкимъ приключеніемъ, у порядочныхъ людей, особенно у москвичей, тяжелыхъ на подъемъ, нерѣшительныхъ, неизбежно вырастаетъ въ цѣлую задачу, сложную чрезвычайно, и положеніе въ концѣ-концовъ становится тягостнымъ. Но при всякой новой встрѣчѣ съ интересною женщиной этотъ опытъ какъ-то ускользалъ изъ памяти, и хотѣлось жить, и все казалось такъ просто и забавно.

И вотъ однажды подъ вечеръ онъ обѣдалъ въ саду, а дама въ беретѣ подходила не сѣшна, чтобы занять сосѣдній столъ. Ея выраженіе, походка, платье, прическа говорили ему, что она изъ порядочнаго общества, замужемъ, въ Ялтѣ въ первый разъ и одна, что ей скучно здѣсь... Въ разсказахъ о нечистотѣ мѣстныхъ нравовъ много неправды, онъ презиралъ ихъ и зналъ, что такіе разсказы въ большинствѣ сочиняются людьми, которые сами бы охотно грѣшили, если бы умѣли, но когда дама сѣла за сосѣдній столъ въ трехъ шагахъ отъ него, ему вспомнились эти разсказы о легкихъ побѣдахъ, о поѣздкахъ въ горы, и соблазнительная мысль о скорой, мимолетной связи, о романѣ съ неизвѣстною женщиной, которой не знаешь по имени и фамиліи, вдругъ овладѣла имъ.

Онъ ласково поманилъ къ себѣ шпича и, когда тотъ подошелъ, погрозилъ ему пальцемъ. Шпичъ заворчалъ. Гуровъ опять погрозилъ.

Дама взглянула на него и тотчасъ же опустила глаза.

— Онъ не кусается, — сказала она и покраснѣла.

— Можно дать ему кость? — и когда она утвердительно кивнула головой, онъ спросилъ привѣтливо: — Вы давно изволили пріѣхать въ Ялту?

— Дней пять.

— А я уже дотягиваю здѣсь вторую недѣлю.

Помолчали немного.

— Время идетъ быстро, а между тѣмъ здѣсь такая скука! — сказала она, не глядя на него.

— Это только принято говорить, что здѣсь скучно. Обы- ватель живетъ у себя гдѣ-нибудь въ Бѣлевѣ или Жиздрѣ — и ему не скучно, а пріѣдетъ сюда: «Ахъ, скучно! ахъ, пыль!» Подумаешь, что онъ изъ Гренады пріѣхалъ.

Она засмѣялась. Потомъ оба продолжали ѣсть молча, какъ незнакомые; но послѣ обѣда пошли рядомъ — и начался шуточный, легкій разговоръ людей свободныхъ, довольныхъ, которымъ все равно, куда бы ни идти, о чемъ ни говорить. Они гуляли и говорили о томъ, какъ странно освѣщено море; вода была сиреневаго цвѣта, такого мягкаго и теплаго, и по ней отъ луны шла золотая полоса. Говорили о томъ, какъ душно послѣ жаркаго дня. Гуровъ разсказалъ, что онъ москвичъ, по образованію филологъ, но служить въ банкѣ; готовился когда-то итъ въ частной оперѣ, но бросилъ, имѣетъ въ Москвѣ два дома... А отъ нея онъ узналъ, что она выросла въ Петербургѣ, но вышла замужъ въ С., гдѣ живетъ уже два года, что пробудетъ она въ Ялтѣ еще съ мѣсяцъ и за ней, быть-можетъ, пріѣдетъ ея мужъ, которому тоже хочется отдохнуть. Она никакъ не могла объяснить, гдѣ служить ея мужъ, — въ губернскомъ правленіи, или въ губернской земской управѣ, и это ей самой было смѣшно. И узналъ еще Гуровъ, что ее зовутъ Анной Сергѣевной.

Потомъ у себя въ номерѣ онъ думалъ о ней, о томъ, что завтра она, навѣрное, встрѣтится съ нимъ. Такъ должно быть. Ложась спать онъ вспомнилъ, что она еще такъ недавно была институткой, училась, все равно какъ теперь его дочь, вспомнилъ, сколько еще несмѣлости, угловатости было въ ея смѣхѣ, въ разговорѣ съ незнакомымъ, — должно-быть, это первый разъ въ жизни она была одна, въ такой обстановкѣ, когда за ней ходятъ, и на нее смотрятъ, и говорятъ съ ней только съ одною тайною цѣлью, о которой

она не может не догадываться. Вспомнил онъ ея тонкую, слабую шею, красивые, сѣрые глаза.

«Что-то въ ней есть жалкое все-таки», подумалъ онъ и сталъ засыпать.

II.

Прошла недѣля послѣ знакомства. Былъ праздничный день. Въ комнатахъ было душно, а на улицахъ вихремъ носилась пыль, срывало шляпы. Весь день хотѣлось пить, и Гуровъ часто заходилъ въ навильонъ и предлагалъ Аннѣ Сергѣевнѣ то воды съ сиропомъ, то мороженого. Некуда было дѣваться.

Вечеромъ, когда немного утихло, они пошли на моль, чтобы посмотреть, какъ придетъ пароходъ. На пристани было много гуляющихъ; собрались встрѣчать кого-то, держали букеты. И тутъ отчетливо бросались въ глаза двѣ особенности нарядной ялтинской толпы: пожилыя дамы были одѣты какъ молодыя, и было много генераловъ.

По случаю волненія на морѣ, пароходъ пришелъ поздно, когда уже сѣло солнце; и, прежде чѣмъ пристать къ молу, долго поворачивался. Анна Сергѣевна смотрѣла въ лорнетку на пароходъ и на пассажировъ, какъ бы отыскивая знакомыхъ, и когда обращалась къ Гурову, то глаза у нея блестяли. Она много говорила, и вопросы у нея были отрывисты, и она сама тотчасъ же забывала, о чемъ спрашивала; потомъ потеряла въ толпѣ лорнетку.

Нарядная толпа расходилась, уже не было видно лицъ, вѣтеръ стихъ совсѣмъ, а Гуровъ и Анна Сергѣевна стояли, точно ожидая, не сойдетъ ли еще кто съ парохода. Анна Сергѣевна уже молчала и нюхала цвѣты, не глядя на Гурова.

— Погода къ вечеру стала лучше, — сказалъ онъ. — Куда же мы теперь пойдѣмъ? Не поѣхать ли намъ куда-нибудь?

Она ничего не отвѣтила.

Тогда онъ пристально поглядѣлъ на нее и вдругъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ губы, и его обдало запахомъ и влагой цвѣтовъ, и тотчасъ же онъ пугливо оглядѣлся: не видѣлъ ли кто?

— Пойдемте къ вамъ...—проговорилъ онъ тихо.

И оба пошли быстро.

У нея въ номерѣ было душно, пахло духами, которые она купила въ японскомъ магазинѣ. Гуровъ, глядя на нее теперь, думалъ: какихъ только не бываетъ въ жизни встрѣч! Отъ прошлаго у него сохранилось воспоминаніе о беззаботныхъ, добродушныхъ женщинахъ, веселыхъ отъ любви, благодарныхъ ему за счастье, хотя бы очень короткое; и о такихъ, — какъ, напримѣръ, его жена, — которыя любили безъ искренности, съ излишними разговорами, манерно, съ истеріей, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто то была не любовь, не страсть, а что-то болѣе значительное; и о такихъ двухъ-трехъ, очень красивыхъ, холодныхъ, у которыхъ вдругъ промелькало на лицѣ хищное выраженіе, упрямое желаніе взять, выхватить у жизни больше, чѣмъ она можетъ дать, и это были не первой молодости, капризные, не разсуждающія, властные, не умныя женщины, и когда Гуровъ охлаждалъ къ нимъ, то красота ихъ возбуждала въ немъ ненависть и кружева на ихъ бѣльѣ казались ему тогда похожими на чешую.

Но тутъ все та же несмѣлость, угловатость неопытной молодости, неловкое чувство; и было впечатлѣніе растерянности, какъ будто кто вдругъ постучалъ въ дверь. Анна Сергѣевна, эта «дама съ собачкой», къ тому, что произошло, отнеслась какъ-то особенно, очень серьезно, точно къ своему паденію, — такъ казалось, и это было странно и некстати. У нея опустились, завяли черты и по сторонамъ лица печально висѣли длинныя волосы, она задумалась въ унылой позѣ, точно грѣшница на старинной картинѣ.

— Не хорошо, — сказала она. — Вы же первый меня не уважате теперь.

На столѣ въ номерѣ былъ арбузъ. Гуровъ отрѣзалъ себѣ ломоть и сталъ ѣсть не спѣша. Прошло, по крайней мѣрѣ, полчаса въ молчаніи.

Анна Сергѣевна была трогательна, отъ нея вѣяло чистой порядочной, наивной, мало жившей женщины; одинокая свѣча, горѣвшая на столѣ, едва освѣщала ея лицо, но было видно, что у нея нехорошо на душѣ.

— Отчего бы я могъ перестать уважать тебя? — спросилъ Гуровъ. — Ты сама не знаешь, что говоришь.

— Пусть Богъ меня проститъ! — сказала она, и глаза у нея наполнились слезами. — Это ужасно.

— Ты точно оправдываешься.

— Чѣмъ мнѣ оправдаться? Я дурная, низкая женщина, я себя презираю и объ оправданіи не думаю. Я не мужа обманула, а самое себя. И не сейчасъ только, а уже давно обманываю. Мой мужъ, быть-можетъ, честный, хорошій человекъ, но вѣдь онъ лакей! Я не знаю, что онъ дѣлаетъ тамъ, какъ служить, а знаю только, что онъ лакей. Мнѣ, когда я вышла за него, было двадцать лѣтъ, меня томилъ любопытство, мнѣ хотѣлось чего-нибудь получше; вѣдь есть же,—говорила я себѣ:— другая жизнь. Хотѣлось пожить! Пожить и пожить... Любопытство меня жгло... вы этого не понимаете, но, клянусь Богомъ, я уже не могла владѣть собой, со мной что-то дѣлалось, меня нельзя было удержать, я сказала мужу, что больна, и поѣхала сюда... И здѣсь все ходила, какъ въ угарѣ, какъ безумная... и вотъ я стала пошлой, дрянной женщиной, которую всякій можетъ презирать.

Гурову было уже скучно слушать, его раздражалъ наивный тонъ, это покаяніе, такое неожиданное и неумѣстное; если бы не слезы на глазахъ, то можно было бы подумать, что она шутить или играетъ роль.

— Я не понимаю,—сказалъ онъ тихо:— что же ты хочешь?

Она сирятала лицо у него на груди и прижалась къ нему.

— Вѣрьте, вѣрьте мнѣ, умоляю васъ...— говорила она.— Я люблю честную, чистую жизнь, а грѣхъ мнѣ гадокъ, я сама не знаю, что дѣлаю. Простые люди говорятъ: нечистый попуталъ. И я могу теперь про себя сказать, что меня попуталъ нечистый.

— Полно, полно... — бормоталъ онъ.

Онъ смотрѣлъ ей въ неподвижные, испуганные глаза, цѣловалъ ее, говорилъ тихо и ласково, и она понемногу успокоилась, и веселость вернулась къ ней; стали оба смѣяться.

Потомъ, когда они вышли, на набережной не было ни души, городъ со своими кипарисами имѣлъ совсѣмъ мертвый видъ, но море еще шумѣло и билось о берегъ; одинъ баркасъ качался на волнахъ, и на немъ сонно мерцалъ фонарикъ.

Нашли извозчика и поѣхали въ Ореанду.

— Я сейчасъ внизу въ передней узналъ твою фамилію: на доскѣ написано фонъ-Дидерицъ,—сказалъ Гуровъ.— Твой мужъ нѣмецъ?

— Нѣтъ, у него, кажется, дѣдъ былъ нѣмецъ, но самъ онъ православный.

Въ Ореандѣ сидѣли на скамѣ, не далеко отъ церкви, смотрѣли внизъ на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренній туманъ, на вершинахъ горъ неподвижно стояли бѣлыя облака. Листва не шевелилась на деревьяхъ, кричали цикады и однообразный, глухой шумъ моря, доносившійся снизу, говорилъ о покоѣ, о вѣчномъ снѣ, какой ожидаетъ насъ. Такъ шумѣло внизу, когда еще тутъ не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумить и будетъ шумѣть такъ же равнодушно и глухо, когда насъ не будетъ. И въ этомъ постоянствѣ, въ полномъ равнодушіи къ жизни и смерти каждаго изъ насъ кроется, быть-можетъ, залогъ нашего вѣчнаго спасенія, непрерывнаго движенія жизни на землѣ, непрерывнаго совершенства. Сидя рядомъ съ молодой женщиной, которая на разсвѣтѣ казалась такой красивой, успокоенный и очарованный въ виду этой сказочной обстановки — моря, горъ, облаковъ, широкаго неба, Гуровъ думалъ о томъ, какъ въ сущности, если вдуматься, все прекрасно на этомъ свѣтѣ, все, кромѣ того, что мы сами мыслимъ и дѣлаемъ, когда забываемъ о высшихъ цѣляхъ бытія, о своемъ человѣческомъ достоинствѣ.

Подошелъ какой-то человѣкъ — должно-быть, сторожъ, — посмотрѣлъ на нихъ и ушелъ. И эта подробность показалась такой таинственной и тоже красивой. Видно было, какъ пришелъ пароходъ изъ Феодосіи, освѣщенный утренней зарей, уже безъ огней.

— Роса на травѣ, — сказала Анна Сергѣевна, послѣ молчанія.

— Да. Пора домой.

Они вернулись въ городъ.

Потомъ каждый полдень они встрѣчались на набережной, завтракали вмѣстѣ, обѣдали, гуляли, восхищались моремъ. Она жаловалась, что дурно спитъ и что у нея тревожно бьется сердце, задавала все одни и тѣ же вопросы, волнуемая то ревностью, то страхомъ, что онъ недостаточно ее уважаетъ. И часто на скверѣ, или въ саду, когда вблизи ихъ никого не было, онъ вдругъ привлекалъ ее къ себѣ и цѣловалъ страстно. Совершенная праздность, эти поцѣлуи среди бѣлаго дня, съ оглядкой и страхомъ, какъ бы кто не увидѣлъ, жара, запахъ моря и постоянное мельканіе

передъ глазами праздныхъ, нарядныхъ, сытыхъ людей точно переродили его онъ говорилъ Аннѣ Сергѣевнѣ о томъ, какъ она хороша, какъ соблазнительна, былъ нетерпѣливо страстенъ, не отходилъ отъ нея ни на шагъ, а она часто задумывалась и все просила его сознаться, что онъ ея не уважаетъ, нисколько не любитъ, а только видитъ въ ней пошлую женщину. Почти каждый вечеръ поозже они уѣзжали куда-нибудь за городъ, въ Ореанду, или на водопадъ; и прогулка удавалась, впечатлѣнія неизмѣнно всякій разъ были прекрасны, величавы.

Ждали, что пріѣдетъ мужъ. Но пришло отъ него письмо въ которомъ онъ извѣщалъ, что у него разболѣлись глаза, и умолялъ жену поскорѣ вернуться домой. Анна Сергѣевна заторопилась.

— Это хорошо, что я уѣзжаю,—говорила она Гурову.— Это сама судьба.

Она поѣхала на лошадахъ, и онъ провожалъ ее. Ъхали цѣлый день. Когда она садилась въ вагонъ курьерскаго поѣзда и когда пробилъ второй звонокъ, она говорила:

— Дайте, я погляжу на васъ еще... Погляжу еще разъ. Вотъ такъ.

Она не плакала, но была грустна, точно больна, и лицо у нея дрожало.

— Я буду о васъ думать... вспоминать,—говорила она.— Господь съ вами, оставайтесь. Не поминайте лихомъ. Мы навсегда прощаемся, это такъ нужно, потому что не слѣдовало бы вовсе встрѣчаться. Ну, Господь съ вами.

Поѣздъ ушелъ быстро, его огни скоро исчезли, и черезъ минуту уже не было слышно шума, точно все сговорилось нарочно, чтобы прекратить поскорѣ это сладкое забытiе, это безумiе. И, оставшись одинъ на платформѣ и глядя въ темную даль, Гуровъ слушалъ крикъ кузнечиковъ и гудѣнiе телеграфныхъ проволокъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто только-что проснулся. И онъ думалъ о томъ, что вотъ въ его жизни было еще одно похождение или приключенiе, и оно тоже уже кончилось, и осталось теперь воспоминанiе... Онъ былъ растроганъ, грустенъ и испытывалъ легкое раскаянiе; вѣдь эта молодая женщина, съ которой онъ больше уже никогда не увидится, не была съ нимъ счастлива; онъ былъ привѣтливъ съ ней и сердеченъ, но все же въ обращенiи съ ней, въ его тонѣ и ласкахъ сквозила тѣнь лег-

кая насмѣшка, грубоватое высокомеріе счастливаго мужчины, который къ тому же почти вдвое старше ея. Все время она называла его добрымъ, необыкновеннымъ, возвышеннымъ; очевидно, онъ казался ей не тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, значить, невольно обманывалъ ее...

Здѣсь на станціи уже пахло осенью, вечеръ былъ прохладный.

«Пора и мнѣ на сѣверъ, — думалъ Гуровъ, уходя съ платформы. — Пора!»

III.

Дома въ Москвѣ уже все было по-зимнему, топили печи и по утрамъ, когда дѣти собирались въ гимназію и пили чай, было темно и няня не надолго зажигала огонь. Уже начались морозы. Когда идетъ первый снѣгъ, въ первый день ѣзды на саняхъ, приятно видѣть бѣлую землю, бѣлыя крыши, дышится мягко, славно, и въ это время вспоминаются юные годы. У старыхъ липъ и березъ, бѣлыхъ отъ инея, добродушное выраженіе, онъ ближе къ сердцу, чѣмъ кипарисы и пальмы, и вблизи нихъ уже не хочется думать о горахъ и морѣ.

Гуровъ былъ москвичъ, вернулся онъ въ Москву въ хорошій, морозный день и, когда надѣлъ шубу и теплыя перчатки и прошелся по Петровкѣ, и когда въ субботу вечеромъ услышалъ звонъ колоколовъ, то недавняя поѣздка и мѣста, въ которыхъ онъ былъ, утеряли для него все очарованіе. Мало-по-малу онъ окунулся въ московскую жизнь, уже съ жадностью прочитывалъ по три газеты въ день и говорилъ, что не читаетъ московскихъ газетъ изъ принципа. Его уже тянуло въ рестораны, клубы, на званые обѣды, юбилеи, и уже ему было лестно, что у него бываютъ извѣстные адвокаты и артисты, и что въ докторскомъ клубѣ онъ играетъ въ карты съ профессоромъ. Уже онъ могъ съѣсть цѣлую порцію селянки на сковородкѣ...

Пройдетъ какой-нибудь мѣсяць, и Анна Сергѣевна, казалось ему, покроется въ памяти туманомъ и только изрѣдка будетъ сниться съ трогательной улыбкой, какъ снились другія. Но прошло больше мѣсяца, наступила глубокая зима, а въ памяти все было ясно, точно разстался онъ съ Анной Сергѣевной только вчера. И воспоминанія разгорались все сильнѣе. Доносились ли въ вечерней ти-

шилъ въ его кабинетъ голоса дѣтей, приготовлявшихъ уроки, слышала ли онъ романсъ, или органъ въ ресторанѣ, или завывала въ каминѣ метель, какъ вдругъ воскресало въ памяти все: и то, что было на молу, и раннее утро съ туманомъ на горахъ, и пароходъ изъ Θεодосiи, и процѣлун. Онъ долго ходилъ по комнатамъ и вспоминалъ, и улыбался, и потомъ воспоминанiя переходили въ мечты, и прошедшее въ воображенiи мѣшалось съ тѣмъ, что будетъ. Анна Сергѣевна не спилась ему, а шла за нимъ всюду, какъ тѣнь, и слѣдила за нимъ. Закрывши глаза, онъ видѣлъ ее, какъ живую, и она казалась красивѣе, моложе, нѣжнѣе, чѣмъ была; и самъ онъ казался себѣ лучше, чѣмъ былъ тогда, въ Ялтѣ. Она по вечерамъ глядѣла на него изъ книжнаго шкапа, изъ камина, изъ угла, онъ слышалъ ея дыханiе, ласковый шорохъ ея одежды. На улицѣ онъ провожалъ взглядомъ женщинъ, искалъ, нѣтъ ли похожей на нее...

И уже томило сильное желанiе подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими воспоминанiями. Но дома нельзя было говорить о своей любви, а внѣ дома—не съ кѣмъ. Не съ жильцами же и не въ банкѣ. И о чемъ говорить? Развѣ онъ любилъ тогда? Развѣ было что-нибудь красивое, поэтическое, или поучительное, или просто интересное въ его отношенiяхъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ? И приходилось говорить неопредѣленно о любви, о женщинахъ, и никто не догадывался, въ чемъ дѣло, и только жена шевелила своими темными бровями и говорила:

— Тебѣ, Димитрiй, совсѣмъ не идетъ роль фата.

Однажды ночью, выходя изъ докторскаго клуба со своимъ партнеромъ, чиновникомъ, онъ не удержался и сказалъ:

— Если бъ вы знали, съ какой очаровательной женщиной я познакомился въ Ялтѣ!

Чиновникъ сѣлъ въ сани и поѣхалъ, но вдругъ обернулся и окликнулъ:

— Димитрiй Димитричъ!

— Что?

— А давеча вы были правы: осетрина-то съ душкомъ!

Эти слова, такiя обычныя, почему-то вдругъ возмутили Гурова, показались ему унижительными, нечистыми. Какiе дикiе нравы, какiя лица! Что за безтолковыя ночи, какiе неинтересныя, незамѣтныя дни! Неистовая игра въ карты,

обжорство, пьянство, постоянные разговоры все объ одномъ. Ненужная дѣла и разговоры все объ одномъ отхватываютъ на свою долю лучшую часть времени, лучшія силы, и въ концѣ концовъ остается какаѣ-то куцаѣ, безкрылая жизнь, какаѣ-то чепуха, и уйти и бѣжать нельзя, точно сидишь въ сумасшедшемъ домѣ, или въ арестантскихъ ротахъ!

Гуровъ не спалъ всю ночь и возмущался, и затѣмъ весь день провелъ съ головной болью. И въ слѣдующія ночи онъ спалъ дурно, все сидѣлъ въ постели и думалъ, или ходилъ изъ угла въ уголь. Дѣти ему надоѣли, банкъ надоѣлъ, не хотѣлось никуда идти, ни о чемъ говорить.

Въ декабрѣ на праздникахъ онъ собрался въ дорогу и сказалъ женѣ, что уѣзжаетъ въ Петербургъ, хлопотать за одного молодого человѣка — и уѣхалъ въ С. Зачѣмъ? Онъ и самъ не зналъ хорошо. Ему хотѣлось повидаться съ Анной Сергѣевной и поговорить, устроить свиданіе, если можно.

Пріѣхалъ онъ въ С. утромъ и занялъ въ гостиницѣ лучшей номеръ, гдѣ весь полъ былъ обтянутъ сѣрымъ солдатскимъ сукномъ и была на столѣ чернильница, сѣрая отъ пыли, со всадникомъ на лошади, у котораго была поднята рука со шляпой, а голова отбита. Швейцаръ далъ ему нужныя свѣдѣнія: фонъ-Дидерицъ живетъ на Старо-Гончарной улицѣ, въ собственномъ домѣ — это недалеко отъ гостиницы, живетъ хорошо, богато, имѣетъ своихъ лошадей, его всѣ знаютъ въ городѣ. Швейцаръ выговаривалъ такъ: Дрыдырицъ.

Гуровъ, не спѣша, пошелъ на Старо-Гончарную, отыскалъ домъ. Какъ разъ противъ дома тянулся заборъ, сѣрый, длинный, съ гвоздями.

«Отъ такого забора убѣжишь», — думалъ Гуровъ, поглядывая то на окна, то на заборъ.

Онъ соображалъ: сегодня день неприсутственный и мужъ, вѣроятно, дома. Да и все равно, было бы безтактно войти въ домъ и смугить. Если же послать записку, то она, пожалуй, попадетъ въ руки мужу и тогда все можно испортить. Лучше всего положиться на случай. И онъ все ходилъ по улицѣ и около забора и поджидалъ этого случая. Онъ видѣлъ, какъ въ ворота вошелъ нищій, и на него напали собаки, потомъ, часъ спустя, слышалъ игру на рояли, и звуки доносились слабые, неясные. Должно-быть,

Анна Сергѣевна играла. Парадная дверь вдругъ отворилась, и изъ нея вышла какая-то старушка, а за нею бѣжалъ знакомый бѣлый шницъ. Гуровъ хотѣлъ позвать собаку, но у него вдругъ забилось сердце, и онъ отъ волненія не могъ вспомнить, какъ зовутъ шницъ.

Онъ ходилъ и все больше и больше ненавидѣлъ сѣрый заборъ, и уже думалъ съ раздраженіемъ, что Анна Сергѣевна забыла о немъ и, быть-можетъ, уже развлекается съ другимъ, и это такъ естественно въ положеніи молодой женщины, которая вынуждена съ утра до вечера видѣть этотъ проклятый заборъ. Онъ вернулся къ себѣ въ номеръ и долго сидѣлъ на диванѣ, не зная, что дѣлать, потомъ обѣдалъ, потомъ долго спалъ.

«Какъ все это глупо и безпокойно, — думалъ онъ, проснувшись и глядя на темныя окна; былъ уже вечеръ. — Вотъ и выспался зачѣмъ-то. Что же я теперь ночью буду дѣлать?»

Онъ сидѣлъ на постели, покрытой дешевымъ сѣрымъ, точно больничнымъ одѣяломъ, и дразнилъ себя съ досадою:

«Вотъ тебѣ и дама съ собачкой... Вотъ тебѣ и приключеніе... Вотъ и сиди тутъ».

Еще утромъ, на вокзалѣ, ему бросилась въ глаза афиша съ очень крупными буквами: шла въ первый разъ «Гейша». Онъ вспомнилъ объ этомъ и поѣхалъ въ театръ.

«Очень возможно, что она бываетъ на первыхъ представленіяхъ», — думалъ онъ.

Театръ былъ полонъ. И тутъ, какъ вообще во всѣхъ губерскихъ театрахъ, былъ туманъ powyше люстры, шумно безпокойлась галерка; въ первомъ ряду передъ началомъ представленія стояли мѣстные франты, заложивъ руки назадъ; и тутъ, въ губернаторской ложѣ, на первомъ мѣстѣ сидѣла губернаторская дочь въ боа, а самъ губернаторъ скромно прятался за пертьерой и видны были только его руки; качался занавѣсъ, оркестръ долго настраивался. Все время, пока публика входила и занимала мѣста, Гуровъ жадно искалъ глазами.

Вошла и Анна Сергѣевна. Она сѣла въ третьемъ ряду, и когда Гуровъ взглянулъ на нее, то сердце у него сжалось, и онъ понялъ ясно, что для него теперь на всемъ свѣтѣ нѣтъ ближе, дороже и важнѣе человѣка; она, затѣрявшаяся въ провинціальной толпѣ, эта маленькая жен-

щипа, ничѣмъ не замѣчательная, съ вульгарною лорнеткой въ рукахъ, наполняла теперь всю его жизнь, была его горемъ, радостью, единственнымъ счастьемъ, какого онъ теперь желалъ для себя; и подъ звуки плохого оркестра, дрянныхъ обывательскихъ скрипокъ, онъ думалъ о томъ, какъ она хороша. Думалъ и мечталъ.

Вмѣстѣ съ Анной Сергѣевной вошелъ и сѣлъ рядомъ молодой человѣкъ съ небольшими бакенами, очень высокій, сутулый; онъ при каждомъ шагѣ покачивалъ головой и, казалось, постоянно кланялся. Вѣроятно, это былъ мужъ, котораго она тогда въ Ялтѣ, въ порывѣ горькаго чувства, обозвала лакеемъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ его длинной фигурѣ, въ бакенахъ, въ небольшой лысинѣ было что-то лакейски-скромное, улыбался онъ сладко, и въ петлицѣ у него блестѣлъ какой-то ученый значокъ, точно лакейскій номеръ.

Въ первомъ антрактѣ мужъ ушелъ курить, она осталась въ креслѣ. Гуровъ, сидѣвшій тоже въ партерѣ, подошелъ къ ней и сказалъ дрожащимъ голосомъ, улыбаясь насильно:

— Здравствуйте.

Она взглянула на него и поблѣднѣла, потомъ еще разъ взглянула съ ужасомъ, не вѣря глазамъ, и крѣпко сжала въ рукахъ вмѣстѣ вѣрѣ и лорнетку, очевидно, борясь съ собою, чтобы не упасть въ обморокъ. Оба молчали. Она сидѣла, онъ стоялъ, испуганный ея смущеніемъ, не рѣшаясь сѣсть рядомъ. Запѣли настраиваемыя скрипки и флейта, стало вдругъ страшно, казалось, что изъ всѣхъ ложъ смотрятъ. Но вотъ она встала и быстро пошла къ выходу; онъ—за ней, и оба шли безтолково, по коридорамъ, по лѣстницамъ, то поднимаясь, то спускаясь, и мелькали у нихъ передъ глазами какіе-то люди въ судейскихъ, учительскихъ и удѣльныхъ мундпрахъ, и все со значками; мелькали дамы, шубы на вѣшалкахъ, дулъ сквозной вѣтеръ, обдавая запахомъ табачныхъ окурковъ. И Гуровъ, у котораго сильно билось сердце, думалъ:

«О, Господи! И къ чему эти люди, этотъ оркестръ»...

И въ эту минуту онъ вдругъ вспомнилъ, какъ тогда вечеромъ на станціи, проводивъ Анну Сергѣевну, говорилъ себѣ, что все кончилось, и они уже никогда не увидятся. Но какъ еще далеко было до конца!

На узкой, мрачной лѣстницѣ, гдѣ было написано «ходъ въ амфитеатръ», она остановилась.

— Какъ вы меня испугали!—сказала она, тяжело дыша, все еще блѣдная, ошеломленная.—О, какъ вы меня испугали! Я едва жива. Зачѣмъ вы пріѣхали? Зачѣмъ?

— Но поймите, Анна, поймите... — проговорилъ онъ вполголоса, торюясь.—Умоляю васъ, поймите...

Она глядѣла на него со страхомъ, съ мольбой, съ любовью, глядѣла пристально, чтобы покрѣпче задержать въ памяти его черты.

— Я такъ страдаю!—продолжала она, не слушая его.— Я все время думала только о васъ, я жила мыслями о васъ. И мнѣ хотѣлось забыть, забыть, но зачѣмъ, зачѣмъ вы пріѣхали?

Повыше, на площадкѣ, два гимназиста курили и смотрѣли внизъ, но Гурову было все равно, онъ привлекъ къ себѣ Анну Сергѣевну и сталъ цѣловать ея лицо, щеки, руки.

— Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете! — говорила она въ ужасѣ, отстраняя его отъ себя. — Мы съ вами обезумѣли. Уѣзжайте сегодня же, уѣзжайте сейчасъ... Заклинаю васъ всѣмъ святымъ, умоляю... Сюда идти!

По лѣстницѣ снизу вверхъ кто-то шелъ.

— Вы должны уѣхать... — продолжала Анна Сергѣевна шопотомъ. — Слышите, Дмитрій Дмитричъ? Я пріѣду къ вамъ въ Москву. Я никогда не была счастлива, я теперь несчастна и никогда, никогда не буду счастлива, никогда! Не заставляйте же меня страдать еще больше! Клянусь, я пріѣду въ Москву. А теперь разстанемся! Мой милый, добрый, дорогой мой, разстанемся!

Она пожала ему руку и стала быстро спускаться внизъ, все оглядываясь на него, и по глазамъ ея было видно, что она въ самомъ дѣлѣ не была счастлива. Гуровъ постоялъ немного, прислушался, потомъ, когда все утихло, отыскалъ свою вѣшалку и ушелъ изъ театра.

IV.

И Анна Сергѣевна стала пріѣзжать къ нему въ Москву. Разъ въ два-три мѣсяца она уѣзжала изъ С. и говорила мужу, что ѣдетъ посоветоваться съ профессоромъ насчетъ своей женской болѣзни, — и мужъ вѣрилъ и не вѣрилъ.

Пріѣхавъ въ Москву, она останавливалась въ «Славянскомъ Базарѣ», и тотчасъ же посылала къ Гурову чело-вѣка въ красной шапкѣ. Гуровъ ходилъ къ ней, и никто въ Москвѣ не зналъ объ этомъ.

Однажды онъ шелъ къ ней такимъ образомъ въ зимнее утро (посыльный былъ у него наканунѣ вечеромъ и не засталъ). Съ нимъ шла его дочь, которую хотѣлось ему проводить въ гимназію, это было по дорогѣ. Валилъ крупный мокрый снѣгъ.

— Теперь три градуса тепла, а между тѣмъ идетъ снѣгъ,—говорилъ Гуровъ дочери.—Но вѣдь это тепло только на поверхности земли, въ верхнихъ же слояхъ атмосферы совсѣмъ другая температура.

— Папа, а почему зимой не бываетъ грома?

Онъ объяснилъ и это. Онъ говорилъ и думалъ о томъ, что вотъ онъ идетъ на свиданіе, и ни одна живая душа не знаетъ объ этомъ и, вѣроятно, никогда не будетъ знать. У него были двѣ жизни: одна явная, которую видѣли и знали всѣ, кому это нужно было, полная условной правды и условнаго обмана, похожая совершенно на жизнь его знакомыхъ и друзей, и другая—протекавшая тайно. И по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, быть-можетъ, случайному, все, что было для него важно, интересно, необходимо, въ чемъ онъ былъ искрененъ и не обманывалъ себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно отъ другихъ, все же, что было его ложью, его оболочкой, въ которую онъ прятался, чтобы скрыть правду, какъ, на-примѣръ, его служба въ банкѣ, споры въ клубѣ, его «пиз-шая раса», хожденіе съ женой на юбилей,—все это было явно. И по себѣ онъ судилъ о другихъ, не вѣрилъ тому, что видѣлъ, и всегда предполагалъ, что у каждого чело-вѣка подъ покровомъ тайны, какъ подъ покровомъ ночи, проходитъ его настоящая, самая интересная жизнь. Каждое личное существованіе держится на тайнѣ и, быть-можетъ, отчасти поэтому культурный чело-вѣкъ такъ нервно хло-почетъ о томъ, чтобы уважалась личная тайна.

Проводивъ дочь въ гимназію, Гуровъ отправился въ «Славянскій Базаръ». Онъ снялъ шубу внизу, поднялся на-вѣрхъ и тихо постучалъ въ дверь. Анна Сергѣевна, одѣтая въ его любимое сѣрое платье, утомленная дорогой и ожи-даніемъ, поджидала его со вчерашняго вечера; она была

блѣдна, глядѣла на него и не улыбалась, и едва онъ вошелъ, какъ она уже принала къ его груди. Точно они не видѣлись года два, поцѣлуй ихъ былъ долгій, длительный.

— Ну, какъ живешь тамъ?—спросилъ онъ.—Что новаго?

— Погоди, сейчасъ скажу... Не могу.

Она не могла говорить, такъ какъ плакала. Отвернулась отъ него и прижала платокъ къ глазамъ.

«Ну, пускай поплачетъ, а я пока посижу», — подумалъ онъ и сѣлъ въ кресло.

Потомъ онъ позвонилъ и сказалъ, чтобы ему принесли чаю; и потомъ, когда пилъ чай, она все стояла, отвернувшись къ окну... Она плакала отъ волненія, отъ скорбнаго сознанія, что ихъ жизнь такъ печально сложилась; они видяты только тайно, скрываются отъ людей, какъ воры! Развѣ жизнь ихъ не разбита?

— Ну, перестань!—сказалъ онъ.

Для него было очевидно, что эта ихъ любовь кончится еще не скоро, неизвѣстно когда. Анна Сергѣевна привязывалась къ нему все сильнѣе, обожала его, и было бы невымыслимо сказать ей, что все это должно же имѣть когда-нибудь конецъ; да она бы и не повѣрила этому.

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за плечи, чтобы приласкать, пошутить и въ это время увидѣлъ себя въ зеркалѣ.

Голова его уже начинала сѣдѣть. И ему показалось страннымъ, что онъ такъ постарѣлъ за послѣдніе годы, такъ подурнѣлъ. Плечи, на которыхъ лежали его руки, были теплы и вздрагивали. Онъ почувствовалъ состраданіе къ этой жизни, еще такой теплой и красивой, но вѣроятно, уже близкой къ тому, чтобы начать блекнуть и вянуть, какъ его жизнь. За что она его любить такъ? Онъ всегда казался женщинамъ не тѣмъ, кѣмъ былъ, и любили онѣ въ немъ не его самого, а человѣка, котораго создавало ихъ воображеніе и котораго онѣ въ своей жизни жадно искали; и потомъ, когда замѣчали свою ошибку, то все-таки любили. И ни одна изъ нихъ не была съ нимъ счастлива. Время шло, онъ знакомился, сходилъ, разставался, но ни разу не любилъ; было все, что угодно, но только не любовь.

И только теперь, когда у него голова стала сѣдой, онъ полюбилъ, какъ слѣдуетъ, по-настоящему — первый разъ въ жизни.

Анна Сергѣевна и онъ любили другъ друга, какъ очень близкіе, родные люди, какъ мужъ и жена, какъ нѣжные друзья; имъ казалось, что сама судьба предназначила ихъ другъ для друга, и было непонятно, для чего онъ женатъ, а она замужемъ; и точно это были двѣ перелетныя птицы, самецъ и самка, которыхъ поймали и заставили жить въ отдѣльныхъ клѣткахъ. Они простили другъ другу то, чего стыдились въ своемъ прошломъ, прощали все въ настоящемъ и чувствовали, что эта ихъ любовь измѣнила ихъ обоихъ.

Прежде, въ грустныя минуты онъ успокаивалъ себя всякими разсужденіями, какія только приходили ему въ голову, теперь же ему было не до разсужденій, онъ чувствовалъ глубокое состраданіе, хотѣлось быть искреннимъ, нѣжнымъ...

— Перестань, моя хорошая, — говорилъ онъ. — Поплакала—и будетъ... Теперь давай поговоримъ, что-нибудь придумаемъ.

Потомъ они долго совѣтовались, говорили о томъ, какъ избавить себя отъ необходимости прятаться, обманывать, жить въ разныхъ городахъ, не видѣться подолгу. Какъ освободиться отъ этихъ невыносимыхъ путей?

— Какъ? Какъ?—спрашивалъ онъ, хватая себя за голову.—Какъ?

И казалось, что еще немного — и рѣшеніе будетъ найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоимъ было ясно, что до конца еще далеко-далеко, и что самое сложное и трудное только еще начинается.

ВЪ ОВРАГЪ.

I.

Село Уклево лежало въ оврагѣ, такъ что съ шоссе и со станціи желѣзной дороги видны были только колокольня и трубы ситце-набивныхъ фабрикъ. Когда прохожіе спрашивали, какое это село, то имъ говорили:

— Это то самое, гдѣ дьячокъ на похоронахъ всю икру съѣлъ.

Какъ-то на поминкахъ у фабриканта Костюкова старикъ-дьячокъ увидѣлъ среди закусокъ зернистую икру и сталъ ѣсть ее съ жадностью; его толкали, дергали за рукавъ, но онъ словно околѣлъ отъ наслажденія: ничего не чувствовалъ и только ѣлъ. Съѣлъ всю икру, а въ банкѣ было фунта четыре. И прошло ужъ много времени съ тѣхъ поръ, дьячокъ давно умеръ, а про икру все помнили. Жизнь ли была такъ бѣдна здѣсь, или люди не умѣли подмѣтить ничего, кромѣ этого неважнаго событія, происшедшаго десять лѣтъ назадъ, а только про село Уклево ничего другого не рассказывали.

Въ немъ не переводилась лихорадка и была тонкая грязь даже лѣтомъ, особенно подъ заборами, надъ которыми сгибались старыя вербы, дававшія широкую тѣнь. Здѣсь всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой, которую употребляли при выдѣлкѣ ситцевъ. Фабрики,—три ситцевыхъ и одна кожевенная—находились не въ самомъ селѣ, а на краю и поодаль. Это были небольшія фабрики, и на всѣхъ ихъ было занято около четырехсотъ рабочихъ, не больше. Отъ кожевенной фабрики вода въ рѣчкѣ часто становилась вонючей; отбросы заражали лугъ, крестьянскій скотъ страдалъ отъ сибирской язвы, и фабрику приказано было за-

крыть. Она считалась закрытой, но работала тайно съ вѣдома станового пристава и уѣзднаго врача, которымъ владѣлец платилъ по десяти рублей въ мѣсяць. Во всемъ селѣ было только два порядочныхъ дома, каменныхъ, крытыхъ желѣзомъ; въ одномъ помѣщалось волостное правленіе, въ другомъ, двухъэтажномъ, какъ разъ противъ церкви, жилъ Цыбукинъ, Григорій Петровъ, епифанскій мѣщанинъ.

Григорій держалъ бакалейную лавочку, но это только для вида, на самомъ же дѣлѣ торговалъ водкой, скотомъ, кожами, хлѣбомъ въ зернѣ, свиньями, торговалъ чѣмъ придется, и когда, напримѣръ, за границу требовались для дамскихъ шляпъ сороки, то онъ наживалъ на каждой парѣ по тридцати копеекъ; онъ скупалъ лѣсъ на срубъ, давалъ деньги въ ростъ, вообще былъ старикъ оборотливый.

У него было два сына. Старшій, Анисимъ, служилъ въ полициі, въ сыскомъ отдѣленіи, и рѣдко бывалъ дома. Младшій, Стенанъ, пошелъ по торговой части и помогать отцу, но настоящей помощи отъ него не ждали, такъ какъ онъ былъ слабъ здоровьемъ и глухъ; его жена Акинья, красивая, стройная женщина, ходившая въ праздники въ шляпкѣ и съ зонтикомъ, рано вставала, поздно ложилась и весь день бѣгала, подобравъ свои юбки и гремя ключами, то въ амбаръ, то въ погребъ, то въ лавку, и старикъ Цыбукинъ глядѣлъ на нее весело, глаза у него загорались и въ это время онъ жалѣлъ, что на ней женатъ не старшій сынъ, а младшій, глухой, который, очевидно, мало смыслилъ въ женской красотѣ.

У старика всегда была склонность къ семейной жизни, и онъ любилъ свое семейство больше всего на свѣтѣ, особенно старшаго сына—сыщика и невѣстку. Акинья, едва вышла за глухого, какъ обнаружила необыкновенную дѣловитость и уже знала, кому можно отпустить въ долгъ, кому нельзя; держала при себѣ ключи, не довѣряя ихъ даже мужу, щелкала на счетахъ, заглядывала лошадямъ въ зубы, какъ мужикъ, и все смѣялась, или покрикивала; и, что бы она ни дѣлала, ни говорила, старикъ только умилялся и бормоталъ:

— Ай-да невѣстущка! Ай-да красавица, матушка...

Онъ былъ вдовъ, но черезъ годъ послѣ свадьбы сына не выдержалъ и самъ женился. Ему нашли за тридцать верстъ отъ Уклеева дѣвушку Варвару Николаевну изъ хорошаго семейства, уже пожилую, но красивую, видную. Едва она

поселилась въ комнаткѣ, въ верхнемъ этажѣ, какъ все просвѣтлѣло въ домѣ, точно во всѣ окна были вставлены новыя стекла. Засвѣтились лампадки, столы покрылись бѣлыми, какъ снѣгъ, скатертями, на окнахъ и въ палисадникѣ показались цвѣты съ красными глазками, и ужъ за обѣдомъ бѣли не изъ одной миски, а передъ каждымъ ставилась тарелка. Варвара Николаевна улыбалась пріятно и ласково, и казалось, что въ домѣ все улыбается. И во дворѣ, чего раньше никогда не было, стали заходить нищіе, странники, богомолки; слышались подъ окнами жалобныя, пѣвучіе голоса уклесевскихъ бабъ и виноватый кашель слабыхъ, испитыхъ мужиковъ, уволенныхъ съ фабрики за пьянство. Варвара помогала деньгами, хлѣбомъ, старой одеждой, а потомъ, обжившись, стала потаскивать и изъ лавки. Разъ глухой видѣлъ, какъ она унесла двѣ осьмушки чаю, и это его смутило.

— Тутъ мамаша взяли двѣ осьмушки чаю, — сообщилъ онъ потомъ отцу. — Куда это записать?

Старикъ ничего не отвѣтилъ, а постоялъ, подумалъ, шевеля бровями, и пошелъ наверхъ къ женѣ.

— Варварушка, ежели тебѣ, матушка, — сказать онъ ласково: — понадобится что въ лавкѣ, то ты бери. Бери себѣ на здоровье, не сомнѣвайся.

И на другой день глухой, пробѣгая черезъ дворъ, крикнулъ ей:

— Вы, мамаша, ежели что нужно, — берите!

Въ томъ, что она подавала милостыню, было что-то новое, что-то веселое и легкое, какъ въ лампадкахъ и красныхъ цвѣточкахъ. Когда въ заговѣлье или въ престольный праздникъ, который продолжался три дня, сбывали мужикамъ протухлую солонину съ такимъ тяжкимъ запахомъ, что трудно было стоять около бочки, и принимали отъ пьяныхъ въ закладъ косы, шапки, женины платки, когда въ грязи валялись фабричныя, одурманенныя плохой водкой, и грѣхъ, казалось, сгустившись, уже туманомъ стоялъ въ воздухѣ, тогда становилось какъ-то легче при мысли, что тамъ, въ домѣ, есть тихая, опрятная женщина, которой нѣтъ дѣла ни до солонины, ни до водки; милостыня ея дѣйствовала въ эти тягостныя, туманные дни, какъ предохранительный клапанъ въ машинѣ.

Дни въ домѣ Цыбукина проходили въ заботахъ. Еще

солнце не восходило, а Аксинья уже фыркала, умываясь въ сѣняхъ, самоваръ кипѣлъ въ кухнѣ и гудѣлъ, предсказывая что-то недоброе. Старикъ Григорій Петровъ, одѣтый въ длинный, черный сюртукъ и ситцевыя брюки, въ высокихъ, яркихъ сапогахъ, такой чистенькій, маленькій, похаживалъ по комнатамъ и постукивалъ каблучками, какъ свекорь-батюшка въ извѣстной пѣснѣ. Отпирали лавку. Когда становилось свѣтло, подавали къ крыльцу бѣгловыя дрожки и старикъ молодцовато садился на нихъ, надвигая свой большой картузь до ушей, и, глядя на него, никто не сказалъ бы, что ему уже 56 лѣтъ. Его провожали жена и невѣстка, и въ это время, когда на немъ былъ хорошій, чистый сюртукъ и въ дрожки былъ запряженъ громадный вороной жеребецъ, стоившій триста рублей, старикъ не любилъ, чтобы къ нему подходили мужики со своими просьбами и жалобами; онъ ненавидѣлъ мужиковъ и брезговалъ ими, и если видѣлъ, что какой-нибудь мужикъ дожидается у воротъ, то кричалъ гнѣвно:

— Что сталъ тамъ? Проходи дальше!

Или кричалъ, если то былъ нищій:

— Богъ дасъты!

Онъ уѣзжалъ по дѣламъ; жена его, одѣтая въ темное, въ черномъ фартукѣ, убирала комнаты или помогала въ кухнѣ. Аксинья торговала въ лавкѣ, и слышно было во дворѣ, какъ звенѣли бутылки и деньги, какъ она смѣялась или кричала, и какъ сердились покупатели, которыхъ она обижала; и въ то же время было замѣтно, что тамъ въ лавкѣ тайная торговля водкой уже идетъ. Глухой тоже сидѣлъ въ лавкѣ, или безъ шапки, заложивъ руки въ карманы, ходилъ по улицѣ и разсѣянно поглядывать то на избы, то вверхъ на небо. Разъ шесть въ день въ домѣ пили чай; раза четыре садились за столъ ѣсть. А вечеромъ считали выручку и записывали, потомъ спали крѣпко.

Въ Уклеевѣ всѣ три ситцевыя фабрики и квартиры фабрикантовъ Хрыминыхъ Старшихъ, Хрыминыхъ Младшихъ и Костюкова были соединены телефономъ. Провели телефонъ и въ волостное правленіе, но тамъ онъ скоро пересталъ дѣйствовать, такъ какъ въ немъ завелись клопы и прусаки. Волостной старшина былъ малограмотенъ и въ бумагахъ каждое слово писалъ съ большой буквы, но когда испортился телефонъ, то онъ сказалъ:

— Да, теперь намъ безъ телефона будетъ трудно.

Хрымины Старшіе постоянно судились съ Младшими, иногда и Младшіе ссорились между собою и начинали судиться, и тогда ихъ фабрика не работала мѣсяць, два, пока они опять не мирились, и это развлекало жителей Уклеева, такъ какъ по поводу каждой ссоры было много разговоровъ и сплетенъ. Въ праздники Костюковъ и Хрымины Младшіе устраивали катанье, носились по Уклееву и давили телятъ. Аксинья, шурша накрахмаленными юбками, разодѣтая, прогуливалась на улицѣ, около своей лавки; Младшіе подхватывали ее и увозили какъ будто насильно. Тогда выѣзжалъ и старикъ Цыбукинъ, чтобы показать свою новую лошадь, и бралъ съ собою Варвару.

Вечеромъ, послѣ катанья, когда ложились спать, во дворѣ у Младшихъ играли на дорогой гармоникѣ и, если была луна, то отъ звуковъ этихъ становилось на душѣ тревожно и радостно, и Уклеево уже не казалось ямой.

II.

Старшій сынъ Анисимъ пріѣзжалъ домой очень рѣдко, только въ большіе праздники, но зато часто присылалъ съ земляками гостинцы и письма, написанныя чѣмъ-то чужимъ почеркомъ, очень красивымъ, всякій разъ на листѣ писчей бумаги, въ видѣ прошенія. Письма были полны выраженій, какихъ Анисимъ никогда не употреблялъ въ разговорѣ: «Любезные папаша и мамаша, посылаю вамъ фунтъ цвѣточнаго чаю для удовлетворенія вашей физической потребности».

Внизу каждого письма было нацарапано, точно испорченнымъ перомъ: «Анисимъ Цыбукинъ», и подъ этимъ опять тѣмъ же превосходнымъ почеркомъ: «Агентъ».

Письма читались вслухъ по нѣскольку разъ, и старикъ растроганный, красный отъ волненія, говорилъ:

— Вотъ, не захотѣлъ дома жить, пошелъ по ученой части. Что жъ, пускай! Кто къ чему приставленъ.

Какъ-то передъ масляницей пошелъ сильный дождь съ крупой; старикъ и Варвара подошли къ окну, чтобы по-смотреть, а глядь—Анисимъ ѣдетъ въ саняхъ со станціи. Его совсѣмъ не ждали. Онъ вошелъ въ комнату безпокойный и чѣмъ-то встревоженный, и такимъ оставался потомъ все время; и держалъ себя какъ-то развязно. Не сиѣшилъ

уѣзжать и похоже было, какъ будто его уволили со службы. Варвара была рада его прїѣзду; она поглядывала на него какъ-то лукаво, вздыхала и покачивала головой.

— Какъ же это такое, батюшки?—говорила она.—Этихъ тѣхъ, парню уже двадцать восьмой годочекъ пошелъ, а онъ все холостой разгуливаетъ, охъ-техъ-те...

Изъ другой комнаты ея тихая, ровная рѣчь слышалась такъ: «Охъ-техъ-те». Она стала шептаться со старикомъ и съ Аксиньей, и ихъ лица тоже приняли лукавое и таинственное выраженіе, какъ у заговорщиковъ.

Рѣшили женить Анисима.

— Охъ-техъ-те!... Младшаго брата давно женили,—говорила Варвара:—а ты все безъ пары, словно пѣтухъ на базарѣ. По-каковски это? Этихъ тѣхъ, женишься, Богъ дастъ, тамъ какъ хочешь, поѣдешь на службу, а жена останется дома помощницей-те. Безъ порядку-те живешь, парень, и всѣ порядки, вижу, забылъ. Охъ-техъ-те, грѣхъ одинъ съ вами, съ городскими.

Когда Цыбукины женились, то для нихъ, какъ для богатыхъ, выбирали самыхъ красивыхъ невѣстъ. И для Анисима отыскиали тоже красивую. Самъ онъ имѣлъ неинтересную, незамѣтную наружность; при слабомъ, нездоровомъ сложеніи и при небольшомъ ростѣ у него были полныя, пухлыя щеки, точно онъ надувалъ ихъ; глаза не мигали и взглядъ былъ острый, борода рыжая, жидкая и, задумавшись, онъ все совалъ ее въ ротъ и кусалъ; и къ тому же онъ часто вышивалъ, и это было замѣтно по его лицу и походкѣ. Но когда ему сообщили, что для него уже есть невѣста, очень красивая, то онъ сказалъ:

— Ну, да вѣдь и я тоже не кривой. Наше семейство Цыбукины, надо сказать, всѣ красивые.

Подъ самымъ городомъ было село Торгуево. Одна половина его была недавно присоединена къ городу, другая оставалась селомъ. Въ первой, въ своемъ домикѣ, проживала одна вдова; у нея была сестра, совсѣмъ бѣдная, ходившая на поденную работу, а у этой сестры была дочь Липа, дѣвушка, ходившая тоже на поденку. О красотѣ Липы уже говорили въ Торгуевѣ, и только смущала всѣхъ ея ужасная бѣдность; разсуждали такъ, что какой-нибудь пожилой или вдовецъ женится, не глядя на бѣдность, или возьметъ ее къ себѣ «такъ», а при ней и мать

сыта будетъ. Варвара узнала о Липѣ отъ свахъ и стѣздила въ Торгуево.

Потомъ въ домѣ тетки были устроены смотрины, какъ слѣдуетъ, съ закуской и виномъ, и Липа была въ новомъ, розовомъ платьѣ, сшитомъ нарочно для смотринь, и пунцовая ленточка, точно пламень, свѣтилась въ ея волосахъ. Она была худенькая, слабая, блѣдная, съ тонкими, изящными чертами, смуглая отъ работы на воздухѣ; грустная, робкая улыбка не сходила у нея съ лица, и глаза смотрѣли по-дѣтски—довѣрчиво и съ любопытствомъ.

Она была молода, еще дѣвочка, съ едва замѣтной грудью, но вѣнчать было уже можно, такъ какъ года вышли. Въ самомъ дѣлѣ она была красива, и одно только могло въ ней не нравиться, это—ея большія мужскія руки, которыя теперь праздно висѣли, какъ двѣ большія клешни.

— Нѣтъ приданого — и мы безъ вниманія, — говорилъ старикъ теткѣ;— для сына нашего Степана мы взяли тоже изъ бѣднаго семейства, а теперь не нахвалимся. Что въ домѣ, что въ дѣлѣ—золотыя руки.

Липа стояла у двери и какъ будто хотѣла сказать: «дѣлайте со мной, что хотите: я вамъ вѣрю», а ея мать Прасковья, поденщица, пряталась въ кухнѣ и замирала отъ робости. Когда-то еще въ молодости одинъ купецъ, у котораго она мыла полы, разсердившись, затопалъ на нее ногами, она сильно испугалась, обомлѣла, и на всю жизнь у нея въ душѣ остался страхъ. А отъ страха всегда дрожали руки и ноги, дрожали щеки. Сидя въ кухнѣ, она старалась подслушать, о чемъ говорятъ гости, и все крестилась, прижимая пальцы ко лбу и поглядывая на образъ. Анисимъ, слегка пьяный, отворялъ дверь въ кухню и говорилъ развязно:

— Что же это вы тутъ сидите, мамаша драгоценная? Намъ безъ васъ скучно.

А Прасковья, оробѣвъ, прижимая руки къ своей тощей, исхудалой груди, отвѣчала:

— Что вы, помилуйте-съ... Много вами довольны-съ.

Послѣ смотринь назначили день свадьбы. Потомъ у себя дома Анисимъ все ходилъ по комнатамъ и посвистывалъ или же вдругъ вспоминая о чемъ то, задумывался и глядѣлъ въ полъ неподвижно, пронзительно, точно взглядомъ хотѣлъ проникнуть глубоко въ землю. Онъ не выражалъ

ни удовольствія отъ того, что женится, женится скоро, на Красной Горкѣ, ни желанія повидаться съ невьстой, а только посвистываль. И было очевидно, что женится онъ только потому, что этого хотятъ отецъ и мачеха, и потому, что въ деревнѣ такой ужъ обычай: сынъ женится, чтобы дома была помощница. Увзжая, онъ не торопился и держалъ себя вообще не такъ, какъ въ прошлые свои прїѣзды,— былъ какъ-то особенно развязенъ и говорилъ не то, что нужно.

III.

Въ деревнѣ Шикаловой жили портнихи, двѣ сестры-хлмстовки. Имъ были заказаны къ свадьбѣ обшвы, и онѣ часто приходили примѣривать и подолгу пили чай. Варварѣ сшили коричневое платье съ черными кружевами и со стеклярусомъ, а Аксиныѣ — свѣтло-зеленое, съ желтой грудью и со шлейфомъ. Когда портнихи кончили, то Цыбукинъ заплатилъ имъ не деньгами, а товаромъ изъ своей лавки, и онѣ ушли отъ него грустныя, держа въ рукахъ узелки со стеариновыми свѣчами и сардинами, которыя были имъ совсѣмъ не нужны, и, выйдя изъ села въ поле, сѣли на бугорокъ и стали плакать.

Анисимъ прїѣхалъ за три дня до свадьбы, во всемъ новомъ. На немъ были блестящія резиновые калоши и вмѣсто галстука красный шнурокъ съ шариками, и на плечахъ висѣло пальто, не надѣтое въ рукава, тоже новое.

Степенно помолившись Богу, онъ поздоровался съ отцомъ и далъ ему десять серебряныхъ рублей и десять полтинниковъ; и Варварѣ далъ столько же, Аксиныѣ — двадцать четвертаковъ. Главная прелесть этого подарка была именно въ томъ, что всѣ монеты, какъ на подборъ, были новенькія и сверкали на солнцѣ. Стараясь казаться степеннымъ и серьезнымъ, Анисимъ напиргалъ лицо и надувалъ щеки, и отъ него пахло виномъ; вѣроятно, на каждой станціи выбѣгалъ къ буфету. И опять была какая-то развязность, что-то лишнее въ человѣкѣ. Потомъ Анисимъ и старикъ пили чай и закусывали, а Варвара перебирала въ рукахъ новенькіе рубли и спрашивала про земляковъ, жившихъ въ городѣ.

— Ничего, благодарить Бога, живутъ хорошо,—говорилъ Анисимъ.—Только вотъ у Ивана Егорова происшествіе въ семейной жизни: померла его старуха Софья Никифо-

ровна. Отъ чахотки. Поминальный обѣдъ за упокой души заказывали у кондитера, по два съ полтиной съ персоны. И виноградное вино было. Которые мужики, наши земляки — и за нихъ тоже по два съ полтиной. Ничего не ѣли. Нешто мужикъ понимаетъ соусъ!

— Два съ полтиной! — сказали старикъ и покачалъ головой.

— А что же? Тамъ не деревня. Зайдешь въ ресторанъ, подзакусить, спросишь того-другого, компанія соберется, выпьешь — анъ глядишь, уже разсвѣтъ, и пожалуйте по три или по четыре рубля съ каждаго. А когда съ Самородовымъ, такъ тотъ любить, чтобъ послѣ всего кофій съ коньякомъ, а коньякъ по шести гривенъ рюмочка-съ.

— И все врать, — проговорилъ старикъ въ восхищеніи. — И все врать!

— Я теперь всегда съ Самородовымъ. Это тотъ самый Самородовъ, что вамъ мои письма пишетъ. Великолѣбно пишетъ. И если бъ разсказать, мамаша, — весело продолжалъ Аписимъ, обращаясь къ Варварѣ: — какой человекъ есть этотъ самый Самородовъ, то вы не повѣрите. Мы его всѣ Мухтаромъ зовемъ, такъ какъ онъ въ родѣ армяшки — весь черный. Я его насквозь вижу, всѣ дѣла его знаю вотъ какъ свои пять пальцевъ, мамаша, и онъ это чувствуетъ и все за мной ходить, не отстаетъ, и насъ теперь водой не разольешь. Ему какъ будто жутковато, но и безъ меня жить не можетъ. Куда я, туда и онъ. У меня, мамаша, вѣрный, правильный глазъ. Глядишь на толкучкѣ: мужикъ рубаху продать. — Стой, рубаха краденая! — И вѣрно, такъ и выходитъ: рубаха краденая.

— Откуда же ты знаешь? — спросила Варвара.

— Ни откуда, глазъ у меня такой. Я не знаю, какая тамъ рубаха, а только почему-то такъ меня и тянетъ къ ней: краденая и все тутъ. У насъ въ сыскномъ такъ ужъ и говорятъ: «Ну, Аписимъ пошелъ вальдишеповъ стрѣлять!» Это значитъ — искать краденое. Да... Украсть всякій можетъ, да вотъ какъ сберечь! Велика земля, а спрятать краденое негдѣ.

— А въ нашемъ селѣ у Гунторевыхъ на прошлой недѣлѣ угнали барана и двухъ ярокъ, — сказала Варвара и вздохнула. — И поискать некому... Охъ-техъ-те...

— Чю жъ? Поискать можно. Это ничего, можно.

Подошелъ день свадьбы. Это былъ прохладный, но ясный, веселый апрѣльскій день. Уже съ ранняго утра по Уклееву разѣзжались, звеня колоколами, тройки и пары съ разноцвѣтными лентами на дугахъ и въ гривахъ. Въ вербахъ шумѣли грачи, потревоженные этой вѣдой, и, надсаживаясь, неумолкая, пѣли скворцы, какъ будто радуясь, что у Цыбукиныхъ свадьба.

Въ домѣ на столахъ уже были длинныя рыбы, окорока и птицы съ начинкой, коробки со шпротами, разные соленья и маринады, и множество бутылокъ съ водкой и винами, пахло копченой колбасой и прокисшими омарами. И около столовъ, постукивая каблучками и точа ножъ о ножъ, ходилъ старикъ. Варвару то и дѣло окликали, чего-нибудь требовали, и она съ растеряннымъ видомъ, тяжело дыша, бѣгала въ кухню, гдѣ съ разсвѣта работалъ поваръ отъ Костюкова и бѣлая кухарка отъ Хрыминыхъ Младшихъ. Аксиныя, завитая, безъ платья, въ корсетъ, въ новыхъ скрипучихъ ботинкахъ, носилась по двору какъ вихрь, и только мелькали ея голыя колѣни и грудь. Было шумно, слышалась брань, божба; прохожіе останавливались у настежь открытыхъ воротъ, и чувствовалось во всемъ, что готовится что-то необыкновенное.

— За невѣстой поѣхали!

Звонки заливались и замирали далеко за деревней... Въ третьемъ часу побѣжалъ народъ: опять слышались звонки, везуть невѣсту! Церковь была полна, горѣло папикадило, пѣвчіе, какъ пожелалъ того старикъ Цыбукинъ, пѣли по нотамъ. Блескъ огней и яркія платья ослѣпили Липу, ей казалось, что пѣвчіе своими громкими голосами стучатъ по ея головѣ, какъ молотками; корсетъ, который она надѣла первый разъ въ жизни, и ботинки давили ее, и выраженіе у нея было такое, какъ будто она только-что очнулась отъ обморока, — глядитъ и не понимаетъ. Анисимъ, въ черномъ сюртукѣ, съ краснымъ шнуркомъ вмѣсто галстука, задумался, глядя въ одну точку, и когда пѣвчіе громко вскрикивали, быстро крестился. На душѣ у него было умиленіе, хотѣлось плакать. Эта церковь была знакома ему съ ранняго дѣтства; когда-то покойная мать приносила его сюда пріобщать, когда-то онъ пѣлъ на клиросѣ съ мальчиками; ему такъ памятливы каждый уголокъ, каждая икона. Его вотъ вѣнчаютъ, его нужно женить для порядка, но онъ ужъ

не думалъ объ этомъ, какъ-то не помнилъ, забылъ совсѣмъ о свадьбѣ. Слезы мѣшали глядѣть на иконы, давило подь сердцемъ; онъ молился и просилъ у Бога, чтобы несчастья, неминуемая, которыя готовы уже разразиться надъ нимъ не сегодня — завтра, обошли бы его какъ-нибудь, какъ грозовыя тучи въ засуху обходятъ деревню, не давъ ни одной капли дождя. И столько грѣховъ уже наворочено въ прошломъ, столько грѣховъ, такъ все невылазно, непоправимо, что какъ-то даже несообразно просить о прощеніи. Но онъ просилъ и о прощеніи и даже всхлипнулъ громко, но никто не обратилъ на это вниманія, такъ какъ подумали, что онъ выпивши.

Послышался тревожный дѣтскій плачь:

— Милая мамка, унеси меня отсюда, касатка!

— Тише тамъ! — крикнулъ священникъ.

Когда возвращались изъ церкви, то бѣжалъ вслѣдъ народъ; около лавки, около воротъ и во дворѣ подь окнами тоже была толпа. Пришли бабы величать. Едва молодые переступили порогъ, какъ громко, пзо всей силы, вскрикнули пѣвчіе, которые уже стояли въ сѣняхъ со своими нотами; заиграла музыка, нарочно выписанная изъ города. Уже подносили допское шишучее въ высокихъ бокалахъ, и подрядчикъ-плотникъ Елизаровъ, высокій, худощавый старикъ съ такими густыми бровями, что глаза были едва видны, говорилъ, обращаясь къ молодымъ:

— Анисимъ и ты, дѣточка, любите другъ дружку, живите по-божески, дѣточки, и Царица Небесная васъ не оставитъ. — Онъ припалъ къ плечу старика и всхлипнулъ. — Григорій Петровъ, восплачемъ, восплачемъ отъ радости! — проговорилъ онъ тонкимъ голоскомъ и тотчасъ же вдругъ захохоталъ и продолжалъ громко, басомъ: — Хо-хо-хо! И эта хороша у тебя невѣстка! Все, значить, въ ней на мѣстѣ, все гладенько, не громыхнеть, вся механизма въ исправности, винтовъ много.

Онъ былъ родомъ изъ Егорьевскаго уѣзда, но съ молодыхъ лѣтъ работалъ въ Уклеевѣ на фабрикахъ и въ уѣздѣ, и прижился тутъ. Его давно уже знали старымъ, такимъ же вотъ тощимъ и длиннымъ, и давно уже его звали Костылемъ. Быть-можетъ оттого, что больше сорока лѣтъ ему приходилось заниматься на фабрикахъ только ремонтомъ, — онъ о каждомъ человѣкѣ или вещи судилъ только со сто-

роны прочности: не нуженъ ли ремонтъ. И прежде чѣмъ сѣсть за столъ, онъ попробовалъ нѣсколько стульевъ, прочны ли, и сига тоже потрогалъ.

Послѣ шипучаго всѣ стали садиться за столъ. Гости говорили, двигая стульями. Пѣли въ сѣняхъ пѣвчіе, играла музыка, и въ это же время на дворѣ бабы величали, всѣ въ одинъ голосъ,—и была какая-то ужасная, дикая смѣсь звуковъ, отъ которой кружилась голова.

Костыль вертѣлся на стулѣ и толкалъ сосѣдей локтями, мѣшалъ говорить, и то плакалъ, то хохоталъ.

— Дѣточки, дѣточки, дѣточки...—бормotalъ онъ быстро:—Аксиньюшка матушка, Варварушка, будемъ жить всѣ въ мирѣ и согласіи, топорики мои любезные...

Онъ пилъ мало и теперь опьянѣлъ отъ одной рюмки англійской горькой. Эта отвратительная горькая, сдѣланная неизвѣстно изъ чего, одурманила всѣхъ, кто пилъ ее, точно ушибла. Стали заплетаться языки.

Тутъ было духовенство, приказчики съ фабрикъ съ женами, торговцы и трактирщики изъ другихъ деревень. Волостной старшина и волостной писарь, служившіе вмѣстѣ уже четырнадцать лѣтъ и за все это время не подписавшіе ни одной бумаги, не отсутствовавшіе изъ волостного правленія ни одного человѣка безъ того, чтобы не обмануть и не обидѣть, сидѣли теперь рядомъ, оба толстые, сытые и казалось, что они уже до такой степени пропитались неправдой, что даже кожа на лицѣ у нихъ была какая-то особенная, мошенническая. Жена писаря, женщина исхудалая, косая, привела съ собою всѣхъ своихъ дѣтей и, точно хищная птица, косилась на тарелки, и хватала все, что попадалось подъ руку, и прятала себѣ и дѣтямъ въ карманы.

Лица сидѣла окаменѣлая, все съ тѣмъ же выраженіемъ, какъ въ церкви. Анисимъ, съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ ней, не проговорилъ съ ней ни одного слова, такъ что до сихъ поръ не зналъ, какой у нея голосъ; и теперь, сидя рядомъ, онъ все молчалъ и пилъ англійскую горькую, а когда охмелѣлъ, то заговорилъ, обращаясь къ теткѣ, сидѣвшей напротивъ:

— У меня есть другъ, по фамилии Самородовъ. Человѣкъ специальный. Личный почетный гражданинъ и можетъ разговаривать. Но я его, тетенька, насквозь вижу, и онъ

это чувствуетъ. Позвольте съ вами выпить за здоровье Самородова, тетенька!

Варвара ходила вокругъ стола, угощая гостей, утомленная, растерянная, и видимо была довольна, что такъ много кушаний и все такъ богато, — никто не осудить теперь. Зашло солнце, а обѣдъ продолжался; уже не понимали, что ѣли, что пили, нельзя было разслышать, что говорятъ, и только изрѣдка, когда затихала музыка, ясно было слышно, какъ на дворѣ кричала какая-то баба:

— Насосались нашей крови, проды, вѣтъ на вастъ погибели!

Вечеромъ были танцы подъ музыку. Пріѣхали Хрымины Младшіе со своимъ виномъ, и одинъ изъ нихъ, когда танцевали кадрили, держалъ въ обѣихъ рукахъ по бутылкѣ, а во рту рюмку, и это всѣхъ смѣшило. Среди кадрили пу-скались вдругъ въ присядку; зеленая Аксинья только мелькала, и отъ шлейфа ея дуло вѣтромъ. Кто-то оттопталъ ей внизу оборку, и Костыль крикнулъ:

— Эй, внизу плитуетъ оторвали! Дѣточки!

У Аксиньи были сѣрые, наивные глаза, которые рѣдко мигали, и на лицѣ постоянно играла наивная улыбка. И въ этихъ немигающихъ глазахъ, и въ маленькой головѣ на длинной шеѣ, и въ ея стройности было что-то змѣиное; зеленая, съ желтой грудью, съ улыбкой, она глядѣла, какъ весной изъ молодой ржи глядитъ на прохожаго гадюка, вытянувшись и поднявъ голову. Хрымины держались съ ней вольно, и замѣтно было очень, что со старшимъ изъ нихъ она давно уже находилась въ близкихъ отношеніяхъ. А глухой ничего не понималъ, не глядѣлъ на нее; онъ сидѣлъ, положивъ ногу на ногу, и ѣлъ орѣхи и раскусывалъ ихъ такъ громко, что, казалось, стрѣлялъ изъ пистолета.

Но вотъ и самъ старикъ Цыбукинъ вышелъ на средину и взмахнулъ платкомъ, подавая знакъ, что и онъ тоже хочетъ плясать русскую, и по всему дому и во дворѣ въ толпѣ пронесся гулъ одобренія:

— Самъ вышелъ! Самъ!

Плясала Варвара, а старикъ только помахивалъ платкомъ и перебиралъ каблучками, но тѣ, которые тамъ, во дворѣ, нависая другъ на другѣ, заглядывали въ окна, были въ восторгѣ и на минуту простили ему все—и его богатство, и обиду.

— Молодчина Григорій Петровъ!—слышалось въ толпѣ.—
Такъ, старайся! Значить, еще можешь заниматься! Ха-ха!

Все это кончилось поздно, во второмъ часу ночи. Анисимъ, пошатываясь, обходилъ на прощанье пѣвчихъ и музыкантовъ и дарилъ каждому по новому полтипнику. И старикъ, не качаясь, а все какъ-то ступая на одну ногу, провожалъ гостей и говорилъ каждому:

— Свадьба двѣ тысячи стоила.

Когда расходились, у шикаловскаго трактирщика кто-то обмѣнилъ хорошую поддевку на старую, и Анисимъ вдругъ вспыхнулъ и сталъ кричать:

— Стой! Я сыщу сейчасъ! Я знаю, кто это укралъ! Стой!

Онъ выбѣжалъ на улицу, погнался за кѣмъ-то; его поймали, повели подъ руки домой и пихнули его, пьянаго, краснаго отъ гнѣва, мокраго, въ комнату гдѣ тетка уже раздѣвала Лицу, и заперли.

IV.

Прошло пять дней. Анисимъ, собравшійся уѣзжать, пришелъ наверхъ къ Варварѣ, чтобы проститься. У нея горѣли всѣ лампадки, пахло ладаномъ, а сама она сидѣла у окна и вязала чулокъ изъ красной шерсти.

— Мало съ нами пожилъ, — сказала она. — Заскучалъ небось? Охъ-техъ-те... Живемъ мы хорошо, всего у насъ много, и свадьбу твою сыграли порядкомъ, правильно; старикъ сказывалъ: двѣ тысячи пошло. Одно слово, живемъ, какъ кунцы, только вотъ скучно у насъ. Ужъ очень народъ обижаемъ. Сердце мое болитъ, дружокъ, обижаемъ какъ — и Боже мой! Лошадь ли мѣняемъ, покупаемъ ли что, работника ли нанимаемъ—на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ горькое, тухлое, у людей деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нельзя хорошимъ масломъ торговать?

— Кто къ чему приставлень, мамаша.

— Да вѣдь умирать надо? Ой-ой, право, поговорилъ бы ты съ отцомъ!..

— А вы бы сами поговорили.

— Н-ну! Я ему свое, а онъ мнѣ, какъ ты, въ одно слово: кто къ чему приставлень. На томъ свѣтѣ такъ тебѣ и стануть разбирать, кто къ чему приставлень. У Бога судъ праведный.

— Конечно, никто не станетъ разбирать,—сказалъ Анисимъ и вздохнулъ. — Бога-то вѣдь, все равно, нѣтъ, мамаша. Чего ужъ тамъ разбирать!

Варвара посмотрѣла на него съ удивленіемъ и засмѣялась, и всплеснула руками. Оттого, что она такъ искренно удивилась его словамъ и смотрѣла на него какъ на чудака, онъ смутился.

— Богъ, можетъ, и есть, а только вѣры нѣтъ,—сказалъ онъ. — Когда меня вѣнчали, мнѣ было не по себѣ. Какъ воть возьмешь изъ-подъ курицы яйцо, а въ немъ цыпленокъ нищитъ, такъ во мнѣ совѣсть вдругъ зашпицала, и, пока меня вѣнчали, я все думалъ: есть Богъ! А какъ вышелъ изъ церкви—и ничего. Да и откуда мнѣ знать, есть Богъ или нѣтъ? Насъ съ малолѣтства не тому учили, и младенецъ еще мать сосеть, а его только одному и учать: кто къ чему приставленъ. Папаша вѣдь тоже въ Бога не вѣруетъ. Вы какъ-то сказывали, что у Гунторева барановъ угнали... Я нашель: это шикаловскій мужикъ украдъ; онъ украдъ, а шкурки-то у папаша... Вотъ вамъ и вѣра!

Анисимъ подмигнулъ глазомъ и покачалъ головой.

— И старшина тоже не вѣритъ въ Бога,—продолжалъ онъ:—и писарь тоже, и дьячокъ тоже. А ежели они ходять въ церковь и посты соблюдаютъ, такъ это для того, чтобы люди про нихъ худо не говорили, и на тотъ случай, что можетъ и въ самомъ дѣлѣ страшный судъ будетъ. Теперь такъ говорятъ, будто конецъ свѣта пришелъ оттого, что народъ ослабѣлъ, родителей не почитаютъ и прочее. Это лустяки. Я такъ, мамаша, понимаю, что все горе оттого, что совѣсти мало въ людяхъ. Я вижу насквозь, мамаша, и понимаю. Ежели у человѣка рубаха краденая, я вижу. Человѣкъ сидитъ въ трактирѣ, и вамъ такъ кажется, будто онъ чай пьетъ и больше ничего, а я, чай-то чаемъ, вижу еще, что въ немъ совѣсти нѣтъ. Такъ цѣлый день ходишь—и ни одного человѣка съ совѣстью. И вся причина, по-тому что не знаютъ, есть Богъ или нѣтъ... Ну-съ, мамаша, прощайте. Оставайтесь живы и здоровы, не поминайте лихомъ.

Анисимъ поклонился Варварѣ въ ноги.

— Благодаримъ васъ за все, мамаша,—сказалъ онъ.— Нашему семейству отъ васъ большая польза. Вы очень приличная женщина, и я вами много довождь.

Растроганный Анисимъ вышелъ, но опять вернулся и сказалъ:

— Меня Самородовъ впуталъ въ одно дѣло: богатъ буду или пропаду. Ежели что случится, ужъ вы тогда, мамаша, утѣшите моего родителя.

— Ну вотъ, что тамъ! Охъ-техъ-те... Богъ милостивъ. А ты бы, Анисимъ, этихъ тѣхъ, жену бы свою приласкалъ, а то глядите другъ на дружку надутые оба; хоть бы усмѣхнулись, право.

— Да, какая-то она чудная...—сказалъ Анисимъ и вздохнулъ.—Не понимаетъ ничего, молчить все. Молода очень, пускай подрастетъ...

У крыльца уже стоялъ высокій, сытый, бѣлый жеребецъ, запряженный въ шарабанъ.

Старикъ Цыбукинъ разбѣжался и сѣлъ молодцовато, и взялъ вожжи. Анисимъ поцѣловался съ Варварой, съ Аксиньей и съ братомъ. На крыльцѣ стояла также Лина, стояла неподвижно и смотрѣла въ сторону, какъ будто вышла не провожать, а такъ, неизвѣстно зачѣмъ. Анисимъ подошелъ къ ней и прикоснулся губами къ ея щекѣ слегка, чуть-чуть.

— Прощай,—сказалъ онъ.

И она, не поглядѣвъ на него, улыбнулась какъ-то странно; лицо у нея задрожало, и всѣмъ почему-то стало жаль ея. Анисимъ тоже сѣлъ съ подскокомъ и подбоченился, такъ какъ считалъ себя красивымъ.

Когда выѣзжали изъ оврага наверхъ, то Анисимъ все оглядывался назадъ, на село. Былъ теплый, ясный день. Въ первый разъ выгнали скотину, и около стада ходили дѣвушки и бабы, одѣтыя по-праздничному. Бурый быкъ ревѣлъ, радуясь свободѣ, и рылъ передними ногами землю. Всюду, и вверху, и внизу, пѣли жаворопки. Анисимъ оглядывался на церковь, стройную, бѣленькую—ее недавно побѣлили—и вспомнилъ, какъ пять дней назадъ, молился въ ней; оглянулся на школу съ зеленой крышей, на рѣчку, въ которой когда-то купался и удилъ рыбу, и радость колыхнулась въ груди, и захотѣлось, чтобы вдругъ изъ земли выросла стѣна и не пустила бы его дальше, и онъ остался бы только съ однимъ прошлымъ.

На станціи подошли къ буфету и выпили по рюмкѣ хересу. Старикъ полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ, чтобы заплатить.

— Я угощаю!—сказалъ Анисимъ.

Старикъ въ умиленіи похлопалъ его по плечу и подмигнулъ буфетчику: вотъ-де какой у меня сынъ.

— Остался бы ты, Анисимъ, дома, при дѣлѣ,—сказалъ онъ:—цѣны бы тебѣ не было! Я бы тебя, сыночекъ, озолотилъ съ головы до ногъ.

— Никакъ нельзя, папаша.

Хересь былъ кислотавый, пахло отъ него сургучомъ, но вышли еще по рюмкѣ.

Когда старикъ вернулся со станціи, то въ первую минуту не узналъ своей младшей невѣстки. Какъ только мужъ выѣхалъ со двора, Липа измѣнилась, вдругъ повеселѣла. Босая, въ старой, поношенной юбкѣ, засучивъ рукава до плечъ, она мыла въ сѣняхъ лѣстницу и пѣла тонкимъ серебрянымъ голоскомъ, а когда выносила большую лохань съ помоями и глядѣла на солнце со своей дѣтской улыбкой, то было похоже, что это тоже жаворонокъ.

Старый работникъ, который проходилъ мимо крыльца, покачалъ головой и крикнулъ.

— Да и невѣстки же у тебя, Григорій Петровъ, Богъ тебѣ послалъ!—сказалъ онъ.—Не бабы, а чистый кладъ!

V.

8 іюля, въ пятницу, Елизаровъ, по прозванію Костыль, и Липа возвращались изъ села Казанскаго, куда они ходили на богомолье, по случаю храмоваго праздника — Казанской Божіей Матери. Далекъ позади шла мать Липы Прасковья, которая все отставала, такъ какъ была больна и задыхалась. Время было близко къ вечеру.

— А-аа!.. — удивлялся Костыль, слушая Липу. — А-а!.. Ну-у?

— Я, Илья Макарычъ, до варенья очень охотница, — говорила Липа. — Сяду себѣ въ уголокъ и все чай пью съ вареньемъ. Или съ Варварой Николаевной вмѣстѣ пьемъ, а онѣ что-нибудь рассказываютъ чувствительное. У нихъ варенья много — четыре банки. «Кушай, говорятъ, Липа, не сомнѣвайся».

— А-аа!.. Четыре банки!

— Бѣгато живутъ. Чай съ бѣлой булкой; и говядины тоже сколько хочешь. Богато живутъ, только страшно у нихъ, Илья Макарычъ. И-и, какъ страшно!

— Чего жъ тебѣ страшно, дѣточка?—спросилъ Костыль и оглянулся, чтобы посмотрѣть, далеко ли отстала Прасковья.

— Первое, какъ свадьбу сыграли, Анисима Григорьяча боялась. Они ничего, не обижали, а только, какъ подойдуть ко мнѣ близко, такъ по всей по мнѣ морозъ, по всѣмъ косточкамъ. И ни одной ноченьки я не спала, все тряслась и Бога молила. А теперь Аксиньи боюсь, Илья Макарычъ. Она нячего, все усмѣхается, а только часомъ взглянетъ въ окошко, а глаза у ней такіе сердитые и горять зеленые, словно въ хлѣву у овцы. Хрымины Младшіе ее сбиваютъ: «У вашего старика, говорятъ, есть земляца Бутѣкино, десятинь сорокъ, земляца, говорятъ, съ песочкомъ и вода есть, такъ ты, говорятъ, Аксюша построй отъ себѣ кирпичный заводъ, и мы въ долю войдемъ». Кирпичъ теперь двадцать рублей тысяча. Дѣло спорое. Вчера за обѣдомъ Аксинья и говоритъ старику: «Я, говоритъ, хочу въ Бутѣкинѣ кирпичный заводъ ставить, буду сама себѣ купчиха». Говоритъ и усмѣхается. А Григорій Петровичъ съ лица потемнѣли; видно, не понравилось. «Пока, говорятъ, я живъ, нельзя врозь, надо всѣмъ вмѣстѣ». А она глазами метнула, зубами заскриготѣла... Подали олады — не ѣсть!

— А-аа!..—удивился Костыль.—Не ѣсть!

— И скажи, сдѣлай милость, когда она спитъ!—продолжала Лина.—Съ полчасака поспитъ, а тамъ вскочитъ, ходить, все ходить, заглядываетъ: не сожгли бъ чего мужики, не украли бъ чего... Страшно съ ней, Илья Макарычъ! А Хрымины Младшіе послѣ свадьбы и спать не ложились, а поѣхали въ городъ судиться; и народъ болтаетъ, будто черезъ Аксинью все. Два брата пообѣщались ей заводъ построить, а третій обижается, а фабрика съ мѣсяць стояла, и мой дяденька Прохоръ безъ работы по дворамъ корочки собиралъ. Ты бы, говорю, дяденька, пока что, пахать пошелъ или дрова пилить, что срамиться! «Отбился, говоритъ, я отъ хрестіанской работы, ничего, говоритъ, не умѣю, Липынька!..»

Около молодой осинової рощицы остановились, чтобы отдохнуть, подождать Прасковью. Елизаровъ давно уже былъ подрядчикомъ, но не держалъ лошади, а ходилъ по всему уѣзду иѣшкомъ, съ однимъ мѣшочкомъ, въ которомъ были хлѣбъ и лукъ, и шагаль широко, размахивая руками. И идти съ нимъ рядомъ было трудно.

У входа въ роцу стоялъ межевой столбъ. Елизаровъ по-трогалъ его: проченъ ли. Подошла Прасковья, задыхаясь. Ея сморщенное, всегда испуганное лицо сіяло счастьемъ: она была сегодня въ церкви, какъ люди, потомъ ходила по ярмаркѣ, шла тамъ грушевый квасъ! Съ ней это бывало рѣдко, и даже ей казалось теперь, будто она жила въ свое удовольствіе сегодня первый разъ въ жизни. Отдохнувши, всѣ трое пошли рядомъ. Солнце уже заходило, и его лучи проникали сквозь роцу, свѣтились на стволахъ. Впереди гулко раздавались голоса. Уклеевскія дѣвушки давно ушли впередъ, но задержались тутъ въ роцѣ: вѣроятно, подбирали грибы.

— Эй, дѣвки-и!—кричалъ Елизаровъ.—Эй, красотки!

Въ отвѣтъ слышался смѣхъ.

— Костыль идетъ! Костыль! Старый хрѣнъ!

И эхо тоже смѣялось. Вотъ и роца осталась позади. Видны уже были верхушки фабричныхъ трубъ, сверкнулъ крестъ на колокольнѣ: это было село, «то самое, гдѣ дьячокъ на похоронахъ всю икру съѣлъ». Вотъ почти уже и дома; оставалось только спуститься въ этотъ большой оврагъ. Лиша и Прасковья, которая шла босикомъ, сѣли на траву, чтобы обуться; съ ними сѣлъ и подрядчикъ. Если взглянуть сверху, то Уклеево со своими вербами, белой церковью и рѣчкой казалось красивымъ, тихимъ, и мѣшали только крыши фабричныя, выкрашенныя изъ экономіи въ мрачный, дикій цвѣтъ. Видна была на той сторонѣ по скату рожь—и копны, и снопы тамъ, сямъ, точно раскиданные бурей, и только-что скошенная, въ рядахъ; и овесъ уже поспѣлъ и теперь на солнцѣ отсвѣчивалъ, какъ перламутръ. Была страда. Сегодня праздникъ, завтра, въ субботу, убирать рожь, возить сѣно, а потомъ воскресенье, опять праздникъ; каждый день погромыхивалъ дальній громъ; парило, похоже было на дождь, и, глядя теперь на поле, каждый думать о томъ, далъ бы Богъ въ-время обратиться съ хлѣбомъ, и было весело и радостно, и непокойно на душѣ.

— Косари нынче дороги,—сказала Прасковья. — Рубль сорокъ въ день!

А съ ярмарки изъ Казанскаго народъ все шель и шель; бабы, фабричныя въ новыхъ картузахъ, нищія, ребята... То проѣзжала телѣга, поднимая пыль, и позади бѣжала непроданная лошадь, и точно была рада, что ея не про-

дали, то вели за рога корову, которая упрячилась, то опять телѣга, а въ ней пьяные мужики, свѣсивъ ноги. Одна старуха вела мальчика въ большой шапкѣ и въ большихъ сапогахъ; мальчикъ изнемогъ отъ жары и тяжелыхъ сапогъ, которые не давали его ногамъ сгибаться въ колѣняхъ, но все же изо всей силы, не переставая, дулъ въ игрушечную трубу; уже спустились внизъ и повернули въ улицу, а трубу все еще было слышно.

— А наши фабриканты что-то не въ себѣ... — сказалъ Елизаровъ.— Бѣда! Костюковъ осерчалъ на меня. «Много, говоритъ, тесу пошло на карнизы». — Какъ много? Сколько надо было, Василий Данилычъ, столько, говорю, и пошло. Я его не съ кашей ѣмъ, тесъ-то. «Какъ, говоритъ, ты можешь мнѣ такія слова? Болванъ, такой сякой! Не забывайся! Я, кричитъ, тебя подрядчикомъ сдѣлалъ!» — Эка, говорю, невидаль! Когда, говорю, не былъ въ подрядчикахъ, все равно каждый день чай пилъ. «Всѣ, говоритъ, вы жулики...» Я смолчалъ. Мы на этомъ свѣтѣ жулики, думаю, а вы на томъ свѣтѣ будете жулики. Хо-хо-хо! На другой день отмякъ. «Ты, говоритъ, на меня не гнѣвайся, Макарычъ, за мои слова. Ежели, говоритъ, я что лишнее, такъ вѣдь и то сказать, я купецъ первой гильдіи, старше тебя, — ты смолчать долженъ». — Вы, говорю, купецъ первой гильдіи, а я плотникъ, это правильно. И святой Іосифъ, говорю, былъ плотникъ. Дѣло наше праведное, богоугодное, а ежели, говорю, вамъ угодно быть старше, то сдѣлайте милость, Василий Данилычъ. А потомъ этого, послѣ, значить, разговору, я и думаю: кто же старше? Купецъ первой гильдіи или плотникъ? Стало-быть, плотникъ, дѣточки!

Костыль подумалъ и добавилъ:

— Оно такъ, дѣточки. Кто трудится, кто терпитъ, тотъ и старше.

Солнце уже зашло, и надъ рѣкой, въ церковной оградѣ и на полянахъ около фабрикъ поднимался густой туманъ, бѣлый, какъ молоко. Теперь, когда быстро наступала темнота, мелькали внизу огни и когда казалось, что туманъ скрываетъ подъ собой бездонную пропасть, Лицъ и ея матери, которыя родились нищими и готовы были прожить такъ до конца, отдавая другимъ все, кромѣ своихъ испуганныхъ, кроткихъ душъ, — быть-можетъ, имъ примерещилось на минуту, что въ этомъ громадномъ, таинственномъ

мірѣ, въ числѣ безконечнаго ряда жизней и онѣ сила, и онѣ старше кого-то; имъ было хорошо сидѣть здѣсь наверху, онѣ счастливо улыбались и забыли о томъ, что возвращаться внизъ все-таки надо.

Наконецъ вернулись домой. У воротъ и около лавки сидѣли на землѣ косари. Обыкновенно свои уклеевскіе не шли къ Цыбукину работать, и приходилось нанимать чужихъ, и теперь казалось въ потемкахъ, что сидятъ люди съ длинными, черными бородами. Лавка была отперта и видно было въ дверь, какъ глухой игралъ съ мальчикомъ въ шашки. Косари шли тихо, чуть слышно, или громко просили отдать имъ за вчерашній день, но имъ не платили, чтобы они не ушли до завтра. Старикъ Цыбукинъ безъ сюртука, въ жилеткѣ, и Аксинья у крыльца подъ березой пили чай; и горѣла на столѣ лампа.

— Дѣдушка-а!—говорилъ за воротами косарь, какъ бы дразня.—Заплати хоть половину! Дѣдушка-а!

И тотчасъ же слышался смѣхъ, а потомъ опять шли чуть слышно... Костыль сѣлъ тоже чай пить.

— Были мы, значить, на ярмаркѣ, — началъ онъ рассказывать.— Гуляли, дѣточки, очень хорошо гуляли, слава тебѣ Господи. И случай такой вышелъ, нехорошій: кузнецъ Сашка купилъ табакъ и даетъ полтинникъ, значить, купцу. А полтинникъ фальшивый,—продолжалъ Костыль и оглянулся; ему хотѣлось говорить шепотомъ, но говорилъ онъ придуреннымъ, сильнымъ голосомъ, и всѣмъ было слышно.— А полтинникъ выходитъ фальшивый. Спрашиваютъ: гдѣ взял? А это, говоритъ, мнѣ Анисимъ Цыбукинъ далъ. Когда, говоритъ, я у него на свадьбѣ гулялъ... Кликнули урядника, повели... Гляди, Петровичъ, какъ бы чего не вышло, какого разговору...

— Дѣдушка-а! — дразнилъ все тотъ же голосъ за воротами.—Дѣдушка-а!

Наступило молчаніе.

— Ахъ, дѣточки, дѣточки, дѣточки... — быстро забормоталъ Костыль и всталъ; его одолевала дремота.—Ну, спасибо за чай, за сахаръ, дѣточки. Пора и спать. Сталъ ужъ я трухлявый, балки во мнѣ всѣ подгнили. Хо-хо-хо!

И уходя, онъ сказалъ:

— Умирать, должно, пора!

И всхлипнулъ. Старикъ Цыбукинъ не допилъ своего чаю,

по еще посидѣлъ, подумалъ; и выраженіе у него было такое, будто онъ прислушивался къ шагамъ Костыля, бывшего уже далеко на улицѣ.

— А Сашка кузнецъ, чай, навралъ,— сказала Аксинья, угадавъ его мысли.

Онъ пошелъ въ домъ и, немного погодя, вернулся со сверткомъ; развернулъ—и блеснули рубли, совершенно новые. Онъ взялъ одинъ, попробовалъ на зубъ, бросилъ на поднось; потомъ бросилъ другой...

— Рубли-то взаправду фальшивые...— проговорилъ онъ, глядя на Аксинью и точно недоумѣвая.— Это тѣ... Анисимъ тогда привезъ, его подарокъ. Ты, дочка, возьми, — зашепталь онъ и сунулъ ей въ руки свертокъ: — возьми, брось въ колодець... Ну ихъ! И гляди, чтобъ разговору не было. Чего бы не вышло... Убирай самоваръ, туши огонь...

Липа и Прасковья, сидѣвшія въ сараѣ, видѣли, какъ одинъ за другимъ погасли огни; только наверху у Варвары свѣтились синія и красныя лампадки, и оттуда вѣяло покоемъ, довольствомъ и невѣдѣніемъ. Прасковья никакъ не могла привыкнуть къ тому, что ея дочь выдана за богатаго, и когда приходила, то робко жалась въ сѣняхъ, улыбалась просительно, и ей высылали чаю и сахару. И Липа тоже не могла привыкнуть, и послѣ того, какъ уѣхалъ мужъ, спала не на своей кровати, а гдѣ придется—въ кухнѣ или сараѣ, и каждый день мыла полы или стирала, и ей казалось, что она на поденкѣ. И теперь, вернувшись съ богомолья, онѣ пили чай въ кухнѣ съ кухаркой, потомъ пошли въ сарай и легли на полу между санями и стѣнкой. Было тутъ темно, пахло хомутами. Около дома погасли огни, потомъ слышно было, какъ глухой запираетъ лавку, какъ косяри располагались на дворѣ спать. Далеко, у Хрыминыхъ Младшихъ играли на дорогой гармоникѣ... Прасковья и Липа стали засыпать.

И когда ихъ разбудили чьи-то шаги, было уже свѣтло отъ луны; у входа въ сарай стояла Аксинья, держа въ рукахъ постель.

— Тутъ, пожалуй, прохладнѣй...— проговорила она, потомъ вошла и легла почти у самаго порога, и луна освѣщала ее всю.

Она не спала и тяжело вздыхала, разметавшись отъ жары, сбросивъ съ себя почти все — и при волшебномъ свѣтѣ

луны какое это было красивое, какое гордое животное! Прошло немного времени и послышались опять шаги: въ дѣрѣяхъ показался старикъ, весь бѣлый.

— Аксинья!—позвалъ онъ.—Ты здѣсь, что ли?

— Ну!—отозвалась она сердито.

— Я тебѣ давеча сказалъ, чтобъ бросила деньги въ колодець. Ты бросила?

— Вотъ еще, добро въ воду бросать! Я косарямъ отдала...

— Ахъ, Боже мой!—проговорилъ старикъ въ изумленіи и въ испугѣ.—Озорная ты баба... Ахъ, Боже мой!

Онъ всплеснулъ руками и ушелъ, и, пока шелъ, все что-то приговаривалъ. А немного погодя. Аксинья сѣла и вздохнула тяжело, съ досадою, потомъ встала и, забравъ въ охапку свою постель, вышла.

— И зачѣмъ ты отдала меня сюда, маменька! — проговорила Липа.

— Замужъ идти нужно, дочка. Такъ ужъ не нами положено.

И чувство безутѣшной скорби готово было овладѣть ими. Но казалось имъ, кто-то смотритъ съ высоты неба, изъ синевы, оттуда, гдѣ звѣзды, видитъ все, что происходитъ въ Уклеевѣ, сторожить. И какъ не велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же въ Божьемъ мѣрѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдою, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью.

И обѣ, успокоенныя, прижавшись другъ къ другу, уснули.

VI.

Давно уже пришло извѣстіе, что Анисима посадили въ тюрьму за поддѣлку и сбытъ фальшивыхъ денегъ. Прошли мѣсяцы прошло больше полугода, минула длинная зима, наступила весна, и къ тому, что Анисимъ сидитъ въ тюрьмѣ, привыкли и въ домѣ, и въ селѣ. И когда кто-нибудь проходилъ ночью мимо дома или лавки, то вспоминалъ, что Анисимъ сидитъ въ тюрьмѣ; и когда звонили на погостѣ, то почему-то тоже вспоминалось, что онъ сидитъ въ тюрьмѣ и ждетъ суда.

Казалось, будто тѣнь легла на дворъ. Домъ потемнѣлъ, крыша поржавѣла, дверь въ лавкѣ, обитая желѣзомъ, тязелая, выкрашенная въ зеленый цвѣтъ, пожухла или, какъ

говорилъ глухой, «зашкорубла»; и самъ старикъ Цыбукинъ потемнѣлъ какъ будто. Онъ давно уже не подстригалъ волосъ и бороды, обросъ, уже садился въ тарантасъ безъ подскока и не кричалъ нищимъ: «Богъ дасътъ!» Сила у него пошла на убыль, и это было замѣтно по всему. Уже и люди меньше боялись, и урядникъ составилъ въ лавкѣ протоколъ, хотя получалъ попрежнему что слѣдуетъ; и три раза вызывали въ городъ, чтобы судить за тайную торговлю виномъ, и дѣло все откладывалось за неявкой свидѣтелей, и старикъ замучился.

Онъ часто ѣздилъ къ сыну, нанималъ кого-то, подавалъ кому-то прошенія, пожертвовалъ куда-то хоругвь. Смотрителю тюрьмы, въ которой сидѣлъ Анисимъ, онъ поднесъ серебряный подстаканникъ съ надписью по эмали «душа мѣру знаетъ» и съ длинной ложечкой.

— Похлопотать-те, похлопотать-те путемъ некому, — говорила Варвара. — Охъ-техъ-те... Попросить бы кого изъ господъ, написали бы главнымъ начальникамъ.. До суда бы хоть выпустили бы! Что парня томить-то!

Она тоже была огорчена, но пополнѣла, побѣлѣла, попрежнему зажигала у себя лампадки и смотрѣла, чтобы въ домѣ все было чисто, и угощала гостей вареньемъ и яблочной пастилой. Глухой и Аксинья торговали въ лавкѣ. Затѣяли новое дѣло — кирпичный заводъ въ Бутскннѣ, и Аксинья ѣздила туда почти каждый день, въ тарантасѣ; она сама правила и при встрѣчѣ со знакомыми вытягивала шею, какъ змѣя изъ молодой ржи, и улыбалась навивно и загадочно. А Липа все играла со своимъ ребенкомъ, который родился у нея передъ постомъ. Это былъ маленькій ребеночекъ, тощенькій, жалкенькій, и было странно, что онъ кричитъ, смотреть и что его считаютъ человѣкомъ, и даже называютъ Никифоромъ. Онъ лежалъ въ люлькѣ, а Липа отходила къ двери и говорила кланяясь:

— Здравствуйте, Никифоръ Анисимычъ!

И бѣжала къ нему опрومتью, и цѣловала. Потомъ отходила къ двери, кланялась и опять:

— Здравствуйте, Никифоръ Анисимычъ!

А онъ задиралъ свои красныя ножки, и плачь у него мѣшался со смѣхомъ, какъ у плотника Елизарова.

Наконецъ былъ назначенъ судъ. Старикъ выѣхалъ дней за пять. Потомъ, слышно было, изъ села погнали мужиковъ,

вызванныхъ свидѣтелями; выѣхалъ и старый работникъ, получившій тоже повѣстку.

Судь былъ въ четвергъ. Но прошло уже воскресенье, а старикъ все не возвращался, и не было никакихъ извѣстій. Во вторникъ передъ вечеромъ Варвара сидѣла у открытаго окна и прислушивалась: не пріѣдетъ ли старикъ. Въ сосѣдней комнатѣ Липа играла со своимъ ребенкомъ. Она подбрасывала его на рукахъ и говорила въ восхищеніи:

— Ты вырастешь большо-ой, большой! Будешь ты мужикъ, вмѣстѣ на поденку пойдемъ! На поденку пойдемъ!

— Ну-у!—обидѣлась Варвара.—Какую тамъ еще поденку выдумала, глупенькая? Онъ у насъ купецъ будетъ!..

Липа запѣла тихо, но, немного погодя, забылась и опять:

— Вырастешь большо-ой, большой, мужикъ будешь, вмѣстѣ на поденку пойдемъ!

— Ну-у! Заладила!

Липа съ Никифоромъ на рукахъ остановилась въ дверяхъ и спросила:

— Маменька, отчего я его такъ люблю? Отчего я его жалѣю такъ?—продолжала она дрогнувшимъ голосомъ, и глаза у нея заблестѣли отъ слезъ.—Кто онъ? Какой онъ изъ себѣ? Легкій, какъ перышко, какъ крошечка, а люблю его, люблю, какъ настоящаго человѣка. Вотъ онъ ничего не можетъ, не говоритъ, а я все понимаю, чего онъ своими глазочками желаетъ.

Варвара прислушалась: донесся шумъ вечерняго поѣзда, подходившаго къ станціи. Не пріѣхалъ ли старикъ? Она ужъ не слышала и не понимала, о чемъ говоритъ Липа, не помнила, какъ шло время, а только дрожала вся, и это не отъ страха, а отъ сильнаго любопытства. Она видѣла, какъ прокатила телѣга быстро, съ грохотомъ, полная мужиковъ. Это ѣхали со станціи возвратившіеся свидѣтели. Съ телѣги, когда она катила мимо лавки, спрыгнулъ старый работникъ и пошелъ во дворъ. Слышно было, какъ съ нимъ во дворѣ поздоровались, спросили его о чемъ-то...

— Рѣшеніе правъ и всего состоянія, — громко сказала онъ:—и въ Сибирь, въ каторжную работу на шесть лѣтъ.

Видно было, какъ изъ лавочки чернымъ ходомъ вышла Аксинья; она только-что отпускала керосинъ, и въ одной рукѣ держала бутылку, въ другой—лейку, и во рту у нея были серебряныя деньги.

— А папаша гдѣ?—спросила она, шепелявя.

— На станціи,—отвѣтилъ работникъ.—«Ужо, говоритъ, будетъ потемнѣй, тогда прїѣду».

И когда во дворѣ стало извѣстно, что Анисимъ осужденъ въ каторжныя работы, кухарка въ кухнѣ вдругъ заголо-сила, какъ по покойникѣ, думая, что этого требуетъ при-личіе:

— И на кого ты насъ покинулъ, Анисимъ Григорьичъ, соколикъ ясный...

Залаяли встревоженныя собаки. Варвара подбѣжала къ окошку и, заметавшись въ тоскѣ, стала кричать кухаркѣ, изо всей силы напругая голосъ:

— Бу-удеть тебѣ, Степанида, бу-удеть! Не томи, Христа ради!

Забыли поставить самоваръ, уже не соображали ни о чемъ. Только одна Липа никакъ не могла понять, въ чемъ дѣло, и продолжала носиться съ ребенкомъ.

Когда прїѣхалъ старикъ со станціи, то его ужъ ни о чемъ не спрашивали. Онъ поздоровался, потомъ прошелся по всѣмъ комнатамъ молча; не ужиналъ.

— Похлопотать-те некому...—начала Варвара, когда они остались вдвоемъ.—Говорила я, чтобъ господь попросить,— не послушали тогда... Прощеніе бы...

— Хлопоталъ я!—сказалъ старикъ и махнулъ рукой.— Какъ Анисима осудили, я къ тому барину, что его защищаль. «Ничего, говоритъ, теперь нельзя, поздно». И самъ Анисимъ такъ говоритъ: поздно. А все жъ я, какъ вышелъ изъ суда, одного адвоката договорилъ; задатокъ ему далъ... Погожу еще недѣлку, а тамъ опять поѣду. Что Богъ дастъ.

Старикъ опять молча прошелся по всѣмъ комнатамъ и, когда вернулся къ Варварѣ, то сказалъ:

— Должно, нездоровъ я. Въ головѣ того... туманится. Мысли мутятся.

Онъ затворилъ дверь, чтобы не услышала Липа, и продолжалъ тихо:

— Съ деньгами у меня нехорошо. Помнишь, Анисимъ передъ свадьбой на Фоминой привезъ мнѣ новыхъ рублей и полтинниковъ? Сверточекъ-то одинъ я тогда спрягалъ, а прочіе какіе я смѣшалъ со своими... И когда-то, царствіе небесное, живъ былъ дядя мой, Дмитрій Филатычъ, все бывало за товаромъ ѣздилъ то въ Москву, то въ Крымъ.

Была у него жена, и эта самая жена, пока онъ, значить, за товаромъ ѣздилъ, съ другими гуляла. Шестеро дѣтей было. И вотъ, бывало, дяденька, какъ выпьетъ, то смѣется: «Пикактъ, говоритъ, я не разберу, гдѣ тутъ мои дѣти, а гдѣ чужія». Легкій характеръ, значить. Такъ и я теперь не разберу, какія у меня деньги настоящія и какія фальшивыя. И кажется, что онѣ всѣ фальшивыя.

— Ну, вотъ, Богъ съ тобой!

— Покупаю на вокзалѣ билетъ, даю три рубля, и думается мнѣ, будто они фальшивыя. И страшно мнѣ. Должно, нездоровь.

— Что говорить, всѣ подъ Богомъ ходимъ... Охъ-техъ-те...—проговорила Варвара и покачала головой.—Надо бѣ объ этомъ подумать бы, Петровичъ... Неровень часть, что случится, человекъ ты не молодой. Помрешь, и гляди, безъ тебя бѣ внучка не обидѣли. Ой, боюсь, обидятъ они Никифора, обидятъ! Отца, считай такъ, уже нѣтъ, мать молодая, глупая... Записалъ бы ты на него, на мальчишку-то, хоть землю, Бутѣкино-то это, Петровичъ, право! Подумай!—продолжала убѣждать Варвара.—Мальчикъ-то хорошенькій, жалко! Вотъ завтра поѣзжай и напиши бумагу. Чего ждать?

— А я забылъ про внучка-то... — сказала Цыбукинъ.—Надо поздороваться. Такъ ты говоришь: мальчикъ ничего? Ну, что жъ, пускай растетъ. Дай Богъ!

Онъ отворилъ дверь и согнутымъ пальцемъ поманилъ къ себѣ Липу. Она подошла къ нему съ ребенкомъ на рукахъ.

— Ты, Липынька, если что нужно, спрашивай,—сказалъ онъ.—И что захочешь, кушай, мы не жалѣемъ, была бы здорова...—Онъ перекрестилъ ребенка.—И внучка береги. Сына нѣтъ, такъ внучекъ остался.

Слезы потекли у него по щекамъ; онъ всхлинулъ и отошелъ. Немного погодя онъ легъ спать и уснулъ крѣпко, послѣ семи бессонныхъ ночей.

VII.

Старикъ уѣзжалъ не надолго въ городъ. Кто-то рассказъ Аксиньѣ, что онъ ѣздилъ къ нотаріусу, чтобы писать завѣщаніе, и что Бутѣкино, то самое, на которомъ она жгла льпичъ, онъ завѣщалъ внуку Никифору. Объ этомъ ей сообщили утромъ, когда старикъ и Варвара сидѣли

около крыльца подъ березой и пили чай. Она заперла лавку съ улицы и со двора, собрала все ключи, какіе у нея были, и швырнула ихъ къ ногамъ старика.

— Не стану я больше работать на васъ!— крикнула она громко и вдругъ зарыдала. —Выходитеъ, я у васъ не невѣстка, а работница! Весь народъ смѣется: «Гляди, говорятъ, Цыбукины какую себя работницу нашли!» Я у васъ не нанималась! Я не нищая, не хамка какая, есть у меня отецъ и мать.

Она, не утирая слезъ, устремила на старика глаза, залитые слезами, злобные, косые отъ гнѣва; лицо и шея у нея были красны и напряжены, такъ какъ кричала она изо всей силы.

— Не желаю я больше служить! — продолжала она. — Замучилась! Какъ работа, какъ въ лавкѣ сидѣть день-деньской, по ночамъ шмыгать за водкой — такъ это мнѣ, а какъ землю дарить,—такъ это каторжанкѣ съ ея чертенкомъ! Она тутъ хозяйка, барыня, а я у ней прислуга! Все отдайте ей, арестанткѣ, пусть подавится, я уйду домой! Найдите себя другую дуру, природы окаянные!

Старикъ ни разу въ жизни не бранилъ и не наказывалъ дѣтей и не допускалъ даже мысли, чтобы кто-нибудь изъ семейства могъ говорить ему грубыя слова или держать себя непочтительно; и теперь онъ очень испугался, побѣжалъ въ домъ и спрятался тамъ за шкафомъ. А Варвара такъ оторопѣла, что не могла подняться съ мѣста, а только отмахивалась обѣими руками, точно оборонялась отъ пчелы.

— Ой, что жъ это, батюшки? — бормотала она въ ужасѣ. — Что жъ это она кричитъ? Охъ-техъ-те... Народъ-то услышитъ! Потихе бы... Ой, потихе бы!

— Отдали каторжанкѣ Бутѣкино,—продолжала Аксинья кричать: — отдайте ей теперь все, — мнѣ отъ васъ ничего не надо! Провались вы! Все вы тутъ одна шайка! Наглядѣлась я, будетъ съ меня! Грабили и прохожихъ, и профзжихъ, разбойники, грабили старого и малаго! А кто водку продавалъ безъ патента? А фальшивыя деньги? Поиабрили себя сундуки фальшивыми деньгами—и теперь ужъ я не нужна стала!

Около настежь открытыхъ воротъ уже собралась толпа и смотрѣла во дворъ.

— Пускай народъ глядитъ!—кричала Аксинья.—Я васъ

осрамлю! Вы у меня сторите со срама! Вы у меня въ ногахъ наваяетесь! Эй, Степанъ!—позвала она глухого.— Поѣдемъ въ одну минуту домой! Къ моему отцу, къ матери поѣдемъ, съ арестантами я не хочу жить! Собирайся!

Во дворѣ на протянутыхъ веревкахъ висѣло бѣлье; она срывала свои юбки и кофточки, еще мокрая, и бросала ихъ на руки глухому. Потомъ, разъяренная, она металась по двору около бѣлья, срывала все, и то, что было не ея, бросала на землю и топтала.

— Ой, батюшки, уймите ее! — стонала Варвара. — Что же она такое? Отдайте ей Бутѣкино, отдайте ради Христа Небеснаго!

— Ну, ба-а-ба!—говорили у воротъ.— Вотъ такъ ба-а-ба! Расходилась—страсть!

Аксинья воѣжала въ кухню, гдѣ въ это время была стирка. Стирала одна Липа, а кухарка пошла на рѣку полоскать бѣлье. Отъ корыта и котла около плиты шелъ паръ, и въ кухнѣ было душно и тускло отъ тумана. На полу была еще куча невытаго бѣлья, и около него на скамьѣ, задирая свои красныя ножки, лежалъ Никифоръ, такъ что, если бы онъ упалъ, то не ушибся бы. Какъ разъ, когда Аксинья вошла, Липа вынула изъ кучи ея сорочку и положила въ корыто, и уже протянула руку къ большому ковшу съ кипяткомъ, который стоялъ на столѣ...

— Отдай сюда!—проговорила Аксинья, глядя на нее съ ненавистью, и выхватила изъ корыта сорочку. — Не твое это дѣло мое бѣлье трогать! Ты арестантка и должна знать свое мѣсто, кто ты есть!

Липа глядѣла на нее, оторопѣвъ, и не понимала, но вдругъ уловила взглядъ, какой та бросила на ребенка, и вдругъ поняла, и вся помертвѣла...

— Взяла мою землю, такъ вотъ же тебѣ!

Сказавши это, Аксинья схватила ковшъ съ кипяткомъ и плеснула на Никифора.

Послѣ этого послышался крикъ, какого еще никогда не слышали въ Уклеевѣ, и не вѣрилось, что небольшое, слабое существо, какъ Липа, можетъ кричать такъ. И на дворѣ вдругъ стало тихо. Аксинья прошла въ домъ, молча, со своей прежней наивной улыбкой... Глухой все ходилъ по двору, держа въ охапкѣ бѣлье, потомъ сталъ развѣшивать его опять, молча, не спѣша. И пока не вернулась кухарка

съ рѣки, никто не рѣшался войти въ кухню и взглянуть, что тамъ.

VIII.

Никифора свезли въ земскую больницу и къ вечеру онъ умеръ тамъ. Липа не стала дожидаться, когда за ней придутъ, а завернула покойника въ одѣяльце и понесла домой.

Больница, новая, недавно построенная, съ большими окнами, стояла высоко на горѣ; она вся свѣтилась отъ заходившаго солнца, и, казалось, горѣла внутри. Внизу былъ поселокъ. Липа скустилась по дорогѣ и, не доходя до поселка, сѣла у маленькаго пруда. Какая-то женщина привела лошадь поить и лошадь не пила.

— Чего же тебѣ еще? — говорила женщина тихо, въ недоумѣннн.—Чего же тебѣ?

Мальчикъ въ красной рубахѣ, сидя у самой воды, мылъ отцовскіе сапоги. И больше ни души не было видно ни въ поселкѣ, ни на горѣ.

— Не пьеть...—сказала Липа, глядя на лошадь.

Но вотъ женщина и мальчикъ съ сапогами ушли, и уже никого не было видно. Солнце легло спать и укрылось багряной золотой парчой, и длинныя облака, красныя и лиловыя, сторожили его покой, протянувшись по небу. Гдѣ-то далеко, неизвѣстно гдѣ, кричала вынь, точно корова, запертая въ сараѣ, заунывно и глухо. Крикъ этой таинственной птицы слышали каждую весну, но не знали, какая она и гдѣ живетъ. Наверху въ больницѣ, у самаго пруда въ кустахъ, за поселкомъ и кругомъ въ полѣ заливались соловьи. Чьи-то года считала кукушка и все сбивалась со счета, и опять начинала. Въ прудѣ сердито, надрываясь, перекликались лягушки, и даже можно было разобрать слова: «И ты такова! И ты такова!» Какой былъ шумъ! Казалось, что всѣ эти твари кричали и пѣли нарочно, чтобы никто не спалъ въ этотъ весенній вечеръ, чтобы всѣ, даже сердитыя лягушки, дорожили и наслаждались каждой минутой: вѣдь жизнь дается только одинъ разъ!

На небѣ свѣтиль серебряный полумѣсяцъ, было много звѣздъ. Липа не помнила, какъ долго она сидѣла у пруда, но когда встала и пошла, то въ поселкѣ всѣ уже спали и не было ни одного огня. До дома было, вѣроятно, верстѣ

двѣнадцать, но силъ не хватало, не было соображенія, какъ идти: мѣсяцъ блестѣлъ то спереди, то справа, и кричала все та же кукушка, уже осипшимъ голосомъ, со смѣхомъ, точно дразнила: ой, гляди, собьешься съ дороги! Липа шла быстро, потеряла съ головы платокъ... Она глядѣла на небо и думала о томъ, гдѣ теперь душа ея мальчика: идетъ ли слѣдомъ за ней, или носится тамъ вверху, около звѣздъ, и уже не думаетъ о своей матери? О, какъ одиноко въ полѣ ночью, среди этого пѣнія, когда самъ не можешь пѣть, среди непрерывныхъ криковъ радости, когда самъ не можешь радоваться, когда съ неба смотреть мѣсяцъ, тоже одинокій, которому все равно—весна теперь или зима, живы люди или мертвы... Когда на душѣ горе, то тяжело безъ людей. Если бы съ ней была мать, Прасковья, или Костыль, или кухарка, или какой-нибудь мужикъ!

— Бу-у!—кричала выпь.—Бу-у!

И вдругъ ясно послышалась человѣческая рѣчь:

— Запрягай, Вавила!

Впереди, у самой дороги, горѣлъ костеръ; пламени уже не было, свѣтились одни красивые уголья. Слышно было, какъ жевали лошади. Въ потемкахъ обозначились двѣ подводы,—одна съ бочкой, другая пониже, съ мѣшками, и два человѣка: одинъ велъ лошадь, чтобы запрягать, другой стоялъ около костра неподвижно, заложивъ назадъ руки. Заворчала около подводы собака. Тотъ, который велъ лошадь, остановился и сказалъ:

— Словно кто идетъ по дорогѣ.

— Шарикъ, молчи!—крикнулъ другой на собаку.

И по голосу можно было понять, что этотъ другой былъ старикъ. Липа остановилась и сказала:

— Богъ въ помощь!

Старикъ подошелъ къ ней и отвѣтилъ не сразу:

— Здравствуй!

— Ваша собачка не порветъ, дѣдушка?

— Ничего, иди. Не тронетъ.

— Я въ больницѣ была, — сказала Липа, помолчавъ.— Сыночекъ у меня тамъ померъ. Вотъ домоѣ песу.

Должно-быть, старику было неприятно слышать это, потому что онъ отошелъ и проговорилъ торопливо:

— Это ничего. милая. Божья воля. Копаешься, парень!—сказалъ онъ, обернувшись къ спутнику.—Ты бы поживѣй.

— Твоей дуги нѣту,—сказалъ парень.—Не видать.

— Прямой ты Вавила.

Старикъ поднялъ уголекъ, раздулъ — освѣтились только его глаза и носъ, потомъ, когда отыскали дугу, подошелъ съ огнемъ къ Липѣ и взглянулъ на нее; и взглядъ его выражалъ состраданіе и нѣжность.

— Ты мать,—сказалъ онъ. — Всякой матери свое дитѣ жалко.

И при этомъ вздохнулъ и покачалъ головой. Вавила бросилъ что-то на огонь, притопталъ—и тотчасъ же стало очень темно; видѣніе исчезло, и попрежнему было только поле, небо со звѣздами, да шумѣли птицы, мѣшая другъ другу спать. И коростель кричалъ, казалось, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ костеръ.

Но прошла минута, и опять были видны и подводы, и старикъ, и длинный Вавила. Телѣги скрипѣли, выѣзжая на дорогу.

— Вы святые?—спросила Липа у старика.

— Нѣтъ. Мы изъ Фирсанова.

— Ты давеча взглянулъ на меня, а сердце мое помягчилось. И парень тихій. Я и подумала: это, должно, святые.

— Тебѣ далече ли?

— Въ Уклеево.

— Садись, подвеземъ до Кузьменокъ. Тебѣ тамъ прямо, намъ влѣво.

Вавила сѣлъ на подводу съ бочкой, старикъ и Липа сѣли на другую. Поѣхали шагомъ, Вавила впереди.

— Мой сыночекъ весь день мучился,—сказала Липа.— Глядитъ своими глазочками и молчитъ, и хочетъ сказать и не можетъ. Господи батюшка, Царица Небесная! Я съ горя такъ все и падала на полъ. Стою и упаду возлѣ кровати. И скажи мнѣ, дѣдушка, зачѣмъ маленькому передъ смертью мучиться? Когда мучается большой человѣкъ, мужикъ или женщина, то грѣхи прощаются, а зачѣмъ маленькому, когда у него нѣтъ грѣховъ? Зачѣмъ?

— А кто жъ его знаетъ!—отвѣтилъ старикъ.

Проѣхали съ полчаса молча.

— Всего знать нельзя, зачѣмъ да какъ, — сказалъ старикъ.— Птицѣ положено не четыре крыла, а два, потому что и на двухъ летѣть способно; такъ и человѣку положено

знать не все, а только половину или четверть. Сколько надо ему знать, чтоб прожить, столько и знает.

— Миѣ, дѣдушка, идти пѣшкомъ легче. А теиерь сердце трясется.

— Ничего. Сиди.

Старикъ зѣвнуль и перекрестилъ ротъ.

— Ничего...—повторилъ онъ.—Твое горе съ полъ-горя. Жизнь долгая,—будеть еще и хорошаго, и дурного, всего будетъ. Велика матушка Россія!—сказалъ онъ и поглядѣлъ въ обѣ стороны. — Я во всей Россіи былъ и все въ ней видѣлъ, и ты моему слову вѣрь, милая. Будеть и хорошее, будетъ и дурное. Я ходокомъ въ Сибирь ходилъ, и на Амурѣ былъ, и на Алтаѣ, и въ Сибирь переселился, землю тамъ пахалъ, соскучился потомъ по матушкѣ Россіи и назадъ вернулся въ родную деревню. Назадъ въ Россію пѣшкомъ шли; и помню, плывемъ мы на паромѣ, а я худой-худой, рванный весь, босой, озябъ, сосу корку, а проѣзжіи господниъ тутъ какой-то на паромѣ,—если померъ, то царство ему небесное,—глядитъ на меня жалостно, слезы текутъ. «Эхъ, говорить, хлѣбъ твой черный, дни твои черные...» А домой приѣхалъ, какъ говорится, ни кола, ни двора; баба была, да въ Сибири осталась, законали. Такъ, въ батракахъ живу. А что жъ? Скажу тебѣ: потомъ было и дурное, было и хорошее. Вотъ и помирать не хочется, милая, еще бы годочковъ двадцать пожилъ; значить, хорошаго было больше. А велика матушка Россія! — сказалъ онъ и опять посмотрѣлъ въ стороны и оглянулся.

— Дѣдушка,—спросила Липа:—когда человекъ помереть, то сколько дней его душа потомъ по землѣ ходитъ?

— А кто жъ его знаетъ! Вотъ спросимъ Вавилу, — онъ въ школу ходилъ. Теиерь всему учать. Вавила! — по-звалъ старикъ.

— А!

— Вавила, какъ человекъ помереть, сколько дней его душа по землѣ ходитъ?

Вавила остановилъ лошадь и тогда ужъ отвѣтилъ:

— Девять дѣнь. Мой дядя Кирилла померъ, такъ его душа въ избѣ нашей жила потомъ тринадцать дѣнь.

— Почему ты знаешь?

— Тринадцать дѣнь въ печкѣ стучало.

— Ну, ладно. Трогай,—сказаль старикъ, и видно было, что ничему этому онъ не вѣрилъ.

Около Кузьменокъ подводы свернули на шоссе, а Липа пошла дальше. Уже свѣтало. Когда она спускалась въ оврагъ, то уклевскія избы и церковь прятались въ туманѣ. Было холодно, и казалось ей, что кричитъ все та же кукушка.

Когда Липа вернулась домой, то скотины еще не выгоняли; всѣ спали. Она сидѣла на крыльцѣ и ждала. Первый вышелъ старикъ; онъ сразу, съ перваго взгляда понялъ, что произошло, и долго не могъ выговорить ни слова и только чмокалъ губами.

— Эхъ, Липа, — проговорилъ онъ: — не уберегла ты внучка...

Разбудили Варвару. Она всплеснула руками и зарыдала и тотчасъ же стала убирать ребенка.

— И мальчикъ-то былъ хорошенечкій...—приговаривала она. — Охъ-техъ-те... Одинъ былъ мальчикъ, и того не уберегла, глушенькая...

Служили панихиду утромъ и вечеромъ. На другой день хоронили, и послѣ похоронъ гости и духовенство ѣли много и съ такою жадностью, какъ будто давно не ѣли. Липа прислуживала за столомъ, и батюшка, поднявъ вилку, на которой былъ соленый рыжикъ, сказаль ей:

— Не горюйте о младенцѣ. Таковыхъ есть царствіе небесное.

И только, когда всѣ разошлись, Липа поняла, какъ слѣдуетъ, что Никифора уже нѣтъ и не будетъ, поняла и зарыдала. И она не знала, въ какую комнату идти ей, чтобы рыдать, такъ какъ чувствовала, что въ этомъ домѣ послѣ смерти мальчика ей уже нѣтъ мѣста, что она тутъ не при чемъ, лишняя; и другіе это тоже чувствовали.

— Ну, что голосишь тамъ?—крикнула вдругъ Аксинья, показываясь въ дверяхъ; по случаю похоронъ она была одѣта во все новое и напудрилась.—Замолчи!

Липа хотѣла перестать, но не могла, и зарыдала еще громче.

— Слышишь?—крикнула Аксинья и въ сильномъ гнѣвѣ топнула ногой. — Кому говорю? Пошла вонъ со двора, и чтобъ ноги твоей тутъ не было, каторжанка! Вонъ!

— Ну, ну, ну!.. — засуетился старикъ. — Аксюта,

угомонись, матушка... Плачешь, понятное дѣло... дитѣ померло...

— Понятное дѣло...—передразнила его Аксинья.—Пускай переночуетъ, а завтра чтобы и духу ея тутъ не было! Понятное дѣло!..—передразнила она еще разъ и, засмѣявшись, направилась въ лавку.

На другой день рано утромъ Лина ушла въ Торгуево къ матери.

IX.

Въ настоящее время крыша на лавкѣ и дверь выкрашены и блестятъ какъ новыя, на окнахъ попрежнему цвѣтеть веселенькая герань, и то, что происходило три года назадъ въ домѣ и во дворѣ Цыбукина, уже почти забыто.

Хозяиномъ считается, какъ и тогда, старикъ Григорій Петровичъ, на самомъ же дѣлѣ все перешло въ руки Аксиньи; она и продаетъ, и покупаетъ, и безъ ея согласія ничего нельзя сдѣлать. Кирпичный заводъ работаетъ хорошо; оттого, что требуютъ кирпичъ на желѣзную дорогу, цѣна его дошла до двадцати четырехъ рублей за тысячу; бабы и дѣвки возятъ на станцію кирпичъ и нагружаютъ вагоны и получаютъ за это по четвертаку въ день.

Аксинья вошла въ долю съ Хрымиными, и ихъ фабрика теперь называется такъ: «Хрымины Младшіе и К^о». Открыли около станціи трактиръ, и уже играютъ на дорогой гармоникѣ не на фабрикѣ, а въ этомъ трактирѣ, и сюда часто ходитъ начальникъ почтоваго отдѣленія, который тоже завелъ какую-то торговлю, и начальникъ станціи тоже. Глухому Степану Хрымины Младшіе подарили золотые часы, и онъ то и дѣло вынимаетъ ихъ изъ кармана и подносить къ уху.

Въ селѣ говорятъ про Аксинью, что она забрала большую силу; и правда, когда она утромъ ѣдетъ къ себѣ на заводъ, съ наивной улыбкой, красивая, счастливая, и когда потомъ распоряжается на заводѣ, то чувствуется въ ней большая сила. Ее всѣ боятся и дома, и въ селѣ, и на заводѣ. Когда она приходитъ на почту, то начальникъ почтоваго отдѣленія вскакиваетъ и говоритъ ей:

— Покорнѣйше прошу садиться, Ксенія Абрамовна!

Одинъ помѣщикъ, щеголь, въ поддевкѣ изъ тонкаго сукна и въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ, уже пожилой,

какъ-то, продавая ей лошадь, такъ увлекся разговоромъ съ ней, что уступилъ ей, сколько она пожелала. Онъ долго держалъ ее за руку и, глядя ей въ ея веселые, лукавые, наивные глаза, говорилъ:

— Для такой женщины, какъ вы, Ксенія Абрамовна, я готовъ сдѣлать всякое удовольствіе. Только скажите, когда мы можемъ увидѣться, чтобы намъ никто не помѣшалъ?

— Да когда вамъ угодно!

И послѣ этого пожилой щеголь заѣзжаетъ въ лавочку почти каждый день, чтобы выпить пива. А пиво ужасное, горькое какъ полынь. Помѣщикъ мотааетъ головой, но пьетъ.

Старикъ Цыбукинъ уже не вмѣшивается въ дѣла. Онъ не держитъ при себѣ денегъ, потому что никакъ не можетъ отличить настоящихъ отъ фальшивыхъ, но молчитъ, никому не говоритъ объ этой своей слабости. Онъ сталъ какъ-то забывчивъ, и если не дать ему поѣсть, то самъ онъ не спроситъ; уже привыкли обѣдать безъ него и Варвара часто говоритъ:

— А намъ вчера съ опять легъ не ѣвши.

И говоритъ равнодушно, потому что привыкла. Почему-то и лѣтомъ, и зимой одинаково онъ ходитъ въ шубѣ и только въ очень жаркіе дни не выходитъ, сидитъ дома. Обыкновенно, надѣвши шубу и поднявъ воротникъ, запахнувшись, онъ гуляетъ по деревнѣ, по дорогѣ на станцію, или сидитъ съ утра до вечера на лавочкѣ около церковныхъ воротъ. Сидитъ и не пошевеливается. Прохожіе кланяются ему, но онъ не отвѣчаетъ, такъ какъ попрежнему не любитъ мужиковъ. Когда его спрашиваютъ о чемъ-нибудь, то онъ отвѣчаетъ вполне разумно и вѣжливо, но кратко

Въ селѣ идутъ разговоры, будто невѣстка выгнала его изъ собственнаго дома и не даетъ ему ѣсть, и будто онъ кормится подаянїями; одни рады, другіе жалѣютъ.

Варвара еще больше пополнила и побѣлѣла, и попрежнему творить добрыя дѣла, и Аксинья не мѣшаетъ ей. Варенья теперь такъ много, что его не успѣваютъ съѣдать до новыхъ ягодъ; оно засахаривается, и Варвара чуть не плачетъ, не зная, что съ нимъ дѣлать.

Объ Анисимѣ стали забывать. Какъ-то пришло отъ него письмо, написанное въ стихахъ, на большомъ листѣ бумаги въ видѣ прошенія, все тѣмъ же великолѣпнымъ почеркомъ.

Очевидно, и его другъ Самородовъ отбывалъ съ нимъ вмѣстѣ наказаніе. Подъ стихами была написана некрасивымъ, едва разборчивымъ почеркомъ одна строчка: «Я все болѣю тутъ, мнѣ тяжело, помогите ради Христа».

Однажды—это было въ ясный осенній день, передъ вечеромъ—старикъ Цыбукинъ сидѣлъ около церковныхъ воротъ, поднявъ воротникъ своей шубы, и виденъ былъ только его носъ и козырекъ отъ фуражки. На другомъ концѣ длинной лавки сидѣлъ подрядчикъ Елизаровъ и рядомъ съ нимъ школьный сторожъ Яковъ, старикъ лѣтъ семидесяти, безъ зубовъ. Костыль и сторожъ разговаривали.

— Дѣти должны кормить стариковъ, поить... чти отца твоего и мать, — говорилъ Яковъ съ раздраженіемъ: — а она, невѣстка-то, выгнала свекра изъ цобственного дома. Старику ни поѣсть, ни поить—куда поидеть? Третій день не ѣвши.

— Третій день!—удивился Костыль.

— Вотъ такъ сидитъ, все молчитъ. Ослабъ. А чего молчать? Подать въ судъ,—ее бъ въ судъ не похвалили.

— Кого въ судъ хвалили?—спросилъ Костыль не слышавъ.

— Чего?

— Баба ничего, старательная. Въ ихнемъ дѣлѣ безъ этого нельзя... безъ грѣха то-есть...

— Изъ цобственного дома,—продолжалъ Яковъ съ раздраженіемъ.—Наживи свой домъ, тогда и гони. Эка, нашлась какая, подумаешь! Я-аз-ва!

Цыбукинъ слушалъ и не шевелился.

— Собственный домъ, или чужой, все равно, лишь бы тепло было, да бабы не ругались... — сказалъ Костыль и засмѣялся. — Когда въ молодыхъ лѣтахъ былъ, я очень свою Настасью жалѣлъ. Бабочка была тихая. И бывало все: «Купи, Макарычъ, домъ! Купи, Макарычъ, домъ! Купи, Макарычъ, лошадь!» Умирала, а все говорила: «Купи, Макарычъ, себѣ дрожки бѣгунцы, чтобъ пѣши не ходить». А я только пряники ей покупалъ, больше ничего.

— Мужъ-то глухой, глушій, — продолжалъ Яковъ, не слупая Костыля: — такъ дуракъ-дуракомъ, все равно, что гусь. Нешто онъ можетъ понимать? Ударь гуся по головѣ палкой—и то не пойметъ.

Костыль всталъ, чтобы идти домой на фабрику. Яковъ

тоже всталъ, и оба пошли вмѣстѣ, продолжая разговаривать. Когда они отошли шаговъ на пятьдесятъ, старикъ Цыбукинъ тоже всталъ и пошелъ за ними, ступая нерѣшительно, точно по скользкому льду.

Село уже тонуло въ вечернихъ сумеркахъ и солнце блестѣло только вверху на дорогѣ, которая змѣй бѣжала по скату снизу вверху. Возвращались старухи изъ лѣса и съ ними ребята; несли корзины съ волнушками и груздями. Шли бабы и дѣвки толпой со станціи, гдѣ онѣ нагружали вагоны кирпичомъ, и носы и щеки подъ глазами у нихъ были покрыты красной кирпичной пылью. Онѣ иѣли. Впереди всѣхъ шла Липа и пѣла тонкимъ голосомъ, и заливалась, глядя вверху на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава Богу, кончился и можно отдохнуть. Въ толпѣ была ея мать, поденщица Прасковья, которая шла съ узелкомъ въ рукѣ и, какъ всегда, тяжело дышала.

— Здравствуй, Макарычъ! — сказала Липа, увидѣвъ Костыля.—Здравствуй, голубчикъ!

— Здравствуй, Липынька!—обрадовался Костыль.—Бабочки, дѣвочки, полюбите богатаго плотника! Хо-хо! Дѣточки мои, дѣточки (Костыль всхлипнулъ). Топорики мои любезные.

Костыль и Яковъ прошли дальше, и было слышно, какъ они разговаривали. Вотъ послѣ нихъ встрѣтился толпѣ старикъ Цыбукинъ, и стало вдругъ тихо, тихо. Липа и Прасковья немножко отстали и, когда старикъ поровнялся съ ними, Липа поклонилась низко и сказала:

— Здравствуйте, Григорій Петровичъ!

И мать тоже поклонилась. Старикъ остановился и, ничего не говоря, смотрѣлъ на обѣихъ; губы у него дрожали и глаза были полны слезъ. Липа достала изъ узелка у матери кусокъ пирога съ кашей и подала ему. Онъ взялъ и сталъ ѣсть.

Солнце уже совсѣмъ зашло; блескъ его погасъ и вверху на дорогѣ. Становилось темно и прохладно. Липа и Прасковья пошли дальше и долго потомъ крестились.

НА СВЯТКАХЪ.

I.

— Что писать?—спросилъ Егоръ и умокнулъ перо.

Василиса не видѣлась со своею дочерью уже четыре года. Дочь Ефимья послѣ свадьбы уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ, прислала два письма и потѣмъ какъ въ воду канула; ни слуху, ни духу. И доила ли старуха корову на разсвѣтѣ, топила ли печку, дремала ли ночью—и все думала объ одномъ: какъ-то тамъ Ефимья, жива ли. Надо бы послать письмо, но старикъ писать не умѣлъ, а попросить было некого.

Но вотъ пришли святки и Василиса не вытерпѣла и пошла въ трактиръ къ Егору, хозяйкиному брату, который, какъ пришелъ со службы, такъ и сидѣлъ все дома, въ трактирѣ и ничего не дѣлалъ; про него говорили, что онъ можетъ хорошо писать письма, ежели ему заплатитъ, какъ слѣдуетъ. Василиса поговорила въ трактирѣ съ кухаркой, потомъ съ хозяйкой, потомъ съ самимъ Егоромъ. Сошлись на нятиалтынномъ.

И теперь—это происходило на второй день праздника въ трактирѣ, въ кухнѣ—Егоръ сидѣлъ за столомъ и держалъ перо въ рукѣ. Василиса стояла передъ нимъ, задумавшись, съ выраженіемъ заботы и скорби на лицѣ. Съ нею пришелъ и Петръ, ея старикъ, очень худой, высокій, съ коричневой лысиной; онъ стоялъ и глядѣлъ неподвижно и прямо, какъ слѣпой. На плитѣ въ кастрюлѣ жарилась свинина; она шипѣла и фыркала, и какъ будто даже говорила: «флю-флю-флю». Было душно.

— Что писать?—спросилъ опять Егоръ.

— Черо!—сказала Василиса, глядя на него сердито и подозрительно.— Не гони! Небось, не задаромъ пишешь,

за деньги! Ну, пиши. Любезному нашему зятю Андрею Хрисанфичу и единственной нашей любимой дочери Ефимьѣ Петровнѣ съ любовью низкій поклонъ и благословеніе родительское навѣки нерушимо.

— Есть. Стрѣляй дальше.

— А еще поздравляемъ съ праздникомъ Рождества Христова, мы живы и здоровы, чего и вамъ желаемъ отъ Господа... Царя Небеснаго.

Василиса подумала и переглянулась со старикомъ.

— Чего и вамъ желаемъ отъ Господа... Царя Небеснаго...—повторила она и заплакала.

Больше ничего она не могла сказать. А раньше, когда она по ночамъ думала, то ей казалось, что всего не помѣстить и въ десяти письмахъ. Съ того времени, какъ уѣхали дочь съ мужемъ, утекло въ море много воды, старики жили, какъ сироты, и тяжело вздыхали по ночамъ, точно похоронили дочь. А сколько за это время было въ деревнѣ всякихъ происшествій, сколько свадебъ, смертей. Какія были длинныя зимы! Какія длинныя ночи!

— Жарко!—проговорилъ Егоръ, разстегивая жилетъ.— Должно, градусовъ семьдесятъ будить. Что же еще?—спросилъ онъ.

Старики молчали.

— Чѣмъ твой зять тамъ занимается?—спросилъ Егоръ.

— Онъ изъ солдатъ, батюшка, тебѣ извѣстно,—отвѣтилъ слабымъ голосомъ старикъ.—Въ одно время съ тобой со службы пришелъ. Былъ солдатъ, а теперь, значить, въ Петербургѣ въ водоцѣлебномъ заведеніи. Докторъ больныхъ водой пользуется. Такъ онъ, значить, у доктора въ швейцарахъ.

— Вотъ тутъ написано...—сказала старуха, вынимая изъ платочка письмо.—Отъ Ефимьи получили, еще Богъ знаетъ когда. Можетъ, ихъ ужъ и на свѣтъ нѣтъ.

Егоръ подумалъ немного и сталъ быстро писать.

«Въ настоящее время, писалъ онъ, какъ судьба ваша черезъ себѣ определила на Военное Попрыще, то мы Вамъ советуемъ заглянуть въ Уставъ Дисциплинарныхъ Взысканій и Уголовныхъ Законовъ Военнаго Ведомства, и Вы усмотрите въ ономъ Законе цивилизацію Чиновъ Военнаго Ведомства».

Онъ писалъ и прочитывалъ вслухъ написанное, а Васи-

лиса соображала о томъ, что надо бы написать, какая въ прошломъ году была нужда, не хватило хлѣба даже до святокъ, пришлось продать корову. Надо бы попросить денегъ, надо бы написать, что старикъ часто похварываетъ и скоро, должно-быть, отдасть Богу душу... Но какъ выразить это на словахъ? Что сказать прежде и что послѣ?

«Обратите вниманіе, — продолжалъ Егоръ писать: — въ 5 томѣ Военныхъ Постановленій. Солдатъ есть Имя общіе, Знаменитое. Солдатомъ называется Первѣйшій Генераль и последней Рядовой...»

Старикъ пошевелилъ губами и сказалъ тихо:

— Внучать поглядѣть, оно бы ничего.

— Какихъ внучать? — спросила старуха и поглядѣла на него сердито. — Да можетъ ихъ и нѣту!

— Внучать-то? А можетъ, и есть. Кто ихъ знаетъ!

«И поэтому Вы можете судить, — торопился Егоръ: — какой есть врагъ Иноземный и какой Внутренній. Первѣйшій нашъ Внутренній Врагъ есть: Бахусъ».

Перо скрипѣло, выдѣлывая на бумагѣ завитушки, похожія на рыболовные крючки. Егоръ сѣшилъ и прочитывалъ каждую строчку по нѣскольку разъ. Онъ сидѣлъ на табуретѣ, раскинувъ широко ноги подъ столомъ, сытый, здоровый, мордатый, съ краснымъ затылкомъ. Это была сама пошлость, грубая, надменная, непобѣдимая, гордая тѣмъ, что она родилась и выросла въ трактирѣ, и Василиса хорошо понимала, что тутъ пошлость, но не могла выразить на словахъ, а только глядѣла на Егора сердито и подозрительно. Отъ его голоса, непонятныхъ словъ, отъ жара и духоты у нея разболѣлась голова, запутались мысли, и она уже ничего не говорила, не думала и ждала только, когда онъ кончитъ скрипѣть. А старикъ глядѣлъ съ полнымъ довѣріемъ. Онъ вѣрилъ и старухѣ, которая его привела сюда, и Егору; и когда упомянулъ давеча о водолѣчебномъ заведеніи, то видно было по лицу, что онъ вѣрилъ и въ заведеніе, и въ цѣлебную силу воды.

Кончивъ писать, Егоръ всталъ и прочелъ все письмо сначала. Старикъ не понималъ, но довѣрчиво закивалъ головой.

— Ничего, гладко... — сказалъ онъ: — дай Богъ здоровья. Ничего...

Положили на столъ три пятака и вышли изъ трактира;

старикъ глядѣлъ неподвижно и прямо, какъ слѣпой, и на лицѣ его было написано полное довѣріе, а Василиса, когда выходила изъ трактира, замахнулась на собаку и сказала сердито:

— У-у, язва!

Всю ночь старуха не спала, беспокоили ее мысли, а на разсвѣтъ она встала, помолилась и пошла на станцію, чтобы послать письмо.

До станціи было одиннадцать верстъ.

II.

Водолѣчица доктора Б. О. Мозельвейзера работала и на Новый годъ такъ же, какъ въ обыкновенные дни, и только на швейцарѣ Андрей Хрисанфычъ былъ мундиръ съ новыми галунами, блестяли какъ-то особенно сапоги; и всѣхъ приходившихъ онъ поздравлялъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.

Было утро. Андрей Хрисанфычъ стоялъ у двери и читалъ газету. Ровно въ десять часовъ вошелъ генералъ, знакомый, одинъ изъ обычныхъ посѣтителей, а вслѣдъ за нимъ—почтальонъ. Андрей Хрисанфычъ снялъ съ генерала шинель и сказалъ:

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, ваше превосходительство!

— Спасибо, любезный. И тебя также.

И идя вверхъ по лѣстницѣ, генералъ кивнулъ на дверь и спросилъ (онъ каждый день спрашивалъ и всякій разъ потомъ забывалъ):

— А въ этой комнатѣ что?

— Кабинетъ для массажа, ваше превосходительство!

Когда шаги генерала затихли, Андрей Хрисанфычъ осмотрѣлъ полученную почту и нашелъ одно письмо на свое имя. Онъ распечаталъ, прочелъ нѣсколько строкъ, потомъ, не спѣша, глядя въ газету, пошелъ къ себѣ въ свою комнату, которая была тутъ же внизу въ концѣ коридора. Жена его Ефимья сидѣла на кровати и кормила ребенка; другой ребенокъ, самый старшій, стоялъ возлѣ, положивъ кудрявую голову ей на колѣни, третій спалъ на кровати.

Войдя въ свою комнату, Андрей подалъ женѣ письмо и сказалъ:

— Должно, изъ деревни.

Затѣмъ онъ вышелъ, не отрывая глазъ отъ газеты, и остановился въ коридорѣ, недалеко отъ своей двери. Ему было слышно, какъ Ефимья дрожащимъ голосомъ прочла первыя строки. Прочла и ужъ больше не могла; для нея было довольно и этихъ строкъ, она залилась слезами и, обнимая своего старшенькаго, цѣлуя его, стала говорить, и нельзя было понять, плачетъ она или смѣется.

— Это отъ бабушки, отъ дѣдушки...—говорила она.— Изъ деревни... Царица небесная, святители угодники. Тамъ теперь снѣгу навалило подъ крыши... деревья бѣлыя-бѣлыя. Ребятки на махонькихъ саночкахъ... И дѣдушка лысенкій на печкѣ... и собачка желтенькая... Голубчики мои родные!

Андрей Хрисанфычъ, слушая это, вспомнилъ, что раза три или четыре жена давала ему письма, просила послать въ деревню, но мѣшали какія-то важныя дѣла: онъ не послалъ, письма гдѣ-то завалялись.

— А въ полѣ зайчики бѣгаютъ,—причитывала Ефимья, обливаясь слезами, цѣлуя своего мальчика. — Дѣдушка тихій, добрый, бабушка тоже добрая, жалосливая. Въ деревнѣ душевно живутъ, Бога боятся... И церковочка въ селѣ, мужички на клиросѣ поютъ. Унесла бы насъ отсюда Царица небесная, заступница Матушка!

Андрей Хрисанфычъ вернулся къ себѣ въ комнатку, чтобы покурить, пока кто не пришелъ, и Ефимья вдругъ замолчала, притихла и вытерла глаза, и только губы у нея дрожали. Она его очень боялась, ахъ какъ боялась! Трепетала, приходила въ ужасъ отъ его шаговъ, отъ его взгляда, не смѣла сказать при немъ ни одного слова.

Андрей Хрисанфычъ закурилъ, но какъ разъ въ это время на верху позвонили. Онъ потушилъ папиросу и, сдѣлавъ очень серьезное лицо, побѣжалъ къ своей парадной двери.

Сверху спускался генераль, розовый, свѣжій отъ ванны.

— А въ этой комнатѣ что?—спросилъ онъ, указывая на дверь.

Андрей Хрисанфычъ вытянулся, руки по швамъ, и произнесъ громко:

— Дучъ Шарко, ваше превосходительство!

РАЗСКАЗЪ СТАРШАГО САДОВНИКА.

Въ оранжереѣ графовъ N. происходила распродажа цвѣтовъ. Покупателей было немного: я, мой сосѣдь-помѣщикъ и молодой купецъ, торгующій лѣсомъ. Пока работники выносили наши великолѣпныя покупки и укладывали ихъ на телеги, мы сидѣли у входа въ оранжерею и бесѣдовали о томъ, о сѣмъ. Въ теплое апрѣльское утро сидѣть въ саду, слушать птицъ и видѣть, какъ вынесенныя на свободу цвѣты нѣжатся на солнцѣ, чрезвычайно пріятно.

Укладкой растений распоряжался самъ садовникъ, Михаилъ Карловичъ, почтенный старикъ съ полнымъ бритымъ лицомъ, въ мѣховой жилеткѣ, безъ стюртука. Онъ все время молчалъ, но прислушивался къ нашему разговору и ждалъ, не скажемъ ли мы чего-нибудь новенькаго. Это былъ умный, очень добрый, всеми уважаемый человѣкъ. Все почему-то считали его нѣмцемъ, хотя по отцу онъ былъ шведъ, по матери русскій и ходилъ въ православную церковь. Онъ зналъ по-русски, по-шведски и по-нѣмецки, много читалъ на этихъ языкахъ, и нельзя было доставить ему большаго удовольствія, какъ дать почитать какую-нибудь новую книжку или поговорить съ нимъ, напримѣръ, объ Ибсенѣ.

Были у него слабости, но невинныя; такъ, онъ называлъ себя старшимъ садовникомъ, хотя младшихъ не было; выраженіе лица у него было необыкновенно важное и надменное; онъ не допускалъ противорѣчій и любилъ, чтобы его слушали серьезно и со вниманіемъ.

— Этотъ вотъ молодчикъ, рекомендую, ужасный негодяй,—сказалъ мой сосѣдь, указывая на работника со смуглымъ цыганскимъ лицомъ, который проѣхалъ мимо на бочкѣ съ водой. — На прошлой недѣлѣ его судили въ городѣ за грабежъ и оправдали. Признали его душевно-больнымъ, а между тѣмъ, взгляните на рожу, онъ здоровѣхонекъ. Въ

последнее время въ Россіи ужъ очень часто оправдываютъ негодьявъ, объясняя все болѣзненнымъ состояніемъ и аффектами, между тѣмъ, эти оправдательные приговоры, это очевидное послабленіе и потворство, къ добру не ведутъ. Они деморализуютъ массу, чувство справедливости притупилось у всѣхъ, такъ какъ привыкли уже видѣть порокъ безнаказаннымъ, и, знаете ли, про наше время смѣло можно сказать словами Шекспира: «Въ нашъ злой, развратный вѣкъ и добродѣтель должна просить прощенья у порока».

— Это вѣрно, вѣрно,—согласился купецъ.—Оттого, что оправдываютъ въ судахъ, убійствъ и поджоговъ стало гораздо больше. Спросите-ка у мужиковъ.

Садовникъ Михаилъ Карловичъ обернулся къ намъ и сказалъ:

— Чтѣ же касается меня, господа, то я всегда съ восторгомъ встрѣчаю оправдательные приговоры. Я не боюсь за нравственность и за справедливость, когда говорятъ «невиновень», а, напротивъ, чувствую удовольствіе. Даже когда моя совѣсть говоритъ мнѣ, что, оправдавъ преступника, присяжные сдѣлали ошибку, то и тогда я торжествую. Судите сами, господа: если судьи и присяжные болѣе вѣрятъ *человѣку*, чѣмъ уликамъ, вещественнымъ доказательствамъ и рѣчамъ, то развѣ эта *вѣра въ челоѣка* сама по себѣ не выше всякихъ житейскихъ соображеній? Эта вѣра доступна только тѣмъ немногимъ, кто понимаетъ и чувствуетъ Христа.

— Мысль хорошая,—сказалъ я.

— Но это не новая мысль. Помнится, когда-то очень давно, я слышалъ даже легенду на эту тему. Очень милая легенда,—сказалъ садовникъ и улыбнулся.—Мнѣ рассказывала ее моя покойная бабушка, мать моего отца, отличная старуха. Она рассказывала по-шведски, но по-русски это выйдетъ не такъ красиво, не такъ классично.

Но мы попросили его рассказывать и не стѣсняться грубостью русскаго языка. Онъ, очень довольный, медленно закурилъ трубочку, сердито посмотрѣлъ на рабочихъ и началъ:

— Въ одномъ маленькомъ городкѣ поселился пожилой, одинокій и некрасивый господинъ по фамиліи Томсонъ или Вильсонъ,—ну, это все равно. Дѣло не въ фамиліи. Профессія у него была благородная: онъ лѣчилъ людей. Онъ былъ всегда угрюмъ и несообщителенъ, и говорилъ только, когда этого требовала его профессія. Ни къ кому онъ не

ходилъ въ гости, ни съ кѣмъ не распространялъ своего знакомства далѣе молчаливаго поклона и жилъ скромно, какъ схимникъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ ученый, а въ ту пору ученые не были похожи на обыкновенныхъ людей. Они проводили дни и ночи въ созерцаніи, въ чтеніи книгъ и лѣченіи болѣзней, на все же остальное смотрѣли какъ на пошлость и не имѣли времени говорить лишнихъ словъ. Жители города отлично понимали это и старались не надоедать ему своими посѣщеніями и пустой болтовней. Они были очень рады, что Богъ, наконецъ, послалъ имъ человека, умѣющаго лѣчить болѣзни, и гордились, что въ ихъ городѣ живетъ такой замѣчательный человекъ.

— Онъ знаетъ все,—говорили они про него.

Но этого было недостаточно. Надо было еще говорить: «онъ любитъ всѣхъ!» Въ груди этого ученаго человека билось чудное, ангельское сердце. Какъ бы ни было, вѣдь жители города были для него чужіе, не родные, но онъ любилъ ихъ, какъ дѣтей, и не жалѣлъ для нихъ даже своей жизни. У него самого была чахотка, онъ кашлялъ, но, когда его звали къ больному, забывалъ про свою болѣзнь, не щадилъ себя и, задыхаясь, взбирался на горы, какъ бы высоки онѣ ни были. Онъ пренебрегалъ зноемъ и холодомъ, презиралъ голодь и жажду. Денегъ не бралъ и странное дѣло, когда у него умирали пациенты, то онъ шелъ вмѣстѣ съ родственниками за гробомъ и плакалъ.

И скоро онъ сталъ для города такъ необходимъ, что жители удивлялись, какъ это они могли ранѣе обходиться безъ этого человека. Ихъ признательность не имѣла границъ. Взрослые и дѣти, добрые и злые, честные и мошенники—однимъ словомъ, всѣ уважали его и знали ему цѣну. Въ городкѣ и въ его окрестностяхъ не было человека, который позволилъ бы себѣ не только сдѣлать ему что-нибудь не-приятное, но даже подумать объ этомъ. Выходя изъ своей квартиры, онъ никогда не запиралъ дверей и оконъ, въ полной увѣренности, что нѣтъ такого вора, который рѣшился бы обидѣть его. Часто ему приходилось, по долгу врача, ходить по большимъ дорогамъ, черезъ лѣса и горы, гдѣ во множествѣ бродили голодные бродяги, но онъ чувствовалъ себя въ полной безопасности. Однажды ночью онъ возвращался отъ больного, и на него напали въ лѣсу разбойники, но, узнавъ его, они почтительно сняли передъ нимъ

шляпы и спросили, не хочетъ ли онъ ѣсть. Когда онъ сказалъ, что онъ сытъ, они дали ему теплый плащъ и проводили его до самаго города, счастливые, что судьба послала имъ случай хотя чѣмъ-нибудь отблагодарить великодушнаго человѣка. Ну, далѣе, понятное дѣло, бабушка рассказывала, что даже лошади, коровы и собаки знали его и при встрѣчѣ съ нимъ изъявляли радость.

И этотъ человѣкъ, который, казалось, своею святостью оградилъ себя отъ всего злого, доброжелателями котораго считались даже разбойники и бѣшеные, въ одно прекрасное утро былъ найденъ убитымъ. Окровавленный, съ пробитымъ черепомъ, онъ лежалъ въ оврагѣ, и блѣдное лицо его выражало удивленіе. Да, не ужасъ, а удивленіе застыло на его лицѣ, когда онъ увидѣлъ передъ собою убійцу. Можете же представить себѣ теперь ту скорбь, какая овладѣла жителями города и окрестностей. Всѣ въ отчаяніи, не вѣря своимъ глазамъ, спрашивали себя: кто могъ убить этого человѣка? Судьи, которые производили слѣдствіе и осматривали трупъ доктора, сказали такъ:— «Здѣсь мы имѣемъ всѣ признаки убійства, но такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ такого человѣка, который могъ бы убить нашего доктора, то, очевидно, убійства тутъ нѣтъ и совокупность признаковъ является только простою случайностью. Нужно предположить, что докторъ въ потемкахъ самъ упалъ въ оврагъ и ушибся до смерти».

Съ этимъ мнѣніемъ согласился весь городъ. Доктора погребли, и уже никто не говорилъ о насильственной смерти. Существованіе человѣка, у котораго хватило бы низости и гнусности убить доктора, казалось невѣроятнымъ. Вѣдь и гнусность имѣетъ свои предѣлы. Не такъ ли?

Но вдругъ, можете себѣ представить, случай наводитъ на убійцу. Увидѣли, какъ одинъ шелопай, уже много разъ судившійся, извѣстный своею развратною жизнью, пропивалъ въ кабакѣ табакерку и часы, принадлежавшіе доктору. Когда стали его уличать, онъ смутился и сказалъ какую-то очевидную ложь. Сдѣлали у него обыскъ и нашли въ постели рубаху съ окровавленными рукавами и докторскій ланцетъ въ золотой оправѣ. Какихъ же еще нужно уликъ? Злодѣя посадили въ тюрьму. Жители возмущались и въ то же время говорили:

— Невѣроятно! Не можетъ быть! Смотрите, какъ бы не

вышло ошибки; вѣдь случается, что улики говорятъ неправду!

На судѣ убійца упорно отрицалъ свою вину. Все говорило противъ него и убѣдиться въ его виновности было такъ же не трудно, какъ въ томъ, что эта земля черная, но судьи точно съ ума сошли: они по десяти разъ взвѣшивали каждую улику, недовѣрчиво посматривали на свидѣтелей, краснѣли, пили воду... Судить начали рано утромъ, а кончили только вечеромъ.

— Обвиняемый!—обратился главный судья къ убійцѣ.— Судѣ призналъ тебя виновнымъ въ убійствѣ доктора такого-то и приговорилъ тебя къ...

Главный судья хотѣлъ сказать: «къ смертной казни», но выронилъ изъ рукъ бумагу, на которой былъ написанъ приговоръ, вытеръ холодный потъ и закричалъ:

— Нѣтъ! Если я неправильно сужу, то пусть меня накажетъ Богъ, но, клянусь, онъ не виноватъ! Я не допускаю мысли, чтобы могъ найтись человѣкъ, который осмѣлился бы убить нашего друга доктора! Человѣкъ неспособенъ пасть такъ глубоко!

— Да, нѣтъ такого человѣка,—согласились прочіе судьи.

— Нѣтъ!—откликнулась толпа.—Отпустите его!

Убійцу отпустили на всѣ четыре стороны, и ни одна душа не упрекнула судей въ несправедливости. И Богъ, говорила моя бабушка, за такую вѣру въ человѣка простилъ грѣхи всѣмъ жителямъ городка. Онъ радуется, когда вѣруютъ, что человѣкъ Его образъ и подобіе, и скорбитъ, если, забывая съ человѣческимъ достоинствѣмъ, о людяхъ судить хуже, чѣмъ о собакахъ. Пусть оправдательный приговоръ принесетъ жителямъ городка вредъ, но зато, посудите, какое благотворное вліяніе имѣла на нихъ эта вѣра въ человѣка, вѣра, которая вѣдь не остается мертвой; она воспитываетъ въ насъ великодушныя чувства и всегда побуждаетъ любить и уважать каждаго человѣка. Каждаго! А это важно.

Михаилъ Карловичъ кончилъ. Мой сосѣдь хотѣлъ что-то возразить ему, но старшій садовникъ сдѣлалъ жестъ, означавшій, что онъ не любитъ возраженій, затѣмъ отошелъ къ телегамъ и съ выраженіемъ важности на лицѣ продолжалъ заниматься укладкой.

ВЪ МОРѢ.

(РАЗСКАЗЪ МАТРОСА.)

Видны были только тусклѣющіе огни оставленной гавани, да черное, какъ тушь, небо. Дулъ холодный, сырой вѣтеръ. Мы чувствовали надъ собой тяжелыя тучи, чувствовали ихъ желаніе разразиться дождемъ, и намъ было душно, несмотря на вѣтеръ и холодъ.

Мы, матросы, столпившись у себя въ кубрикѣ, бросали жеребій. Раздавался громкій, пьяный смѣхъ нашей брати, слышались прибаутки, кто-то для потѣхи пѣлъ пѣтухомъ.

Мелкая дрожь пробѣгала у меня отъ затылка до самыхъ пятъ, точно въ моемъ затылкѣ была дыра, изъ которой сыпалась внизъ по голому тѣлу мелкая, холодная дробь. Дрожалъ я и отъ холода, и отъ другихъ причинъ, о которыхъ хочу здѣсь рассказать.

Человѣкъ, по моему мнѣнію, вообще гадокъ, а матросъ, признаться, бываетъ иногда гаже всего на свѣтѣ, гаже самаго сквернаго животнаго, которое все-таки имѣетъ оправданіе, такъ какъ подчиняется инстинкту. Можетъ-быть, я и ошибаюсь, такъ какъ жизни не знаю, но мнѣ кажется, все-таки у матроса больше поводовъ ненавидѣть и бранить себя, чѣмъ у кого-либо другого. Человѣку, который каждую минуту можетъ сорваться съ мачты, скрыться навсегда подъ волной, который знаетъ Бога, только когда утопаетъ или летитъ внизъ головой, нѣтъ нужды ни до чего, и ничего ему на сушѣ не жаль. Мы пьемъ много водки, мы развратничаемъ, потому что не знаемъ, кому и для чего нужна въ морѣ добродѣтель.

Но буду, однако, продолжать.

Мы бросали жеребій. Насъ всѣхъ, не занятыхъ, отбив-

шихъ свою вахту, было двадцать два. Изъ этого числа только двоимъ могло выпасть на долю счастье насладиться рѣдкимъ спектаклемъ. Дѣло въ томъ, что «каюта для новобрачныхъ», которая была у насъ на пароходѣ, въ описываемую ночь имѣла пассажировъ, а въ стѣнахъ этой каюты было только два отверстія, которыми мы могли распорядиться. Одно отверстие выпилилъ я самъ тонкой пилой, пробуравивъ предварительно стѣну штопоромъ, другое же вырѣзалъ ножомъ одинъ мой товарищъ, и оба мы работали больше недѣли.

— Одно отверстие досталось тебѣ!

— Кому?

Указали на меня.

— Другое кому?

— Твоему отцу!

Мой отецъ, старый, горбатый матросъ, съ лицомъ, похожимъ на печеное яблоко, подошелъ ко мнѣ и хлопнулъ меня по плечу.

— Сегодня, мальчишка, мы съ тобой счастливы, — сказалъ онъ мнѣ. — Слышишь, мальчишка? Счастье въ одно время выпало тебѣ и мнѣ. Это что-нибудь да значить.

Онъ нетерпѣливо спросилъ, который часъ. Было только одиннадцать.

Я вышелъ изъ кубрика, закурилъ трубку и сталъ глядѣть на море. Было темно, но, надо полагать, и въ глазахъ моихъ отражалось то, что происходило въ душѣ, такъ какъ на черномъ фонѣ ночи я различалъ образы, я видѣлъ то, чего такъ недоставало въ моей тогда еще молодой, но уже сгубленной жизни...

Въ двѣнадцать я прошелся мимо общей каюты и заглянулъ въ дверь. Новобрачный, молодой пасторъ съ красивой бѣлокурой головой, сидѣлъ за столомъ и держалъ въ рукахъ Евангеліе. Онъ объяснялъ что-то высокою, худой англичанкѣ. Новобрачная, молодая, стройная, очень красивая, сидѣла рядомъ съ мужемъ и не отрывала своихъ голубыхъ глазъ отъ его бѣлокурой головы. По каютѣ изъ угла въ уголь ходилъ банкиръ, высокій, полный старикъ-англичанинъ съ рыжимъ, отталкивающимъ лицомъ. Это былъ мужъ пожилой дамы, съ которой бесѣдовалъ новобрачный.

«Пасторы имѣютъ привычку бесѣдовать по цѣлымъ часамъ! — подумалъ я. — Онъ не кончитъ до утра!»

Въ часть подошелъ ко мнѣ отецъ и, дернувъ меня за рукавъ, сказалъ:

— Пора! Они вышли изъ общей каюты.

Я мигомъ слетѣлъ внизъ по крутой лѣстницѣ и направился къ знакомой стѣнѣ. Между этой стѣнной и стѣнной корабля былъ промежутокъ, полный сажн, воды, крысь. Скоро я услышалъ тяжелые шаги старика-отца. Онъ спотыкался о кули, ящики съ керосиномъ и бранился.

Я нащупалъ свое отверстие и вынулъ изъ него четырехугольный кусокъ дерева, который я такъ долго выпиливалъ. И я увидѣлъ тонкую, прозрачную кисею, сквозь которую пробивался ко мнѣ мягкій, розовый свѣтъ. И вмѣстѣ со свѣтомъ до моего горячаго лица коснулся удушающій, въ высшей степени пріятный запахъ; это былъ, должно-быть, запахъ аристократической спальни. Чтобы увидѣть спальную, нужно было раздвинуть кисею двумя пальцами, что я и исполнилъ сдѣлать.

Я увидѣлъ бронзу, бархатъ, кружева. И все было залито розовымъ свѣтомъ. Въ полутора саженьяхъ отъ моего лица стояла кровать.

— Пусти меня къ твоему отверстию, — сказалъ отецъ, нетерпѣливо толкая меня въ бокъ. — Въ твое лучше видно!

Я молчалъ.

— У тебя, мальчишка, глаза сильнѣе моихъ, и для тебя рѣшительно все равно, глядѣть издали или вблизи!

— Тихе! — сказалъ я. — Не шуми, насъ могутъ услышать!

Новобрачная сидѣла на краю кровати, свѣсивъ свои маленькія ноги на мѣхъ. Она глядѣла въ землю. Передъ ней стоялъ ея мужъ, молодой пасторъ. Онъ говорилъ ей что-то, а что именно — не знаю. Шумъ парохода мѣшалъ мнѣ слышать. Пасторъ говорилъ горячо, жестикулируя, сверкая глазами. Она слушала и отрицательно качала головой...

— Черртъ, меня укусила крыса! — проворчалъ отецъ.

Я плотнѣе прижалъ грудь къ стѣнѣ, какъ бы боясь, чтобы не выскочило сердце. Голова моя горѣла.

Говорили новобрачные долго. Пасторъ, наконецъ, опустился на колѣни и, протягивая къ ней руки, сталъ ее умолять. Она отрицательно покачала головой. Тогда онъ вскочилъ и заходилъ по каютѣ. По выраженію его лица и по движенію рукъ я догадался, что онъ угрожалъ.

Его молодая жена поднялась, медленно пошла къ стѣлѣ, гдѣ я стоялъ, и остановилась у самаго моего отверстія. Она стояла неподвижно и думала, а я пожиралъ глазами ея лицо. Миѣ казалось, что она страдаетъ, что она борется съ собою, колеблется, и въ то же время черты ея выражали гнѣвъ. Я ничего не понималъ.

Вѣроятно, минутъ пять мы простояли такъ лицомъ къ лицу, потомъ она отошла и остановившись среди каюты, кивнула своему пастору—въ знакъ согласія, должно-быть. Тотъ радостно улыбулся, поцѣловалъ у нея руку и вышелъ изъ спальни.

Черезъ три минуты дверь отворилась, и въ спальную вошелъ пасторъ, а вслѣдъ за нимъ высокій, толстый англичанинъ, о которомъ я говорилъ выше. Англичанинъ подошелъ къ кровати и спросилъ о чемъ-то у красавицы. Та, блѣдная, не глядя на него, утвердительно кивнула головой.

Англичанинъ-банкиръ вынулъ изъ кармана какую-то пачку, быть-можетъ, пачку банковыхъ билетовъ, и подалъ пастору. Тотъ осмотрѣлъ, сосчиталъ и съ поклономъ вышелъ. Старикъ-англичанинъ заперъ за нимъ дверь...

Я отскочилъ отъ стѣны, какъ ужаленный. Я испугался. Миѣ показалось, что вѣтеръ разорвалъ нашъ пароходъ на части, что мы идемъ ко дну.

Старикъ-отецъ, этотъ пьяный, развратный человекъ, взялъ меня за руку и сказалъ:

— Выйдемъ отсюда! Ты не долженъ этого видѣть! Ты еще мальчикъ...

Онъ едва стоялъ на ногахъ. Я вынесъ его по крутой, извилистой лѣстницѣ наверхъ, гдѣ уже шелъ настоящій осенній дождь...

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ФУТЛЯРѢ.

На самомъ краю села Мирносицкаго, въ сараѣ старосты Прокофія расположились на ночлегъ запоздавшіе охотники. Ихъ было только двое: ветеринарный врачъ Иванъ Иванычъ и учитель гимназій Буркинъ. У Ивана Иваныча была довольно странная, двойная фамилія — Чимша-Гималайскій, которая совсѣмъ не шла ему, и его во всей губерніи звали просто по имени и отчеству; онъ жилъ около города на конскомъ заводѣ и прѣхалъ теперь на охоту, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Учитель же гимназій Буркинъ каждое лѣто гостилъ у графовъ П. и въ этой мѣстности давно уже былъ своимъ человѣкомъ.

Не спали. Иванъ Иванычъ, высокій, худощавый старикъ съ длинными усами, сидѣлъ снаружи у входа и курилъ трубку; его освѣщала луна. Буркинъ лежалъ внутри на снѣгъ и его не было видно въ потемкахъ.

Разсказывали разныя исторіи. Между прочимъ говорили о томъ, что жена старосты, Мавра, женщина здоровая и не глупая, во всю свою жизнь нигдѣ не была дальше своего родного села, никогда не видѣла ни города, ни желѣзной дороги, а въ послѣднія десять лѣтъ все сидѣла за печью и только по ночамъ выходила на улицу.

— Что же тутъ удивительнаго!—сказалъ Буркинъ.—Людей, одинокихъ по натурѣ, которые, какъ ракъ отшельникъ или улитка, стараются уйти въ свою скорлупу, на этомъ свѣтѣ не мало. Быть-можетъ, тутъ явленіе агавизма, возвращеніе къ тому времени, когда предокъ человѣка не

былъ еще общественнымъ животнымъ и жилъ одиноко въ своей берлогѣ, а можетъ-быть это просто одна изъ разновидностей человѣческаго характера, — кто знаетъ? Я не естественникъ и не мое дѣло касаться подобныхъ вопросовъ; я только хочу сказать, что такіе люди, какъ Мавра, явленіе не рѣдкое. Да вотъ, не далеко искать, мѣсяца два назадъ умеръ у насъ въ городѣ нѣкій Бѣликовъ, учитель греческаго языка, мой товарищъ. Вы о немъ слышали, конечно. Онъ былъ замѣчательнѣ тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ и непременно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши и, когда вынималъ перочинный ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и, когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ внѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть-можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было; и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни.

— О, какъ звученъ, какъ прекрасенъ греческій языкъ!— говорилъ онъ со сладкимъ выраженіемъ; и, какъ бы въ доказательство своихъ словъ, прищуривъ глаза и поднявъ палецъ, произносилъ:— Антропосъ!

И мысль свою Бѣликовъ также старался запрягать въ футляръ. Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что-нибудь. Когда въ циркулярѣ запрещалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера, или въ какой-нибудь статьѣ запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, опредѣленно: запрещено — и basta. Въ разрѣшеніи же и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнитель-

ный, что-то недосказанное и смутное. Когда въ городѣ разрѣшали драматическій кружокъ, или читальню, или чайную, то онъ покачивалъ головой и говорилъ тихо:

— Оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло.

Всякаго рода нарушенія, уклоненія, отступленія отъ правилъ приводили его въ уныніе, хотя, казалось бы, какое ему дѣло? Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молебень, или доходили слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму поздно вечеромъ съ офицеромъ, то онъ очень волновался и все говорилъ, какъ бы чего не вышло. А на педагогическихъ совѣтахъ онъ просто угнеталъ насъ своею осторожностью, мнительностью и своими чисто-фулярными соображеніями насчетъ того, что вотъ-де въ мужской и женской гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумитъ въ классахъ. — ахъ, какъ бы не дошло до начальства, ахъ, какъ бы чего не вышло, — и что если бы изъ второго класса исключить Петрова, а изъ четвертаго — Егорова, то было бы очень хорошо. И что же? Своими вздохами, пытьемъ, своими темными очками на блѣдномъ, маленькомъ лицѣ, — знаете, маленькомъ лицѣ, какъ у хорька, — онъ давилъ насъ всѣхъ, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову баллы по поведенію, сажали ихъ подъ арестъ и въ концѣ-концовъ исключали и Петрова, и Егорова. Было у него странное обыкновеніе — ходить по нашимъ квартирамъ. Придетъ къ учителю, сядетъ и молчитъ, и какъ будто что-то высматриваетъ. Посидитъ, этакъ, молча, часъ-другой, и уйдетъ. Это называлось у него «поддерживать добрыя отношенія съ товарищами» и, очевидно, ходить къ намъ и сидѣть было для него тяжело и ходилъ онъ къ намъ только потому, что считалъ это своею товарищескою обязанностью. Мы, учителя, боялись его. И даже директоръ боялся. Вотъ подите же, наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедрицѣ, однако же этотъ человѣчекъ, ходившій всегда въ калонкахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты.

Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бѣднымъ, учить грамотѣ...

Иванъ Ивановичъ, желая что-то сказать, кашлянулъ, но сначала закурилъ трубку, поглядѣлъ на луну и потомъ уже сказалъ съ разстановкой:

— Да. Мыслящіе, порядочные, читаютъ и Щедрина, и Тургенева, разныхъ тамъ Боклей и прочее, а вотъ подчинились же, терпѣли... То-то вотъ оно и есть.

— Бѣликовъ жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ и я. — продолжалъ Буркинъ: — въ томъ же этажѣ, дверь противъ двери, мы часто видѣлись, и я зналъ его домашнюю жизнь. И дома та же исторія: халатъ, колпакъ, ставни, задвижки, пѣный рядъ всякихъ запрещеній, ограниченій, и — ахъ, какъ бы чего не вышло! Постное ѣсть вредно, а скоромное нельзя, такъ какъ, пожалуй, скажутъ, что Бѣликовъ не исполняетъ постовъ, и онъ ѣлъ судака на коровьемъ маслѣ, — пища не постная, но и нельзя сказать, чтобы скоромная. Женской прислуги онъ не держалъ изъ страха, чтобы о немъ не думали дурно, а держалъ повара Аванасія, старика лѣтъ шестидесяти, нетрезваго и полоумнаго, который когда-то служилъ въ денщикахъ и умѣлъ кое-какъ стряпать. Этотъ Аванасій стоялъ обыкновенно у двери, скрестивъ руки, и всегда бормоталъ одно и то же, съ глубокимъ вздохомъ:

— Много ужъ *изъ* нынче развелось!

Спальня у Бѣликова была маленькая. точно ящикъ, кровать была съ пологомъ. Ложаеь спать, онъ укрывался съ головой: было жарко, душно, въ закрытыя двери стучался вѣтеръ, въ печкѣ гудѣло; слышались вздохи изъ кухни, вздохи зловѣщіе...

И ему было страшно подъ одѣяломъ. Онъ боялся, какъ бы чего не вышло, какъ бы его не зарѣзали Аванасій, какъ бы не забрались воры, и потомъ всю ночь видѣлъ тревожные сны, а утромъ, когда мы вмѣстѣ шли въ гимназію, былъ скученъ, блѣденъ и было видно, что многолюдная гимназія, въ которую онъ шелъ, была страшна, противна всему существу его, и что идти рядомъ со мной ему, человѣку по натурѣ одинокому, было тяжело.

— Очень ужъ шумять у насъ въ классахъ, — говорилъ онъ, какъ бы стараясь отыскать объясненія своему тяжелому чувству.— Ни на что не похоже.

И этотъ учитель греческаго языка, этотъ человекъ въ футлярѣ, можете себѣ представить, едва не женился.

Иванъ Ивановичъ быстро оглянулся въ сарай и сказалъ:

— Шутите!

— Да, едва не женился, какъ это ни странно. Назначили къ намъ новаго учителя исторіи и географіи, нѣкоего Коваленко, Михаила Саввича, изъ хохловъ. Приѣхалъ онъ не одинъ, а съ сестрой Варенькой. Онъ молодой, высокій, смуглый, съ громадными руками, и по лицу видно, что говоритъ басомъ, и въ самомъ дѣлѣ, голосъ какъ изъ бочки: бу-бу-бу... А она уже не молодая, лѣтъ тридцати, но тоже высокая, стройная, чернобровая, краснощекая, — однимъ словомъ, не дѣвица, а мармеладъ, и такая разбитная, шумная, все поетъ малороссійскіе романсы и хохочетъ. Чуть что, такъ и заляется голосистымъ смѣхомъ: ха-ха-ха! Первое, основательное знакомство съ Коваленками у насъ, помню, произошло на именинахъ у директора. Среди суровыхъ, напряженно скучныхъ педагоговъ, которые и на именины-то ходятъ по обязанности, вдругъ видимъ, новая Афродита возродилась изъ пѣны: ходить подбоченься, хохочетъ, поетъ, пляшетъ... Она сѣла съ чувствомъ «Віють витры», потомъ еще романсъ, и еще, и всѣхъ насъ очаровала, — всѣхъ, даже Бѣликова. Онъ подсѣлъ къ ней и сказалъ, сладко улыбаясь:

— Малороссійскій языкъ своею нѣжностью и пріятною звучностью напоминаетъ древне-греческій.

Это польстило ей, и она стала разсказывать ему съ чувствомъ и убѣдительно, что въ Гадячскомъ уѣздѣ у нея есть хуторъ, а на хуторѣ живетъ мамочка, и тамъ такія груши, такія дыни, такіе кабаки! У хохловъ тыквы называются кабаками, а кабаки шинками, и варять у нихъ борщъ съ красненькими и съ синенькими «такой вкусный, такой вкусный, что просто—ужасъ!»

Слушали мы слушали, и вдругъ всѣхъ насъ ослѣпила одна и та же мысль.

— А хорошо бы ихъ поженить,—тихо сказала мнѣ директорша.

Мы всѣ почему-то вспомнили, что нашъ Бѣликовъ не

женатъ, и намъ теперь казалось страннымъ, что мы до сихъ поръ какъ-то не замѣчали, совершенно упустили изъ виду такую важную подробность въ его жизни. Какъ вообще онъ относится къ женщинѣ, какъ онъ рѣшаетъ для себя этотъ насущный вопросъ? Раньше это не интересовало насъ вовсе; быть-можетъ, мы не допускали даже и мысли, что человѣкъ, который во всякую погоду ходитъ въ калошахъ и спитъ подъ пологомъ, можетъ любить.

— Ему давно уже за сорокъ, а ей тридцать! — пояснила свою мысль директорша. — Миѣ кажется, она бы за него пошла.

Чего только не дѣлается у насъ въ провинціи отъ скуки, сколько ненужнаго, вздорнаго! И это потому, что совсѣмъ не дѣлается то, что нужно. Ну, вотъ къ чему намъ вдругъ понадобилось женить этого Бѣликова, котораго даже и вообразить нельзя было женатымъ? Директорша, инспекторша и всѣ наши гимназическія дамы ожили, даже похорошѣли, точно вдругъ увидѣли цѣль жизни. Директорша беретъ въ театрѣ ложу, и смотримъ — въ ея ложѣ сидитъ Варинька съ этакимъ вѣеромъ, сіюющая, счастливая, и рядомъ съ ней Бѣликовъ, маленький, скрюченный, точно его изъ дому клещами вытащили. Я даю вечеринку, и дамы требуютъ, чтобы я непременно пригласилъ и Бѣликова, и Вариньку. Однимъ словомъ, заработала машина. Оказалось, что Варинька не прочь была замужъ. Жить ей у брата было не очень-то весело, только и знали, что по цѣлымъ днямъ спорили и ругались. Вотъ вамъ сцена: идетъ Коваленко по улицѣ, высокій, здоровый верзила, въ вышитой сорочкѣ, чубъ изъ-подъ фуражки падаетъ на лобъ; въ одной рукѣ пачка книгъ, въ другой толстая суковатая палка. За нимъ идетъ сестра, тоже съ книгами.

— Да ты же, Михайликъ, этого не читалъ! — спорить она громко. — Я же тебѣ говорю, клянусь, ты не читалъ же этого вовсе!

— А я тебѣ говорю, что читалъ! — кричитъ Коваленко, гремя палкой по тротуару.

— Ахъ же, Боже жъ мой, Минчикъ! Чего же ты сердисься, вѣдь у насъ же разговоръ принципиальный.

— А я тебѣ говорю, что я читалъ! — кричитъ еще громче Коваленко.

А дома, какъ кто посторонній, такъ и перепалка. Та-

кая жизнь, вѣроятно, наскучила, хотѣлось своего угла, да и возрастъ принять во вниманіе; тутъ ужъ перебирать некогда, выйдешь, за кого угодно, даже за учителя греческаго языка. И то сказать, для большинства нашихъ барышень за кого ни выйти, лишь бы выйти. Какъ бы ни было, Варинька стала оказывать нашему Бѣликову явную благосклонность.

А Бѣликовъ? Онъ и къ Коваленку ходилъ такъ же, какъ къ намъ. Придетъ къ нему, сядетъ и молчитъ. Онъ молчитъ, а Варинька поетъ ему «Віюгъ витры» или глядитъ на него задумчиво своими темными глазами, или вдругъ зальется:

— Ха-ха-ха!

Въ любовныхъ дѣлахъ, а особенно въ женитьбѣ, внушеніе играетъ большую роль. Всѣ — и товарищи и дамы — стали увѣрять Бѣликова, что онъ долженъ жениться, что ему ничего больше не остается въ жизни, какъ жениться; всѣ мы поздравляли его, говорили съ важными лицами разныя пошлости, въ родѣ того-де, что бракъ есть шагъ серьезный; къ тому же Варинька была не дурна собой, интересна, она была дочь статскаго совѣтника и имѣла хуторъ, а главное, это была первая женщина, которая отнеслась къ нему ласково, сердечно, — голова у него закружилась, и онъ рѣшилъ, что ему въ самомъ дѣлѣ нужно жениться.

— Вотъ тутъ бы и отобратъ у него калоши и зонтикъ, — проговорилъ Иванъ Ивановичъ.

Представьте, это оказалось невозможнымъ. Онъ поставилъ у себя на столѣ портретъ Вариньки и все ходилъ къ ней и говорилъ о Варинькѣ, о семейной жизни, о томъ, что бракъ есть шагъ серьезный, часто бывалъ у Коваленковъ, но образа жизни не измѣнилъ нисколько. Даже наоборотъ, рѣшеніе жениться подѣйствовало на него какъ-то болѣзненно, онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ и, казалось, еще глубже ушелъ въ свой футляръ.

— Варвара Саввишна мнѣ правится, — говорилъ онъ мнѣ со слабой кривой улыбочкой: — и я знаю, жениться необходимо каждому человѣку, но... все это, знаете ли, произошло какъ-то вдругъ... Надо подумать.

— Что же тутъ думать? — говорю ему. — Женитесь, вотъ и все.

— Нѣтъ, женитьба—шагъ серьезный, надо сначала взвѣснить предстоящія обязанности, отвѣтственность..., что бы потомъ чего не вышло. Это меня такъ беспокоитъ, я теперь всѣ ночи не сплю. И признаться, я боюсь: у нея съ братомъ какой-то странный образъ мыслей, разсуждаютъ они какъ-то, знаете ли, странно и характеръ очень бойкій. Женитесь, а потомъ чего добраго попадете въ какую-нибудь исторію.

И онъ не дѣлалъ предложенія, все откладывалъ, къ великой досадѣ директорши и всѣхъ нашихъ дамъ; все взвѣшивалъ предстоящія обязанности и отвѣтственность, и между тѣмъ почти каждый день гулялъ съ Варинькой, быть-можетъ, думалъ, что это такъ нужно въ его положеніи, и приходилъ ко мнѣ, чтобы поговорить о семейной жизни. И по всей вѣроятности, въ концѣ-концовъ онъ сдѣлалъ бы предложеніе и совершился бы одинъ изъ тѣхъ не нужныхъ, глухихъ браковъ, какихъ у насъ отъ скуки и отъ нечего дѣлать совершаются тысячи, если бы вдругъ не произошелъ kolossalische Scandal. Нужно сказать, что братъ Вариньки, Коваленко, возненавидѣлъ Бѣликова съ перваго же дня знакомства и терпѣть его не могъ.

— Не понимаю, — говорилъ онъ намъ, пожимая плечами: — не понимаю, какъ вы перевариваете этого фискала, эту мерзкую рожу. Эхъ, господа, какъ вы можете тутъ жить! Атмосфера у васъ удушьяющая, поганая. Развѣ вы педагоги, учителя? Вы чиновники, у васъ не храмъ науки, а упрява благочинія, и кислятиной воняетъ, какъ въ полицейской будкѣ. Нѣтъ, братцы, поживу съ вами еще немного и уѣду къ себѣ на хуторъ и буду тамъ раковъ ловить и хохлатъ учить. Уѣду, а вы оставайтесь тутъ со своимъ іудой, нехай винъ лопне.

Или онъ хохоталъ, хохоталъ до слезъ то басомъ, то тонкимъ писклявымъ голосомъ и спрашивалъ меня, разводя руками:

— Шо онъ у меня сидитъ? Шо ему надо? Сидитъ и смотритъ.

Онъ даже названіе далъ Бѣликову «глинтай абожь паукъ». И, понятно, мы избѣгали говорить съ нимъ о томъ, что сестра его Варинька собирается за «абожь паука». И когда однажды директорша намекнула ему, что хорошо бы пристроить его сестру за такого солиднаго, всѣми уважае-

мага челоуѣка, какъ Бѣликовъ, то онъ нахмурился и проворчалъ:

— Не мое это дѣло. Пускай она выходитъ хоть за гадюку, а я не люблю въ чужія дѣла мѣшаться.

Теперь слушайте, что дальше. Какой-го проказникъ нарисовалъ карриатуру: идетъ Бѣликовъ въ калошахъ, въ подсушенныхъ брюкахъ, подъ зонтомъ, и съ нимъ подъ руку Варенька; внизу подпись: «влюбленный антропосъ». Выраженіе схвачено, понимаете ли, удивительно. Художникъ, должно-быть, проработалъ не одну ночь, такъ какъ все учителя мужской и женской гимназій, учителя семинаріи, чиновники, — все получили по экземпляру. Получили и Бѣликовъ. Карриатура произвела на него самое тяжелое впечатлѣніе.

Выходимъ мы вмѣстѣ изъ дому, — это было какъ разъ первое мая, воскресенье, и мы все, учителя и гимназисты, условились сойтись у гимназій и потомъ вмѣстѣ идти пѣшкомъ за городъ въ рощу. — выходимъ мы, а онъ зеленый, мрачнѣе тучи.

— Какіе есть нехорошіе, злые люди! — проговорилъ онъ, и губы у него задрожали.

Мнѣ даже жалко его стало. Идемъ и вдругъ, можете себя представить, катить на велосипедѣ Коваленко, а за нимъ Варинька, тоже на велосипедѣ, красная, заморенная, но веселая, радостная.

— А мы, — кричитъ она, — впередъ ѣдемъ! Уже жъ такая хорошая погода, такая хорошая, что просто ужасъ!

И скрылись оба. Мой Бѣликовъ изъ зеленого сталъ бѣлымъ и точно оцѣпенѣлъ. Остановился и смотритъ на меня...

— Позвольте, что же это такое? — спросилъ онъ. — Или, быть-можетъ, меня обманываетъ зрѣніе? Развѣ преподавателямъ гимназій и женщинамъ прилично ѣздить на велосипедѣ?

— Что же тутъ неприличнаго? — сказала я. — И пусть катаются себѣ на здоровье.

— Да какъ же можно? — крикнулъ онъ, изумляясь моему спокойствію. — Что вы говорите?!

И онъ былъ такъ пораженъ, что не захотѣлъ идти дальше и вернулся домой.

На другой день онъ все время нервно потиралъ руки и вздрагивалъ, и было видно по лицу, что ему нехорошо. И

съ занятіи ушелъ, что случилось съ нимъ первый разъ въ жизни. И не обѣдалъ. А подъ вечеръ одѣлся потеплѣе, хотя на дворѣ стояла совсѣмъ лѣтняя погода, и пошелся къ Коваленкамъ. Вариньки не было дома, засталъ онъ только брата.

— Садитесь, покорнѣйше прошу, — проговорилъ Коваленко холодно и нахмурилъ брови; лицо у него было заспанное, онъ только-что отдыхалъ послѣ обѣда и былъ сильно не въ духѣ.

Бѣликовъ посидѣлъ молча минуту десять и началъ:

— Я къ вамъ пришелъ, чтобъ облегчить душу. Мнѣ очень, очень тяжело. Какой-то пасквилянтъ нарисовалъ въ смѣшномъ видѣ меня и еще одну особу, намъ обоимъ близкую. Считаю долгомъ увѣрить васъ, что я тутъ ни при чемъ... И не подавалъ никакого повода къ такой насмѣшкѣ, — напротивъ же, все время велъ себя какъ вполне порядочный человѣкъ.

Коваленко сидѣлъ, надувшись, и молчалъ. Бѣликовъ подождать немного и продолжалъ тихо, печальнымъ голосомъ:

— И еще я имѣю кое-что сказать вамъ. Я давно служу, вы же только еще начинаете службу, и я считаю долгомъ, какъ старшій товарищъ, предостеречь васъ. Вы катаетесь на велосипедѣ, а эта забава совершенно неприлична для воспитателя юношества.

— Почему же? — спросилъ Коваленко басомъ.

— Да развѣ тутъ надо еще объяснять, Михаилъ Саввичъ, развѣ это не понятно? Если учитель ѣдетъ на велосипедѣ, то что же остается ученикамъ? Имъ остается только ходить на головахъ! И развѣ это не разрѣшено циркулярно, то и нельзя. Я вчера ужаснулся! Когда я увидѣлъ вашу сестрицу, то у меня помутилось въ глазахъ! Женщина или дѣвушка на велосипедѣ — это ужасно!

— Что же собственно вамъ угодно?

— Мнѣ угодно только одно — предостеречь васъ, Михаилъ Саввичъ. Вы — человѣкъ молодой, у васъ впереди будущее, надо вести себя очень, очень осторожно, вы же такъ манкируете, охъ, какъ манкируете! Вы ходите въ вышитой сорочкѣ, постоянно на улицѣ съ какими-то книгами, а теперь вотъ еще велосипедъ. О томъ, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипедѣ, узнаетъ директоръ, потомъ дойдетъ до попечителя... Что же хорошаго?

— Что я и сестра катаемся на велосипедѣ, никому нѣтъ до этого дѣла! — сказали Коваленко и побагровѣль. — А кто будетъ вмѣшиваться въ мои домашнія и семейныя дѣла, того я пошлю къ чертямъ собачьимъ.

Бѣликовъ поблѣднѣлъ и всталъ.

— Если вы говорите со мной такимъ тономъ, то я не могу продолжать, — сказалъ онъ. — И прощу васъ никогда такъ не выражаться въ моемъ присутствіи о начальникахъ. Вы должны съ уваженіемъ относиться къ властямъ.

— А развѣ я говорилъ что дурное про властей? — спросилъ Коваленко, глядя на него со злобой. — Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ. Я честный человѣкъ и съ такимъ господиномъ, какъ вы, не желаю разговаривать. Я не люблю фискаловъ.

Бѣликовъ нервно засуетился и сталъ одѣваться быстро, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. Вѣдь это первый разъ въ жизни онъ слышалъ такія грубости.

— Можете говорить, что вамъ угодно, — сказалъ онъ, выходя изъ передней на площадку лѣстницы. — Я долженъ только предупредить васъ: быть-можетъ, насъ слышалъ кто-нибудь, и чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я долженъ буду доложить господину директору содержаніе нашего разговора... въ главныхъ чертахъ. Я обязанъ это сдѣлать.

— Доложить? Ступай, докладывай!

Коваленко схватилъ его сзади за воротникъ и шихнулъ, и Бѣликовъ покатился внизъ по лѣстницѣ, гремя своими калошами. Лѣстница была высокая, крутая, но онъ докатился до низу благополучно; всталъ и потрогалъ себя за носъ: цѣлы ли очки? Но какъ разъ въ то время, когда онъ катился по лѣстницѣ, вошла Варинька и съ нею двѣ дамы; онѣ стояли внизу и глядѣли — и для Бѣликова это было ужаснѣе всего. Лучше бы, кажется, сломать себѣ шею, обѣ ноги, чѣмъ стать посмѣшищемъ; вѣдь теперь узнаетъ весь городъ, дойдетъ до директора, попечителя, — ахъ, какъ бы чего не вышло! — нарисуютъ новую каррикатуру и кончится все это тѣмъ, что прикажутъ подать въ отставку...

Когда онъ поднялся, Варинька узнала его и, глядя на его смѣшиное лицо, помятое пальто, калоши, не понимая, въ чемъ дѣло, полагая, что это онъ упалъ самъ печально, не удержалась и захохотала на весь домъ:

— Ха-ха-ха!

И этимъ раскатымъ, залихватымъ «ха-ха-ха» завершилось все: и сватовство, и земное существованіе Бѣликова. Уже онъ не слышалъ, что говорила Варинька, и ничего не видѣлъ. Вернувшись къ себѣ домой, онъ прежде всего убралъ со стола портретъ, а потомъ легъ и уже больше не вставалъ.

Дня черезъ три пришелъ къ мнѣ Аванасій и спросилъ, не надо ли послать за докторомъ, такъ какъ-де съ баринномъ что-то дѣлается. Я пошелъ къ Бѣликову. Онъ лежалъ подъ пологомъ, укрытый одыломъ, и молчалъ; спросишь его, а онъ только да или нѣтъ — и больше ни звука. Онъ лежитъ, а возлѣ бродитъ Аванасій, мрачный, нахмуренный, и вздыхаетъ глубоко; а отъ него водкой, какъ изъ кабака.

Черезъ мѣсяць Бѣликовъ умеръ. Хоронили мы его всѣ, то-есть обѣ гимназій и семинарія. Теперь, когда онъ лежалъ въ гробу, выраженіе у него было крѣпкое, пріятное, даже веселое, точно онъ былъ радъ, что, наконецъ, его положили въ футляръ, изъ котораго онъ уже никогда не выйдетъ. Да, онъ достигъ своего идеала! И какъ бы въ честь его, во время похоронъ, была пасмурная, дождливая погода, и всѣ мы были въ калошахъ и съ зонтами. Варинька тоже была на похоронахъ и, когда гробъ опустили въ могилу, вслакнула. Я замѣтилъ, что хохлушки только плачутъ или хохочутъ, средняго же настроенія у нихъ не бываетъ.

Признаюсь, хоронить такихъ людей, какъ Бѣликовъ, это большое удовольствіе. Когда мы возвращались съ кладбища, то у насъ были скромныя постныя физиономіи: никому не хотѣлось обнаружить этого чувства удовольствія, — чувства, похожего на то, какое мы испытывали давно-давно, еще въ дѣтствѣ, когда старшіе увѣжали изъ дому и мы бѣгали по саду часъ-другой, наслаждаясь полною свободой. Ахъ, свобода, свобода! Даже намекъ, даже слабая надежда на ея возможность даетъ душѣ крылья, не правда ли?

Вернулись мы съ кладбища въ добромъ расположеніи. Но прошло не больше недѣли, и жизнь потекла попрежнему, такая же суровая, утомительная, безтолковая, жизнь не запрещенная циркулярно, но и не разрѣшенная вполне;

не стало лучше. И въ самомъ дѣлѣ, Бѣликова похоронили, а сколько еще такихъ человѣковъ въ футлярѣ осталось, сколько ихъ еще будетъ!

— То-то вотъ оно и есть, — сказалъ Иванъ Ивановичъ и закурилъ трубку.

— Сколько ихъ еще будетъ:—повторилъ Буркинъ.

Учитель гимназiи вышелъ изъ сарая. Это былъ человекъ небольшого роста, толстый, совершенно лысый, съ черной бородой чуть не по-поясъ; и съ нимъ вышли двѣ собаки.

— Луна-то, луна!—сказалъ онъ, глядя вверхъ.

Была уже полночь. Направо видно было все село, длинная улица тянулась далеко, верстъ на пять. Все было погружено въ тихій, глубокий сонъ; ни движенія, ни звука, даже не вѣрится, что въ природѣ можетъ быть такъ тихо. Когда въ лунную ночь видишь широкую сельскую улицу съ ея избами, стогами, уснувшими ивами, то на душѣ становится тихо; въ этомъ своемъ покоѣ, укрывшись въ ночныхъ тѣняхъ отъ трудовъ, заботъ и горя, она кротка, печальна, прекрасна, и кажется, что и звѣзды смотрятъ на нее ласково и съ умиленіемъ, и что зла уже нѣтъ на землѣ и все благополучно. Натѣво съ края села начиналось поле; оно было видно далеко, до горизонта, и во всю ширь этого поля, залитаго луннымъ свѣтомъ, тоже ни движенія, ни звука.

— То-то вотъ оно и есть, — повторилъ Иванъ Ивановичъ.—А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ въ духотѣ, въ тѣснотѣ, ищемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ—развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльничковъ, сутягъ, глупыхъ, праздныхъ жеищинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ — развѣ это не футляръ? Вотъ если желаете, то я расскажу вамъ одну очень поучительную исторію.

— Нѣтъ, ужъ пора спать, — сказалъ Буркинъ.—До завтра!

Оба пошли въ сарай и легли на сѣнѣ. И уже оба укрылись и задремали, какъ вдругъ послышались легкіе шаги: тупъ, тупъ... Кто-то ходилъ не далеко отъ сарая; пройдетъ немного и остановится, а черезъ минуту опять: тупъ, тупъ... Собаки заворчали.

— Это Мавра ходитъ, — сказалъ Буркинъ.

Шаги затихли.

— Видѣть и слышать, какъ лгать,—проговорилъ Иванъ Иванычъ, поворачиваясь на другой бокъ:—и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за теллага угла, изъ-за какого-нибудь чинишка, которому грошъ цѣна,—нѣтъ, больше жить такъ невозможно!

— Ну, ужъ это вы изъ другой оперы, Иванъ Иванычъ,—сказалъ учитель.—Давайте спать.

И минутъ черезъ десять Буркинъ уже спалъ. А Иванъ Иванычъ все ворочался съ боку на бокъ и вздыхалъ, а потомъ всталъ, опять вышелъ наружу и, сѣвши у дверей, закурилъ трубочку.

КРЫЖОВНИКЪ.

Еще съ ранняго утра все небо обложили дождевыя тучи: было тихо, не жарко и скучно, какъ бываетъ въ сѣрые пасмурные дни, когда надъ полемъ давно уже нависли тучи, ждешь дождя, а его нѣтъ. Ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ и учитель гимназiи Буркинъ уже утомились идти и поле представлялось имъ безконечнымъ. Далеко впереди еле были видны вѣтряныя мельницы села Мироносицкаго, справа тянулся и потомъ исчезалъ далеко за селомъ рядъ холмовъ, и оба они знали, что это берегъ рѣки, тамъ дуга, зеленыя нвы, усадьбы и, если стать на одинъ изъ холмовъ, то отсюда видно такое же громадное поле, телеграфъ и поѣздъ, который издали похожъ на ползущую гусеницу, а въ ясную погоду отсюда бываетъ виденъ даже городъ. Теперь, въ тихую погоду, когда вся природа казалась кроткой и задумчивой, Иванъ Ивановичъ и Буркинъ были проникнуты любовью къ этому полю и оба думали о томъ, какъ велика, какъ прекрасна эта страна.

— Въ прошлый разъ, когда мы были въ сараѣ у старосты Прокофiя,—сказалъ Буркинъ:—вы собирались разсказать какую-то исторiю.

— Да, я хотѣлъ тогда разсказать про своего брата.

Иванъ Ивановичъ протяжно вздохнулъ и закурилъ трубочку, чтобы начать разсказывать, но какъ разъ въ это время пошелъ дождь. И минутъ черезъ пять лилъ уже сильный дождь, обложной, и трудно было предвидѣть, когда онъ кончится. Иванъ Ивановичъ и Буркинъ остановились въ раздумьи; собаки, уже мокрыя, стояли, поджавъ хвосты, и смотрѣли на нихъ съ умилениемъ.

— Намъ пужно укрыться куда-нибудь, — сказалъ Буркинъ. — Пойдемте къ Алехину. Тутъ близко.

— Пойдемте.

Они свернули въ сторону и шли все по скошенному полю, то прямо, то забирая направо, пока не вышли на дорогу. Скоро показались тополи, садъ, потомъ красныя крыши амбаровъ; заблестѣла рѣка и открылся видъ на широкій плесъ съ мельницей и бѣлою купальней. Это было Софьино, гдѣ жилъ Алехинъ.

Мельница работала, заглушая шумъ дождя; плотина дрожала. Тутъ около телѣгъ стояли мокрыя лошади, понутивъ головы, и ходили люди, накрывшись мѣшками. Было сыро, грязно, неуютно, и видъ у плеса былъ холодный, злой. Иванъ Ивановичъ и Буркинъ испытывали уже чувство мокроты, нечистоты, неудобства во всемъ тѣлѣ, ноги отяжелѣли отъ грязи и, когда, пройдя плотину, они поднимались къ господскимъ амбарамъ, то молчали, точно сердились другъ на друга.

Въ одномъ изъ амбаровъ шумѣла вѣялка; дверь была открыта и изъ нея валила пыль. На порогѣ стоялъ самъ Алехинъ, мужчина лѣтъ сорока, высокій, полный, съ длинными волосами, похожій больше на профессора или художника, чѣмъ на помѣщика. На немъ была бѣлая, давно не мытая рубаха съ веревочнымъ пояскомъ, вмѣсто брюкъ кальсоны, и на сапогахъ тоже налипли грязь и солома. Носъ и глаза были черны отъ пыли. Онъ узналъ Ивана Ивановича и Буркина и, повидимому, очень обрадовался.

— Пожалуйте, господа, въ домъ, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Я сейчасъ, сію минуту.

Домъ былъ большой двухъэтажный. Алехинъ жилъ внизу въ двухъ комнатахъ со сводами и съ маленькими окнами, гдѣ когда-то жили приказчики; тутъ была обстановка простая и пахло ржанымъ хлѣбомъ, деневою водкой и соруей. Наверху же, въ парадныхъ комнатахъ, онъ бывалъ рѣдко, только когда пріѣзжали гости. Ивана Ивановича и Буркина встрѣтила въ домѣ горничная, молодая женщина, такая красивая, что они оба разомъ остановились и поглядѣли другъ на друга.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я радъ видѣть васъ, господа, — говорилъ Алехинъ, входя за ними въ переднюю. — Вотъ не ожидалъ! Пелагея, — обратился

онъ къ горничной: — дайте гостямъ переодеться во что-нибудь. Да кстати и я переоденусь. Только надо сначала пойти помыться, а то я, кажется, съ весны не мылся. Не хотите ли, господа, пойти въ купальню, а тутъ пока приготовить.

Красивая Целагея, такая деликатная и на видъ такая мягкая, принесла простыни и мыло, и Алехинъ съ гостями пошелъ въ купальню.

— Да, давно я уже не мылся, — говорилъ онъ, раздеваясь. — Купальня у меня, какъ видите, хорошая, отецъ еще строилъ, но мыться какъ-то все некогда.

Онъ сѣлъ на ступенькѣ и намылилъ свои длинные волосы и шею, и вода около него стала коричневою.

— Да, признаюсь...—проговорилъ Иванъ Ивановичъ значительно, глядя на его голову.

— Давно я уже не мылся... — повторилъ Алехинъ конфузливо и еще разъ намылится, и вода около него стала темно-синей, какъ чернила.

Иванъ Ивановичъ вышелъ наружу, бросился въ воду съ шумомъ и поплылъ подъ дождемъ, широко взмахивая руками, и отъ него шли волны и на волнахъ качались бѣлыя лилии; онъ доплылъ до самой середины плеса и нырнулъ и черезъ минуту показался на другомъ мѣстѣ и поплылъ дальше, и все нырялъ, стараясь достать дна. «Ахъ, Боже мой...», — повторялъ онъ, наслаждаясь. — Ахъ, Боже мой...» Доплылъ до мельницы, о чемъ-то поговорилъ тамъ съ мужиками и повернулъ назадъ, и на серединѣ плеса легъ, подставляя свое лицо подъ дождь. Буркинъ и Алехинъ уже одѣлись и собрались уходить, а онъ все плавалъ и нырялъ.

— Ахъ, Боже мой...—говорилъ онъ. — Ахъ, Господи помилуй.

— Будеть вамъ!—крикнулъ ему Буркинъ.

Вернулись въ домъ. И только когда въ большой гостиной наверху зажгли лампу, и Буркинъ и Иванъ Ивановичъ, одѣтые въ шелковые халаты и теплыя туфли, сидѣли въ креслахъ, а самъ Алехинъ, умытый, причесанный, въ новомъ стуртукѣ, ходилъ по гостиной, видимо, съ наслажденіемъ ощущая тепло, чистоту, сухое платье, легкую обувь, и когда красивая Целагея, безшумно ступая по ковру и мягко улыбаясь, подавала на подносѣ чай съ вареньемъ, только

тогда Иванъ Ивановичъ приступилъ къ разсказу, и казалось, что его слушали не одни только Буркинъ и Алехинъ, но также старыя и молодыя дамы и военные, спѣкойно и строго глядѣвшіе изъ золотыхъ рамъ.

— Насъ два брата,—началь онъ:—я, Иванъ Ивановичъ, и другой—Николай Ивановичъ, года на два помоложе. Я пошелъ по ученой части, сталъ ветеринаромъ, а Николай уже съ девятнадцати лѣтъ сидѣлъ въ казенной палатѣ. Нашъ отецъ Чимша-Гималайскій былъ изъ кантонистовъ, по, выслуживъ офицерскій чинъ, оставилъ намъ потомственное дворянство и имѣньишко. Послѣ его смерти имѣньишко у насъ оттягали за долги, но, какъ бы ни было, дѣтство мы провели въ деревнѣ на волѣ. Мы все равно, какъ крестьянскія дѣти, дни и ночи проводили въ полѣ, въ лѣсу, стерегли лошадей, драли лыко, ловили рыбу и прочее тому подобное... А вы знаете, кто хоть разъ въ жизни поймалъ ерша, или видѣлъ осенью перелетныхъ дроздовъ, какъ они въ ясные, прохладные дни носятся стаями надъ деревней, тотъ уже не городской житель и его до самой смерти будетъ потягивать на волю. Мой братъ тосковалъ въ казенной палатѣ. Годы проходили, а онъ все сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, писалъ все тѣ же бумаги и думалъ все объ одномъ и томъ же, какъ бы въ деревню. И эта тоска у него мало-по-малу вылилась въ опредѣленное желаніе, въ мечту купить себѣ маленькую усадобку гдѣ-нибудь на берегу рѣки или озера.

Онъ былъ добрый, кроткій человекъ, я любилъ его, но этому желанію запретъ себя на всю жизнь въ собственную усадьбу я никогда не сочувствовалъ. Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но вѣдь три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорятъ также теперь, что если наша интеллигенція имѣетъ тяготѣніе къ землѣ и стремится въ усадьбы, то это хорошо. Но вѣдь эти усадьбы тѣ же три аршина земли. Уходитъ изъ города, отъ борьбы, отъ житейскаго шума, уходитъ и прятаться у себя въ усадьбѣ — это не жизнь, это эгоизмъ, лѣнь, это своего рода монашество, но монашество безъ подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа.

Братъ мой Николай, сидя у себя въ канцеляріи, мечталъ

о томъ, какъ онъ будетъ ѣсть свои собственныя щи, отъ которыхъ идетъ такой вкусный запахъ по всему двору, ѣсть на зеленой травкѣ, спать на солнышкѣ, сидѣть по цѣлымъ часамъ за воротами на лавочкѣ и глядѣть на поле и лѣсъ. Сельско-хозяйственныя книжки и всякіе эти совѣты въ календаряхъ составляли его радость, любимую духовную пищу: онъ любилъ читать и газеты, но читалъ въ нихъ одни только объявленія о томъ, что продаются столько-то десятинъ пашни и дуга съ усадьбой, рѣкой, садомъ, мельницей, съ проточными прудами. И рисовались у него въ головѣ дорожки въ саду, цвѣты, фрукты, скворешни, караси въ прудахъ и, знаете, всякая эта штука. Эти воображаемыя картины были различны, смотря по объявленіямъ, которыя попадались ему, но почему-то въ каждой изъ нихъ непременно былъ крыжовникъ. Ни одной усадьбы, ни одного поэтического угла онъ не могъ себѣ представить безъ того, чтобы тамъ не было крыжовника.

— Деревенская жизнь имѣетъ свои удобства, — говорилъ онъ бывало. — Сидишь на балконѣ, пьешь чай, а на прудѣ твои уточки плаваютъ, пахнетъ такъ хорошо и... и крыжовникъ растетъ.

Онъ чертилъ планъ своего имѣнія и всякій разъ у него на планѣ выходило одно и то же: а) барскій домъ, б) людская, в) огородъ, г) крыжовникъ. Жилъ онъ скупо: не доѣдалъ, не дошивалъ, одѣвался Богъ знаетъ какъ, словно нищій, и все копилъ и клалъ въ банкъ. Страшно жадничалъ. Миѣ было больно глядѣть на него, и я кое-что давалъ ему и посылалъ на праздникахъ, но онъ и это пряталъ. Ужъ коли задался человѣкъ идеей, то ничего не подѣлаешь.

Годы шли, перевели его въ другую губернію, минуло ему уже сорокъ лѣтъ, а онъ все читалъ объявленія въ газетахъ и копилъ. Потомъ, слышу, женился. Все съ тою же цѣлью, чтобы купить себѣ усадьбу съ крыжовникомъ, онъ женился на старой, некрасивой вдовѣ, безъ всякаго чувства, а только потому, что у нея водились деньжонки. Онъ и съ ней тоже жилъ скупо, держалъ ее впроголодь, а деньги ея положили въ банкъ на свое имя. Раньше она была за почтмейстеромъ и привыкла у него къ пирогамъ и къ наливкамъ, а у второго мужа и хлѣба чернаго не видала вдоволь; стала чахнуть отъ такой жизни, да года черезъ три взяла и от-

дала Богу душу. И конечно, братъ мой ни одной минуты не подумалъ, что онъ виноватъ въ ея смерти. Деньги, какъ вода, дѣлають человека чудакомъ. У насъ въ городѣ умирали кунецъ. Передъ смертью приказалъ подать себѣ тарелку меду и съѣлъ все свои деньги и вингрийские билеты вмѣстѣ съ медомъ, чтобы никому не досталось. Какъ-то на вокзалѣ я осматривалъ гурты, и въ это время одинъ барышникъ попалъ подъ локомотивъ и ему отрѣзало ногу. Несемъ мы его въ пріемный покой, кровь льетъ — страшное дѣло, а онъ все проситъ, чтобы ногу его отыскали, и все безыкопнется; въ саногѣ на отрѣзанной ногѣ двадцать рублей, какъ бы не пропали.

— Это вы ужъ изъ другой оперы, — сказалъ Буркинъ.

— Послѣ смерти жены, — продолжалъ Иванъ Ивановичъ, подумавъ полминуты: — братъ мой сталъ высматривать себѣ имѣніе. Конечно, хотѣ пять лѣтъ высматривай, но все же въ концѣ концовъ ошибенся, и купилъ совсѣмъ не то, о чемъ мечталъ. Братъ Николай черезъ комиссіонера, съ переводомъ долга, купилъ сто двѣнадцать десятинъ съ барскимъ домомъ, съ людскою, съ паркомъ, но ни фруктоваго сада, ни крыжовника, ни прудовъ съ уточками: была рѣка, но вода въ ней дѣвтомъ какъ кофе, потому что по одну сторону имѣнія кирпичный заводъ, а по другую — костональный. Но мой Николай Ивановичъ мало печалился: онъ выписалъ себѣ двадцать кустовъ крыжовника, посадилъ и зажилъ помѣщикомъ.

Въ прошломъ году я поѣхалъ къ нему провѣдать. Побѣду, думаю, посмотрю, какъ и что тамъ. Въ письмахъ своихъ братъ называлъ свое имѣніе такъ: Чумбароклова Пустошь, Гималайское тожъ. Приѣхалъ я въ «Гималайское тожъ» послѣ полудня. Было жарко. Вездѣ канавы, заборы, изгороди, посажены рядами елки, — и не знаешь, какъ проѣхать во дворъ, куда поставить лошадь. Иду къ дому, а навстрѣчу мнѣ рыжая собака, толстая, похожая на свинью. Хочется ей лаять, да лѣнь. Вышла ихъ кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью, и сказала, что баринъ отдыхаетъ послѣ обѣда. Вхожу къ брату, онъ сидитъ въ постели, колѣни покрыты одѣяломъ; постарѣлъ, расплывѣлъ, обрѣзтъ; щеки, носъ и губы тянутся впередъ, — того и гляди, хрюкнетъ въ одѣяло.

Мы обнялись и вслакнули отъ радости и отъ грустной

мысли, что когда-то были молоды, а теперь оба сѣды и умирать пора. Онъ одѣлся и повелъ меня показывать свое имѣніе.

— Ну, какъ ты тутъ поживаешь?—спросилъ я.

— Да ничего, слава Богу, живу хорошо.

Это ужъ былъ не прежній робкій бѣдняга чиновникъ, а настоящій помѣщикъ, баринъ. Онъ ужъ обжился тутъ, привыкъ и вошелъ во вкусъ; кушалъ много, въ банѣ мылся, полнѣлъ, уже судился съ обществомъ и съ обоими заводами, и очень обижался, когда мужики не называли его «ваше высокоблагородіе». Но душѣ своей заботился солидно, по-барски, и добрыя дѣла творилъ не просто, а съ важностью. А какія добрыя дѣла? Лѣчилъ мужиковъ отъ всѣхъ болѣзней содой и касторкой, и въ день своихъ именинъ служилъ среди деревни благодарственный молебень, а потомъ ставилъ полведра, думалъ, что такъ нужно. Ахъ, эти ужасныя полведра! Сегодня толстый помѣщикъ тащить мужиковъ къ земскому начальнику за поправу, а завтра, въ торжественный день, ставить имъ полведра, а они пьютъ и кричатъ ура, и пьяные кланяются ему въ ноги. Перемѣна жизни къ лучшему, сытость, праздность, развиваютъ въ русскомъ человѣкѣ самоимѣніе, самое наглое. Николай Ивановичъ, который когда-то въ казенной палатѣ боялся даже для себя лично имѣть собственные взгляды, теперь говорилъ однѣ только истины, и такимъ тономъ, точно министръ. «Образованіе необходимо, но для народа оно преждевременно», «тѣлесныя наказанія вообще вредны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они полезны и незамѣнимы».

— Я знаю народъ и умѣю съ нимъ обращаться,—говорилъ онъ.— Меня народъ любитъ. Стоитъ мнѣ только пальцемъ шевельнуть, и для меня народъ сдѣлаетъ все, что захочу.

И все это, замѣтите, говорилось съ умной, доброю улыбкой. Онъ разъ двадцать повторилъ: «мы дворяне», «я, какъ дворянинъ»; очевидно, уже не помнилъ, что дѣдъ нашъ былъ мужикъ, а отецъ—солдатъ. Даже наша фамилія Чимша-Гималайскій, въ сущности несообразная, казалась ему теперь звучной, знатной и очень приятной.

Но дѣлю не въ немъ, а во мнѣ самомъ. Я хочу вамъ рассказать, какая перемѣна произошла во мнѣ въ эти немногіе часы, пока я былъ въ его усадьбѣ. Вечеромъ, когда

мы пили чай, кухарка подала къ столу полную тарелку крыжовнику. Это былъ не купленный, а свой собственный крыжовникъ, собранный въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ были посажены кусты. Николай Ивановичъ засмѣялся и минуту глядѣлъ на крыжовникъ, молча, со слезами, — онъ не могъ говорить отъ волненія, потомъ положилъ въ ротъ одну ягоду, поглядѣлъ на меня съ торжествомъ ребенка, который, наконецъ, получилъ свою любимую игрушку, и сказалъ:

— Какъ вкусно!

И онъ съ жадностью ѣлъ и все повторялъ:

— Ахъ, какъ вкусно! Ты попробуй!

Было жестко и кисло, но, какъ сказалъ Пушкинъ, «тѣмъ истиннѣ намъ дороже насъ возвышающій обманъ». Я видѣлъ счастливаго человѣка, завѣтная мечта котораго осуществилась такъ очевидно, который достигъ цѣли въ жизни, получилъ то, что хотѣлъ, который былъ доволенъ своею судьбой, самимъ собой. Къ моимъ мыслямъ о человѣческомъ счастьи всегда почему-то примѣшивалось что-то грустное, теперь же, при видѣ счастливаго человѣка, мною овладѣло тяжелое чувство, близкое къ отчаянію. Особенно тяжело было ночью. Мнѣ постлали постель въ комнатѣ рядомъ съ спальней брата, и мнѣ было слышно, какъ онъ не спалъ и какъ вставалъ и подходилъ къ тарелкѣ съ крыжовникомъ и бралъ по ягодкѣ. Я соображалъ: какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемеріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе: изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмутился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно танцуютъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только иѣмая статистика: столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито, столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія... И такой порядокъ, очевидно, нуженъ;

очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій типозъ. Надо, чтобы за дверью каждаго довольнаго счастливаго человѣка, стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажетъ ему свои когти, стрисется бѣда—болѣзнь, бѣдность, потери, и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ. Но человѣка съ молоточкомъ нѣтъ, счастливый живетъ себѣ, и мелкія житейскія заботы волнуютъ его слегка, какъ вѣтеръ осину—и все обстоитъ благополучно.

— Въ ту ночь мнѣ стало понятно, какъ я тоже былъ доволенъ и счастливъ,— продолжалъ Иванъ Ивановичъ, вставая.—Я тоже за обѣдомъ и на охотѣ изучалъ, какъ жить, какъ вѣрвать, какъ управлять народомъ. Я тоже говорилъ, что ученіе свѣтъ, что образованіе необходимо, но для простыхъ людей пока довольно одной грамоты. Свобода есть благо, говорилъ я, безъ нея нельзя, какъ безъ воздуха, но надо подождать. Да, я говорилъ такъ, а теперь спрашиваю: во имя чего ждать? — спросилъ Иванъ Ивановичъ, сердито глядя на Буркина.—Во имя чего ждать, я васъ спрашиваю? Во имя какихъ соображеній? Мнѣ говорятъ, что не все сразу, всякая идея осуществляется въ жизни постепенно, въ свое время. Но кто это говоритъ? Гдѣ доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядокъ вещей, на законность явленій, но есть ли порядокъ и законность въ томъ, что я, живой, мыслящій человѣкъ, стою надо рвомъ и жду, когда онъ заростетъ самъ, или затащеть его плоть, въ то время какъ, быть-можетъ, я могъ бы перескочить черезъ него или построить черезъ него мостъ? И опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нѣтъ силъ жить, а между тѣмъ жить нужно и хочется жить!

Я уѣхалъ тогда отъ брата рано утромъ, и съ тѣхъ поръ для меня стало невыносимо бывать въ городѣ. Меня угнетаютъ тишина и спокойствіе, я боюсь смотрѣть на окна, такъ какъ для меня теперь нѣтъ болѣе тяжелаго зрѣлища, какъ счастливое семейство, сидящее вокругъ стола и пьющее чай. Я уже старъ и не гожусь для борьбы, я неспособенъ даже ненавидѣть. Я только скорблю душевно, раздражаюсь,

досадую, но ночамъ у меня горитъ голова отъ наплыва мыслей, и я не могу спать... Ахъ, если бѣ я былъ молодѣ!

Иванъ Ивановичъ прошелся въ волненіи изъ угла въ уголъ и повторилъ:

— Если бѣ я былъ молодѣ!

Онъ вдругъ подошелъ къ Алехину и сталъ пожимать ему то одну руку, то другую.

— Павелъ Константиновичъ, — проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ:— не успокаивайтесь, не давайте усыпить себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно его быть, а если въ жизни есть смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ. Дѣлайте добро!

И все это Иванъ Ивановичъ проговорилъ съ жалкой, просящею улыбкой, какъ будто просилъ лично для себя.

Потомъ всѣ трое сидѣли въ креслахъ, въ разныхъ концахъ гостиной, и молчали. Разсказъ Ивана Ивановича не удовлетворилъ ни Буркина, ни Алехина. Когда изъ золотыхъ рамъ глядѣли генералы и дамы, которые въ сумеркахъ казались живыми, слушать разсказъ про бѣдлаго чиновника, который былъ крыжовникъ, было скучно. Хотѣлось почему-то говорить и слушать про изящныхъ людей, про женщинъ. И то, что они сидѣли въ гостиной, гдѣ все — и люстра въ чехлѣ, и кресла, и ковры подъ ногами, говорили, что здѣсь когда-то ходили, сидѣли, пили чай вотъ эти самые люди, которые глядѣли теперь изъ рамъ, и то, что здѣсь теперь безшумно ходила красивая Пелагея, — это было лучше всякихъ разсказовъ.

Алехину сильно хотѣлось спать; онъ всталъ по хозяйству рано, въ третьемъ часу утра, и теперь у него слипались глаза, но онъ боялся, какъ бы гости не стали безъ него разсказывать что-нибудь интересное, и не уходилъ. Умно ли, справедливо ли было то, что только-что говорилъ Иванъ Ивановичъ, онъ не вникалъ; гости говорили не о крупѣ, не о снѣгѣ, не о дегтѣ, а о чемъ-то, что не имѣло прямого отношенія къ его жизни, и онъ былъ радъ и хотѣлъ, чтобы они продолжали...

— Однако, пора спать, — сказала Буркина, поднимаясь. — Позвольте пожелать вамъ спокойной ночи.

Алехинъ простился и ушелъ къ себѣ внизъ, а гости оста-

лись наверху. Имъ обонявъ отвели на ночь большую комнату, гдѣ стояли двѣ старыя деревянныя кровати съ рѣзными украшеніями и въ углу было распятіе изъ слоновой кости; отъ ихъ постелей, широкихъ, прохладныхъ, которыя постилала красивая Пелагея, пріятно пахло свѣжимъ обльемъ.

Иванъ Ивановичъ молча раздѣлся и легъ.

— Господи, прости насъ грѣшныхъ! — проговорилъ онъ и укрылся съ головой.

Отъ его трубочки, лежавшей на столѣ, сильно пахло табачнымъ перегаромъ, и Буркинъ долго не спалъ и все никакъ не могъ понять, откуда этотъ тяжелый запахъ.

Дождь стучалъ въ окна всю ночь.

О Л Ю Б В И.

На другой день къ завтраку подавали очень вкусныя пирожки, раковъ и бараньи котлеты; и пока Фли. приходилъ наверхъ поварь Никаноръ справился, что гости желаютъ къ обѣду. Это былъ человекъ средняго роста, съ пухлымъ лицомъ и маленькими глазами, бритый, и, казалось, что усы у него были не бриты, а выщипаны.

Алехинъ разсказалъ, что красивая Целагея была влюблена въ этого повара. Такъ какъ онъ былъ пьяница и буйнаго нрава, то она не хотѣла за него замужъ, но соглашалась жить такъ. Онъ же былъ очень набоженъ, и религіозныя убѣжденія не позволяли ему жить такъ; онъ требовалъ, чтобы она шла за него, и иначе не хотѣлъ, и бранилъ ее, когда бывалъ пьянъ, и даже билъ. Когда онъ бывалъ пьянъ, она пряталась наверху и рыдала, и тогда Алехинъ и прислуга не уходили изъ дому, чтобы защитить ее въ случаѣ надобности.

Стали говорить о любви.

— Какъ зарождается любовь,—сказалъ Алехинъ,—почему Целагея не полюбила кого-нибудь другого, болѣе подходящаго къ ней по ея душевнымъ и внѣшнимъ качествамъ, а полюбила именно Никанора, этого мурло,—тутъ у насъ все зовутъ его мурломъ.—поскольку въ любви важны вопросы личнаго счастья—все это неизвѣстно и обо всемъ этомъ можно трактовать какъ угодно. До сихъ поръ о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что «тайна сія велика есть», все же остальное, что писали и говорили о любви, было не рѣшеніемъ, а только постановкой вопросовъ, которые такъ и оставались

неразрѣшенными. То объясненіе, которое, казалось бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти другихъ, и самое лучшее, по-моему, — это объяснять каждый случай въ отдѣльности, не пытаясь обобщать. Надо, какъ говорятъ доктора, индивидуализировать каждый отдѣльный случай.

— Совершенно вѣрно, — согласился Буркинъ.

— Мы, русскіе, порядочные люди, питаемъ пристрастіе къ этимъ вопросамъ, остающимся безъ разрѣшенія. Обыкновенно любовь поэтизируютъ, украшаютъ ее розами, соловьями, мы же, русскіе, украшаемъ нашу любовь этими роковыми вопросами, и притомъ выбираемъ изъ нихъ самые неинтересные. Въ Москвѣ, когда я еще былъ студентомъ, у меня была подруга жизни, милая дама, которая всякій разъ, когда я держалъ ее въ объятіяхъ, думала о томъ, сколько я буду выдавать ей въ мѣсяць и почему теперь говядина за фунтъ. Такъ и мы; когда любимъ, то не перестаемъ задавать себѣ вопросы: честно это, или не честно, умно, или глупо, къ чему поведетъ эта любовь и такъ далѣе. Хорошо это, или нѣтъ, я не знаю, но что это мѣшаетъ, не удовлетворяетъ, раздражаетъ — это я знаю.

Было похоже, что онъ хочетъ что-то разсказать. У людей, живущихъ одиноко, всегда бываетъ на душѣ что-нибудь такое, что они охотно бы разсказали. Въ городѣ холостяки нарочно ходятъ въ баню и въ рестораны, чтобы только поговорить, и иногда разсказываютъ банщикамъ, или официантамъ очень интересныя исторіи, въ деревнѣ же обыкновенно они изливаютъ душу передъ своими гостями. Теперь въ окна было видно сѣрое небо и деревья, мокрая отъ дождя, въ такую погоду некуда было дѣваться и ничего больше не оставалось, какъ только разсказывать и слушать.

— Я живу въ Софійѣ и занимаюсь хозяйствомъ уже давно, — началъ Алексинъ, — съ тѣхъ поръ, какъ кончилъ въ университетѣ. По воспитанію я бѣлоручка, по наклонностямъ — кабинетный человекъ, но на имѣніи, когда я пріѣхалъ сюда, былъ большой долгъ, а такъ какъ отецъ мой задолжалъ отчасти потому, что много тратилъ на мое образованіе, то я рѣшилъ, что не уѣду отсюда и буду работать, пока не уплачу этого долга. Я рѣшилъ такъ и началъ тутъ работать, признаюсь, не безъ нѣкотораго отвра-

щенія. Здѣшняя земля дастъ немного и, чтобы сельское хозяйство было не въ убытокъ, нужно пользоваться трудомъ крѣпостныхъ, или наемныхъ батраковъ, что почти одно и то же, или же вести свое хозяйство на крестьянскій задѣлъ, то-есть работать въ полѣ самому, со своей семьей. Середины тутъ нѣтъ. Но я тогда не вдавался въ такія тонкости. Я не оставлялъ въ покоѣ ни одного клочка земли, я стоялъ всѣхъ мужиковъ и бабъ изъ сосѣднихъ деревень, работа у меня тутъ кнѣзья пенсовая; я самъ тоже пахалъ, сѣялъ, косилъ и при этомъ скучалъ и брезгливо морщился, какъ деревенская кошка, которая дѣлъ голоду феть на огородѣ огурцы; тѣло мое болѣло, и я спалъ на холу. Въ первое время мнѣ казалось, что эту рабочую жизнь я могу легко помирить со своими культурными привычками; для этого стоить только, думалъ я, держаться въ жизни извѣстнаго виѣшняго порядка. Я поселился тутъ наверху, въ парадныхъ комнатахъ, и завелъ такъ, что послѣ завтрака и обѣда мнѣ подавали кофе съ ликерами и, ложась спать, я читалъ на ночь «Вѣстникъ Европы». Но какъ-то пришелъ нашъ батюшка, отецъ Иванъ, и въ одинъ присѣвъ вынулъ всѣ мои ликеры; и «Вѣстникъ Европы» пошелъ тоже къ поповнамъ, такъ какъ лѣтомъ, особенно во время покоса, я не успѣвалъ добраться до своей постели и засыпалъ въ сараѣ въ саяняхъ, или гдѣ-нибудь въ лѣсной сторожкѣ, — какое ужъ тутъ чтеніе? Я мало-по-малу перебрался внизъ, сталъ обѣдать въ людской кухнѣ, и изъ прежней роскоши у меня осталась только вся эта прислуга, которая еще служила моему отцу и которую уволить мнѣ было бы больно.

Въ первые же годы меня здѣсь выбрали въ почетные мировые судьи. Кое-когда приходилось наѣзжать въ городъ и принимать участіе въ засѣданіяхъ сѣзда и окружного суда, и это меня развлекало. Когда поживешь здѣсь безвыѣздно мѣсяца два-три, особенно зимой, то въ концѣ-концовъ начинаешь тосковать по черномъ сюртукѣ. А въ окружномъ судѣ были и сюртуки, и мундиры, и фраки, все юристы, люди, получившіе общее образованіе; было съ кѣмъ поговорить. Послѣ снанья въ саяняхъ, послѣ людской кухни сидѣть въ креслѣ, въ чистомъ бѣльѣ, въ легкихъ ботинкахъ, съ цѣпью на груди—это такая роскошь!

Въ городѣ меня принимали радушно, я охотно знаке-

мился. И изъ всѣхъ знакомствъ самымъ основательнымъ и, правду сказать, самымъ пріятнымъ для меня было знакомство съ Лугановичемъ, товарищемъ предсѣдателя окружного суда. Его вы знаете оба: милѣйшая личность. Это было какъ разъ послѣ знаменитаго дѣла поджигателей; разбирательство продолжалось два дня, мы были утомлены. Лугановичъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Знаете что? Пойдемте ко мнѣ обѣдать.

Это было неожиданно, такъ какъ съ Лугановичемъ я былъ знакомъ мало, только официально, и ни разу у него не былъ. Я только на минутку зашелъ къ себѣ въ номеръ, чтобы переодѣться, и отправился на обѣдъ. И тутъ мнѣ представился случай познакомиться съ Анной Алексѣвной, женой Лугановича. Тогда она была еще очень молода, не старше двадцати двухъ лѣтъ, и за полгода до того у нея родился первый ребенокъ. Дѣло прошлое, и теперь бы я затруднился опредѣлить, что собственно въ ней было такого необыкновеннаго, что мнѣ такъ понравилось въ ней, тогда же за обѣдомъ для меня все было неотразимо ясно; я видѣлъ женщину молодую, прекрасную, добрую, интеллигентную, обаятельную, женщину, какой я раньше никогда не встрѣчалъ; и сразу я почувствовалъ въ ней существо близкое, уже знакомое, точно это лицо, эти привѣтливые, умные глаза я видѣлъ уже когда-то въ дѣтствѣ, въ альбомѣ, который лежалъ на комодѣ у моей матери.

Въ дѣлѣ поджигателей обвинили четырехъ евреевъ, признали шайку и, по-моему, совсѣмъ неосновательно. За обѣдомъ я очень волновался, мнѣ было тяжело, и ужъ не помню, что я говорилъ, только Анна Алексѣвна все покачивала головой и говорила мужу:

— Дмитрій, какъ же это такъ?

Лугановичъ—это добрякъ, одинъ изъ тѣхъ простодушныхъ людей, которые крѣпко держатся мнѣнія, что разъ человекъ попалъ подъ судъ, то, значить, онъ виноватъ, и что выражать сомнѣніе въ правильности приговора можно не иначе, какъ въ законномъ порядкѣ, на бумагѣ, но никакъ не за обѣдомъ и не въ частномъ разговорѣ.

— Мы съ вами не поджигали, — говорилъ онъ мягко, — и вотъ насъ же не судятъ, не сажаютъ въ тюрьму.

И оба, мужъ и жена, старались, чтобы я побольше ѣлъ и пилъ; но нѣкоторымъ мелочамъ, по тому, напримѣръ,

какъ оба они вмѣстѣ варили кофе, и по тому, какъ они понимали другъ друга съ полусловъ, я могъ заключить, что живутъ они мирно, благополучно и что они рады гостю. Послѣ обѣда играли на роялѣ въ четыре руки, потомъ стало темно, и я уѣхалъ къ себѣ. Это было въ началѣ весны. Затѣмъ все лѣто провелъ я въ Софьинѣ безвыѣздно, и было мнѣ некогда даже подумать о городѣ, но воспоминаніе о стройной бѣлокурой женщинѣ оставалось во мнѣ всѣ дни; я не думалъ о ней, но точно легкая тѣнь ея лежала на моей душѣ.

Позднею осенью въ городѣ былъ спектакль съ благотворительной цѣлью. Вхожу я въ губернаторскую ложу (меня пригласили туда въ антрактѣ), смогрю—рядомъ съ губернаторшей Анна Алексѣевна, и опять то же самое неотразимое, быющее впечатлѣніе красоты и милыхъ ласковыхъ глазъ, и опять то же чувство близости.

Мы сидѣли рядомъ, потому ходили въ фойѣ.

— Вы похудѣли,—сказала она.—Вы были больны?

— Да. У меня простужено плечо и въ дождливую погоду я дурно сплю.

— У васъ вялый видъ. Тогда, весной, когда вы приходили обѣдать, вы были моложе, бодрѣе. Вы тогда были воодушевлены и много говорили, были очень интересны и, признаюсь, я даже увлеклась вами немножко. Почему-то часто въ теченіе лѣта вы приходили мнѣ на память и сегодня, когда я собиралась въ театръ, мнѣ казалось, что я васъ увижу.

И она засмѣялась.

— Но сегодня у васъ вялый видъ,—повторила она.— Это васъ старить.

На другой день я завтракала у Лугановичей; послѣ завтрака они поѣхали къ себѣ на дачу, чтобы распорядиться тамъ насчетъ зимы, и я съ ними. Съ ними же вернулся въ городъ и въ полночь пить у нихъ чай въ тихой, семейной обстановкѣ, когда горѣлъ каминъ и молодая мать все уходила взглянуть, спитъ ли ея дѣвочка. И послѣ этого въ каждый свой прїѣздъ я непременно бывалъ у Лугановичей. Ко мнѣ привыкли, и я привыкъ. Обыкновенно входилъ я безъ доклада, какъ свой человѣкъ.

— Кто тамъ?—слышался изъ дальнихъ комнатъ протяжный голосъ, который казался мнѣ такимъ прекраснымъ.

— Это Павелъ Константинычъ, — отвѣчала торжественная или князя.

Анна Алексѣевна выходила къ нему съ озабоченнымъ лицомъ и всякій разъ спрашивала его:

— Почему васъ такъ долго не было? Случилось что-нибудь?

Ея взглядъ, изящная, благородная рука, которую она подавала ему, ея домашнее платье, прическа, голосъ, шаги всякій разъ производили на меня все то же впечатлѣніе чего-то новаго, необыкновеннаго въ моей жизни и важнаго. Мы бесѣдовали подолгу и подолгу молчали, думая каждый о своемъ, или же она играла ему на роялѣ. Если же ничего не было дома, то я оставался и ждалъ, разговаривалъ съ няней, игралъ съ ребенкомъ, или же въ кабинетѣ лежалъ на турецкомъ диванѣ и читалъ газету, а когда Анна Алексѣевна возвращалась, то я встрѣчалъ ее въ передней, бралъ отъ нея все ея покупки, и почему-то всякій разъ эти покупки я несъ съ такою любовью, съ такимъ торжествомъ, точно мальчикъ.

Есть пословица: не было у бабы хлопотъ, такъ купила порося. Не было у Лугановичей хлопотъ, такъ подружился они со мной. Если я долго не прѣзжалъ въ городъ, то, значить, я былъ боленъ, или что-нибудь случилось со мной, и они оба сильно беспокоились. Они беспокоились, что я, образованный человекъ, знающій языки, вмѣсто того, чтобы заниматься наукой или литературнымъ трудомъ, живу въ деревнѣ, верчусь, какъ бѣлка въ колесѣ, много работаю, но всегда безъ гроша. Имъ казалось, что я страдаю и, если я говорю, смѣюсь, ѣмъ, то только для того, чтобы скрыть свои страданія, и даже въ веселыя минуты, когда ему было хорошо, я чувствовалъ на себѣ ихъ пытливые взгляды. Они были особенно трогательны, когда ему въ самомъ дѣлѣ приходилось тяжело, когда меня притѣснялъ какой-нибудь кредиторъ, или не хватало денегъ для срочнаго платежа; оба, мужъ и жена, шептались у окна, потомъ онъ подходилъ ко мнѣ и съ серьезнымъ лицомъ говорилъ:

— Если вы, Павелъ Константинычъ, въ настоящее время нуждаетесь въ деньгахъ, то я и жена просимъ васъ не стѣсняться и взять у насъ.

И уши краснѣли у него отъ волненія. А случилось, что

точно так же, пошептавшись у окна, онъ подошелъ къ мнѣ, съ красными ушами, и говорилъ:

— Я и жена убѣдились, но просимъ васъ принять отъ насъ вотъ этотъ подарокъ.

И подавалъ запонки, портсигаръ и лампу; и я за это присылалъ имъ изъ деревни битую птицу, масло и цвѣты. Кстати сказать, оба они были состоятельные люди. Въ первое время я часто бралъ займы и былъ не особенно разборчивъ, бралъ, гдѣ только возможно, но никакія силы не заставили бы меня взять у Лугановичей. Да что говорить объ этомъ!

Я былъ несчастливъ. И дома, и въ полѣ, и въ сараѣ я думалъ о ней, я старался понять тайну молодой, красивой, умной женщины, которая выходитъ за неинтереснаго человѣка, почти за старика (мужу было больше сорока лѣтъ), имѣть отъ него дѣтей,—понять тайну этого неинтереснаго человѣка, добряка, простяка, который разсуждаетъ съ такимъ скучнымъ здравомысліемъ, на балахъ и вечеринкахъ держится около солидныхъ людей, вялый, ненужный, съ покорнымъ безучастнымъ выраженіемъ, точно его привели сюда продавать, который вѣрить, однако, въ свое право быть счастливымъ, имѣть отъ нея дѣтей; и я все старался понять, почему она встрѣтилась именно ему, а не мнѣ, и для чего это нужно было, чтобы въ нашей жизни произошла такая ужасная ошибка.

А прѣзжая въ городъ, я всякій разъ по ея глазамъ видѣлъ, что она ждала меня; и она сама признавалась мнѣ, что еще съ утра у нея было какое-то особенное чувство. Она угадывала, что я прѣйду. Мы подолгу говорили, молчали, но мы не признавались другъ другу въ нашей любви и скрывали ее робко, ревниво. Мы боялись всего, что могло бы открыть нашу тайну намъ же самимъ. Я любилъ нѣжно, глубоко, но я разсуждалъ, я спрашивалъ себя, къ чему можетъ повести наша любовь, если у насъ не хватитъ силъ бороться съ нею; мнѣ казалось невѣроятнымъ, что эта моя тихая, грустная любовь вдругъ грубо оборветъ счастливое теченіе жизни ея мужа, дѣтей, всего этого дома, гдѣ меня такъ любили и гдѣ мнѣ такъ вѣрили. Честно ли это? Она пошла бы за мной, но куда? Куда бы я могъ увести ее? Другое дѣло, если бы у меня была красивая интересная жизнь, если бы я, напримѣръ, боролся за осво-

боженіе родины, или былъ знаменитымъ ученымъ, артистомъ, художникомъ, а то вѣдь изъ одной обычной, будничной обстановки пришлось бы увлечь ее въ другую такую же, или еще болѣе будничную. И какъ бы долго продолжалось наше счастье? Что было бы съ ней въ случаѣ моей болѣзни, смерти, или, просто, если бы мы разлюбили другъ друга?

И она, повидимому, разсуждала подобнымъ же образомъ. Она думала о мужѣ, о дѣтяхъ, о своей матери, которая любила ее мужа, какъ сына. Если бъ она отдалась своему чувству, то пришлось бы лгать, или говорить правду, а въ ея положеніи то и другое было бы одинаково страшно и неудобно. И ее мучилъ вопросъ: принесетъ ли мнѣ счастье ея любовь, не осложнитъ ли она моей жизни, и безъ того тяжелой, полной всякихъ несчастій? Ей казалось, что она уже недостаточно молода для меня, недостаточно трудолюбива и энергична, чтобы начать новую жизнь, и она часто говорила съ мужемъ о томъ, что мнѣ нужно жениться на умной, достойной дѣвушкѣ, которая была бы хорошей хозяйкой, помощницей, — и тотчасъ же добавляла, что во всемъ городѣ едва ли найдется такая дѣвушка.

Между тѣмъ годы шли. У Анны Алексѣвны было уже двое дѣтей. Когда я приходилъ къ Лутановичамъ, прислуга улыбалась привѣтливо, дѣти кричали, что пришелъ дядя Павелъ Константиновичъ, и вѣшались мнѣ на шею; всѣ радовались. Не понимали, что дѣлалось въ моей душѣ, и думали, что я тоже радуюсь. Всѣ видѣли во мнѣ благородное существо. И взрослые, и дѣти чувствовали, что по комнатѣ ходитъ благородное существо, и это вносило въ ихъ отношенія ко мнѣ какую-то особую прелесть, точно въ моемъ присутствіи и ихъ жизнь была чище и красивѣе. Я и Анна Алексѣвна ходили вмѣстѣ въ театръ, всякій разъ пѣшкомъ; мы сидѣли въ креслахъ рядомъ, плечи наши касались, я молча бралъ изъ ея рукъ бинокль и въ это время чувствовалъ, что она близка мнѣ, что она моя, что намъ нельзя другъ безъ друга, но, по какому-то странному недоразумѣнію, выйдя изъ театра, мы всякій разъ прощались и расходились, какъ чужіе. Въ городѣ уже говорили о насъ. Богъ знаетъ что, но изъ всего, что говорили, не было ни одного слова правды.

Въ послѣдніе годы Анна Алексѣвна стала чаще уѣзжать то къ матери, то къ сестрѣ; у нея уже бывало дурное на-

строение, являлось сознание неудовлетворенной, испорченной жизни, когда не хотѣлось видѣть ни мужа, ни дѣтей. Она уже лѣчилась отъ разстройства нервовъ.

Мы молчали и все молчали, а при постороннихъ она испытывала какое-то странное раздраженіе противъ меня; о чемъ бы я ни говорилъ, она не соглашалась со мной, и если я спорилъ, то она принимала сторону моего противника. Когда я ронялъ что-нибудь, то она говорила холодно:

— Поздравляю васъ.

Если, идя съ ней въ театръ, я забывалъ взять бинокль, то потомъ она говорила:

— Я такъ и знала, что вы забудете.

Къ счастью, или къ несчастью, въ нашей жизни не бываетъ ничего, что не кончалось бы рано или поздно. Наступило время разлуки, такъ какъ Лугановича назначили предсѣдателемъ въ одной изъ западныхъ губерній. Нужно было продавать мебель, лошадей, дачу. Когда ѣздили на дачу и потомъ возвращались и оглядывались, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на садъ, на зеленую крышу, то было вѣсьмъ грустно, и я понималъ, что пришла пора прощаться не съ одной только дачей. Было рѣшено, что въ концѣ августа мы проводимъ Анну Алексѣвну въ Крымъ, куда посылали ее доктора, а немного погодя уѣдетъ Лугановичъ съ дѣтьми въ свою западную губернію.

Мы провожали Анну Алексѣвну большой толпой. Когда она уже простилась съ мужемъ и дѣтьми и до третьяго звонка оставалось одно мгновение, я вбѣжалъ къ ней въ купэ, чтобы положить на полку одну изъ ея корзинокъ, которую она едва не забыла; и нужно было проститься. Когда тутъ, въ купэ, взгляды наши встрѣтились, душевныя силы оставили насъ обоихъ, я обнялъ ее, она прижалась лицомъ къ моей груди, и слезы потекли изъ глазъ; цѣлуя ее лицо, плечи, руки, мокрая отъ слезъ,—о, какъ мы были съ ней несчастны!—я признался ей въ своей любви, и со жгучей болью въ сердцѣ я понялъ, какъ ненужно, мелко и какъ обманчиво было все то, что намъ мѣшало любить. Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить отъ высшаго, отъ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе.

И поцѣловаль въ послѣдній разъ, пожалъ руку, и мы разстались—навсегда. Поѣздъ уже шелъ. Я сѣлъ въ соседнемъ купѣ,—оно было пусто,—и до первой станціи сидѣлъ тутъ и плакалъ. Потомъ пошелъ къ себѣ въ Софьино пѣшкомъ...

Пока Алехинъ рассказываль, дождь пересталь и выглянуло солнце. Буркинъ и Иванъ Ивановичъ вышли на балконъ; отсюда былъ прекрасный видъ на садъ и на плесъ, который теперь на солнцѣ блестѣлъ, какъ зеркало. Они любовались и въ то же время жалѣли, что этотъ человѣкъ съ добрыми, умными глазами, который рассказываль имъ съ такимъ чистосердечіемъ, въ самомъ дѣлѣ вертѣлся здѣсь, въ этомъ громадномъ имѣніи, какъ бѣлка въ колесѣ, а не занимался наукой, или чѣмъ-нибудь другимъ, что дѣлало бы его жизнь болѣе пріятной; и они думали о томъ, какое, должно-быть, скорбное лицо было у молодой дамы, когда онъ прощался съ ней въ купѣ и цѣловаль ей лицо и плечи. Оба они встрѣчали ее въ городѣ, а Буркинъ былъ даже знакомъ съ ней и находилъ ее красивой.

АРХІЕРЕЙ.

I.

Подъ вербное воскресеніе къ Старо-Петровскомъ монастырѣ шла всенощная. Когда стали раздавать вербы, то былъ уже десятый часъ на исходѣ, огни потускнѣли, фитили нагорѣли, было все, какъ въ туманѣ. Въ церковныхъ сумергахъ толпа колыхалась, какъ море, и преосвященному Петру, который былъ нездоровъ уже дня три, казалось, что всѣ лица — и старыя, и молодыя, и мужскія, и женскія, походили одно на другое, у всѣхъ, кто подходилъ за вербой, одинаковое выраженіе глазъ. Въ туманѣ не было видно дверей, толпа все двигалась, и похоже было, что ей нѣтъ и не будетъ конца. Пѣлъ женскій хоръ, канонъ читала монашенка.

Какъ было душно, какъ жарко! Какъ долго шла всенощная! Преосвященный Петръ усталъ. Дыханіе у него было тяжелое, частое, сухое, плечи болѣли отъ усталости, ноги дрожали. И непріятно волновало, что на хорахъ изрѣдка вскрикивалъ юродивый. А тутъ еще вдругъ, точно во снѣ или въ бреду, показалось преосвященному, будто въ толпѣ подошла къ нему его родная мать Марія Тимофеевна, которой онъ не видѣлъ уже девять лѣтъ, или старуха, похожая на мать, и принявши отъ него вербу, отошла и все время глядѣла на него весело, съ доброй, радостной улыбкой, пока не смѣшалась съ толпой. И почему-то слезы потекли у него по лицу. На душѣ было покойно, все было благополучно, но онъ неподвижно глядѣлъ на лѣвый клиросъ, гдѣ читали, гдѣ въ вечерней мглѣ уже нельзя было узнать ни

одного человѣка, и—плакалъ. Слезы заблестѣли у него на лицѣ, на бородѣ. Вотъ вблизи еще кто-то заплакалъ, потомъ дальше кто-то другой, потомъ еще и еще, и мало-помалу церковь наполнилась тихимъ плачемъ. А немного погодя, минутъ черезъ пять, монашескій хоръ пѣлъ, уже не плакали, все было попрежнему.

Скоро и служба кончилась. Когда архіерей садился въ карету, чтобы ѣхать домой, то по всему саду, освѣщенному луной, разливался веселый, красивый звонъ дорогихъ, тяжелыхъ колоколовъ. Бѣлыя стѣны, бѣлые кресты на могиллахъ, бѣлыя березы и черныя тѣни и далекая луна на небѣ, стоявшая какъ разъ надъ монастыремъ, казалось теперь, жили своей особой жизнью, непонятной, но близкой человѣку. Былъ апрѣль въ началѣ, и послѣ теплаго весенняго дня стало прохладно, слегка подморозило, и въ мягкомъ холодномъ воздухѣ чувствовалось дыханіе весны. Дорога отъ монастыря до города шла по песку, надо было ѣхать шагомъ; и по обѣ стороны кареты, въ лунномъ свѣтѣ, яркомъ и покойномъ, плелись по песку богомольцы. И всѣ молчали, задумавшись, все было кругомъ привѣтливо, молодо, такъ близко, все—и деревья и небо, и даже луна, и хотѣлось думать, что такъ будетъ всегда.

Наконецъ, карета въѣхала въ городъ, покатила по главной улицѣ. Лавки были уже закрыты и только у конца Еракина, миллионера, пробовали электрическое освѣщеніе, которое сильно мигало, и около толпился народъ. Потомъ пошли широкія, темныя улицы, одна за другою, безлюдныя, земское шоссе за городомъ, поле, запахло сосной. И вдругъ выросла передъ глазами бѣлая зубчатая стѣна, а за нею высокая колокольня, вся залитая свѣтомъ, и рядомъ съ ней пять большихъ, золотыхъ, блестящихъ главъ, — это Панкратіевскій монастырь, въ которомъ жилъ преосвященный Петръ. И тутъ также высоко надъ монастыремъ тихая, задумчивая луна. Карета въѣхала въ ворота, скрипя по песку, кое-гдѣ въ лунномъ свѣтѣ замелькали черныя монашескія фигуры, слышались шаги по каменнымъ плитамъ...

— А тутъ, ваше преосвященство, ваша мамаша безъ васъ пріѣхали, — доложилъ келейникъ, когда преосвященный входитъ къ себѣ.

— Мамаша? Когда она пріѣхала?

— Передъ всенощной. Справлялись сначала, гдѣ вы, а потомъ поѣхали въ женскій монастырь.

— Это, значитъ, я ее въ церкви видѣлъ давеча! О, Господи!

И преосвященный засмѣялся отъ радости.

— Онѣ велѣли, ваше преосвященство, доложить, — продолжать келейникъ, — что придутъ завтра. Съ ними дѣвочка, должно, внучка. Остановились на постояломъ дворѣ Овсянникова.

— Который теперь часъ?

— Двѣнадцатый въ началѣ.

— Эхъ, досадно!

Преосвященный посидѣлъ немного въ гостиной, раздумывая и какъ бы не вѣря, что уже такъ поздно. Руки и ноги у него поламывало, болѣлъ затылокъ. Было жарко и неудобно. Отдохнувъ, онѣ пошелъ къ себѣ въ спальню и здѣсь тоже посидѣлъ, все думая о матери. Слышно было, какъ уходилъ келейникъ и какъ за стѣной покашливалъ отецъ Сисой, іеромонахъ. Монастырскіе часы пробили четверть.

Преосвященный переодѣлся и сталъ читать молитвы на сонъ грядущимъ. Онѣ внимательно читалъ эти старыя, давно знакомыя молитвы и въ то же время думалъ о своей матери. У нея было девять душъ дѣтей и около сорока внуковъ. Когда-то со своимъ мужемъ, дьякономъ, жила она въ бѣдномъ селѣ, жила тамъ очень долго, съ 17 до 60 лѣтъ. Преосвященный помнилъ ее съ ранняго дѣтства, чуть ли не съ трехъ лѣтъ и — какъ любилъ! Милое, дорогое, незабвенное дѣтство! Отчего оно, это навѣки ушедшее, невозвратное время, отчего оно кажется свѣтлѣе, праздничнѣе и богаче чѣмъ было на самомъ дѣлѣ? Когда въ дѣтствѣ или юности онѣ бывалъ нездоровъ, то какъ нѣжна и чутка была мать! И теперь молитвы мѣшались съ воспоминаніями, которыя разгорались все ярче, какъ пламя, и молитвы не мѣшали думать о матери.

Кончивъ молиться, онѣ раздѣлся и легъ, и тотчасъ же, какъ только стало темно кругомъ, представились ему его покойный отецъ, мать, родное село Лѣсополье... Скрипъ колесъ, блеянье овецъ, церковный звонъ въ ясныя, лѣтнія утра, цыгане подъ окномъ, — о, какъ сладко думать объ этомъ! Припомнился священникъ лѣсопольскій, отецъ Симеонъ, кроткій, смиренный, добродушный; самъ онѣ былъ толщъ,

невысокъ, сынъ же его, семинаристъ, былъ громаднаго роста, говорилъ неистовымъ басомъ; какъ-то поповичъ обозлился на кухарку и выбранилъ ее:—«Ахъ, ты ослица Тегудилова!» и отецъ Симеонъ, слышавшій это, не сказалъ ни слова и только устыдился, такъ какъ не могъ вспомнить, гдѣ въ священномъ писаніи упоминается такая ослица. Послѣ него въ Лѣсопольѣ священникомъ былъ отецъ Демьянъ, который сильно запивалъ и напивался подчасъ до зеленого змѣя, и у него даже прозвище было: Демьянъ-Змѣвидецъ. Въ Лѣсопольѣ учителемъ былъ Матвѣй Николаичъ, изъ семинаристовъ, добрый, неглупый человекъ, но тоже пьяница; онъ никогда не билъ учениковъ, но почему-то у него на стѣнѣ всегда висѣлъ пучокъ березовыхъ розогъ, а подъ нимъ надпись на латинскомъ языкѣ, совершенно безсмысленная—*betula kinderbalsamica secuta*. Была у него черная, мохнатая собака, которую онъ называлъ такъ: Спитаксенъ.

И преосвященный засмѣялся. Въ восьми верстахъ отъ Лѣсополя село Обинно съ чудотворной иконой. Изъ Обинна лѣтомъ послали икону крестнымъ ходомъ по сосѣднимъ деревнямъ, и звонили цѣлый день, то въ одномъ селѣ, то въ другомъ, и казалось тогда преосвященному, что радость дрожить въ воздухѣ, и онъ (тогда его звали Павлушей) ходилъ за иконой безъ шапки, босикомъ, съ наивной вѣрой, съ наивной улыбкой, счастливый безконечно. Въ Обинѣ, вспомнилось ему теперь, всегда было много народу, и тамошній священникъ отецъ Алексѣй, чтобы усидѣвать на проскомиди, заставлялъ своего глухого племянника Иларіона читать записочки и записи на просфорахъ «о здравіи» и «за упокой»; Иларіонъ читалъ, изрѣдка получая по пятаку или гривеннику за обѣдню, и только ужъ когда посидѣлъ и облысѣлъ, когда жизнь прошла, вдругъ видить, на бумажкѣ написано: «Да и дуракъ же ты, Иларіонъ!» По крайней мѣрѣ, до пятнадцати лѣтъ Павлуша былъ неразвитъ и учился плохо, такъ что даже хотѣли взять его изъ духовнаго училища и отдать въ лавочку; однажды, придя въ Обинно на почту за письмами, онъ долго смотрѣлъ на чиновниковъ и спросилъ:—«Позвольте узнать, какъ вы получаете жалованье: помѣсячно или поденно?»

Преосвященный перекрестился и повернулся на другой бокъ, чтобы больше не думать и спать.

— Моя мать пріѣхала...—вспомнилъ онъ и засмѣялся.

Луна глядѣла въ окно, полъ былъ освѣщенъ и на немъ лежали тѣни. Кричалъ сверчокъ. Въ слѣдующей комнатѣ за стѣной похранывалъ отецъ Сисой, и что-то одинокое, сиротское, даже бродяжеское слышалось въ его стариковскомъ храпѣ. Сисой былъ когда-то экономомъ у епархіальнаго архіерея, а теперь его зовутъ «бывшій отецъ экономъ»; ему 70 лѣтъ, живетъ онъ въ монастырѣ въ 16 верстахъ отъ города, живетъ и въ городѣ, гдѣ придется. Три дня назадъ онъ зашелъ въ Панкратіевскій монастырь, и преосвященный оставилъ его у себя, чтобы какъ-нибудь на досугѣ поговорить съ нимъ о дѣлахъ, о здѣшнихъ порядкахъ...

Въ половинѣ второго ударили къ заутрени. Слышно было, какъ отецъ Сисой закаплялъ, что-то проворчалъ недовольнымъ голосомъ, потомъ всталъ и прошелся босякомъ по комнатамъ.

— Отецъ Сисой!—позвалъ преосвященный.

Сисой ушелъ къ себѣ и, немного погодя, явился уже въ сапогахъ, со свѣчой: на немъ сверхъ бѣлья была ряса, на головѣ старая, полинялая скуфейка.

— Не спится мнѣ.—сказалъ преосвященный садясь.— Не здоровъ я, должно-быть. И что оно такое, не знаю. Жаръ!

— Должно, простудились, владыко. Надо бы вась свѣчнымъ саломъ смазать.

Сисой постоялъ немного и звѣнулъ: «О, Господи, просты меня грѣшнаго!»

— У Еракина янвче электричество задыгали.—сказалъ онъ.— Не идравится мнѣ!

Отецъ Сисой былъ старъ, тощъ, сторблентъ, всегда недоволенъ чѣмъ-нибудь, и глаза у него были сердитые, выпуклые, какъ у рака.

— Не идравится!—повторилъ онъ уходя.— Не идравится. Богъ съ нимъ совсѣмъ!

II.

На другой день въ вербное воскресенье преосвященный служилъ обѣдню въ городскомъ соборѣ, потомъ былъ у епархіальнаго архіерея, былъ у одной очень больной старой генеральши и, наконецъ, поѣхалъ домой. Во второмъ часу у него обѣдали дорогіе гости: старуха мать и племянница

Катя, дѣвочка лѣтъ восьми. Во время обѣда въ окна со двора все время смотрѣло весеннее солнышко и весело свѣтилось на бѣлой скатерти, въ рыжихъ волосахъ Кати. Сквозь двойныя рамы слышно было, какъ шумѣли въ саду грачи и игѣли скворцы.

— Уже девять лѣтъ, какъ мы не видались,—говорила старуха,—а вчера въ монастырѣ какъ поглядѣла на васъ — Господи! И ни капельки не измѣнились, только вотъ развѣ похудѣли и борода длиннѣй стала. Царица небесная, Матушка! И вчерась во всеобщей нелзя было удержаться, все плакали. Я тоже вдругъ, на васъ глядя, заплакала, а отчего, и сама не знаю. Его святая воля!

И несмотря на ласковость, съ какою она говорила это, было замѣтно, что она стѣснялась, какъ будто не знала, говорить ли ему ты или вы, смѣяться или нѣтъ, и какъ будто чувствовала себя больше дяконицей, чѣмъ матерью. А Катя не мигая глядѣла на своего дядю, преосвященнаго, какъ бы желая разгадать, что это за человекъ. Волоса у нея поднимались изъ-за гребенки и бархатной ленточки и стояли какъ сіяніе, носъ былъ вздернутый, глаза хитрые. Передъ тѣмъ, какъ садиться обѣдать, она разбила стаканъ, и теперь бабушка, разговаривая, отодвигала отъ нея то стаканъ, то рюмку. Преосвященный слушалъ свою мать и вспоминалъ, какъ когда-то, много-много лѣтъ назадъ, она возила и его, и братьевъ, и сестеръ къ родственникамъ, которыхъ считала богатыми; тогда хлопотала съ дѣтьми, а теперь съ внучатами и привезла вотъ Катю...

— У Вареньки, у сестры вашей, четверо дѣтей,—разсказывала она: — вотъ эта Катя самая старшая, и Богъ его знаетъ, отъ какой причины, зять отецъ Иванъ захворалъ это и померъ дня за три до Успенья. И Варенька моя теперь хоть по міру ступай.

— А какъ Никаноръ? спросилъ преосвященный про своего старшаго брата.

— Ничего, слава Богу. Хоть и ничего, а благодарить Бога, жить можно. Только вотъ одно: сынъ его Николаша, внучекъ мой, не захотѣлъ по духовной части, пошелъ въ университетъ въ доктора. Думаетъ, лучше, а кто его знаетъ! Его святая воля.

— Николаша мертвецовъ рѣжетъ,—сказала Катя и пролила воду себѣ на колѣни.

— Сиди, дѣточка, смирно,—замѣтила спокойно бабушка и взяла у нея изъ рукъ стаканъ.—Купай съ молитвой.

— Сколько времени мы не видались!—сказалъ преосвященный и ѣзжно погладилъ мать по плечу и по рукѣ.—И, маменька, скучалъ по васъ за границей, сильно скучалъ.

— Благодаримъ васъ.

— Сидишь, бывало, вечеромъ у открытаго окна, одинъ-одинешенекъ, заиграетъ музыка, и вдругъ охватить тоска по родицѣ и, кажется, все бы отдашь, только бы домой, васъ повидать...

Мать улыбнулась, просіяла, но тотчасъ же сдѣлала серьезное лицо и проговорила:

— Благодаримъ васъ.

Настроение переѣнилось у него какъ-то вдругъ. Онъ смотрѣлъ на мать и не понималъ, откуда у нея это почти-тѣльное, робкое выраженіе лица и голоса, зачѣмъ оно, и не узнавалъ ея. Стало грустно, досадно. А тутъ еще голова болѣла такъ же, какъ вчера, сильно ломило ноги, и рыба казалась прѣспой, не вкусной, все время хотѣлось пить...

Послѣ обѣда прѣѣзжали двѣ богатыя дамы, помѣщницы, которыя сидѣли часа полтора молча, съ вытянутыми физиономіями; приходилъ по дѣлу архимандритъ, молчаливый и глуховатый. А тамъ зазвонили къ вечернѣ, солнце опустилось за лѣсомъ, и день прошелъ. Вернувшись изъ церкви, преосвященный торопливо помолился, легъ въ постель, укрылся теплѣй.

Непріятно было вспоминать про рыбу, которую ѣлъ за обѣдомъ. Лунный свѣтъ безпокоилъ его, а потомъ послышался разговоръ. Въ сосѣдней комнатѣ, должно-бытъ, въ гостиной отецъ Спесой говорилъ о политикѣ:

— У японцевъ теперь война. Воюють. Японцы, матушка, все равно, что черногорцы, одного племени. Подъ игомъ турецкимъ вмѣстѣ были.

А потомъ послышался голосъ Маріи Тимофеевны:

— Значить, Богу помолившись, это, чаю напившись, поѣхали мы, значить, къ отцу Егору въ Новохатное, это...

И то и дѣло «чаю напившись», или «напимшись», и похоже было, какъ будто въ своей жизни она только и знала, что чай пила. Преосвященному медленно, вяло вспоминалась семинарія, академія. Года три онъ былъ учителемъ греческаго языка въ семинаріи, безъ очковъ уже

не могъ смотрѣть въ книгу, потомъ постригся въ монахи, его сдѣлали инспекторомъ. Потомъ защищалъ диссертацию. Когда ему было 32 года, его сдѣлали ректоромъ семинаріи, посвятили въ архимандриты, и тогда жизнь была такой легкой, пріятной, казалась длинной-длинной, конца не было видно. Тогда же сталъ болѣть, похудѣлъ очень, едва не ослабъ и, по совѣту докторовъ, долженъ былъ бросить все и уѣхать за границу.

— А потомъ что?—спросилъ Сисой въ сосѣдней комнатѣ.

— А потомъ чай пили...—отвѣтила Марья Тимофеевна.

— Батюшка, у васъ борода зеленая!—проговорила вдругъ Катя съ удивленіемъ и засмѣялась.

Преосвященный вспомнилъ, что у сѣдого отца Сисой борода въ самомъ дѣлѣ отдастъ зеленью, и засмѣялся.

— Господи Боже мой, наказаніе съ этой дѣвочкой!—проговорилъ громко Сисой разсердившись.—Балованная какая! Сиди смирно!

Вспомнилась преосвященному бѣлая церковь, совершенно новая, въ которой онъ служилъ, живя за границей: вспомнилась шумъ теплаго моря. Квартира была въ пять комнатъ, высокихъ и свѣтлыхъ, въ кабинетѣ новый письменный столъ, бібліотека. Много читалъ, часто писалъ. И вспомнилось ему, какъ онъ тосковалъ по родинѣ, какъ слѣпая нищая каждый день у него подъ окномъ пѣла о любви и играла на гитарѣ, и онъ, слушая ее, почему-то всякій разъ думалъ о прошломъ. Но вотъ минуло восемь лѣтъ, и его вызвали въ Россію, и тецерь онъ уже состоитъ викарнымъ архіереемъ, и все прошлое ушло куда-то далеко, въ туманъ, какъ будто снилось...

Въ спальню вошелъ отецъ Сисой со свѣчой.

— Эва, — удивился онъ: — вы уже спите, преосвященнѣйшій?

— Что такое?

— Да вѣдь еще рано, десять часовъ, а то и меньше. Я свѣчку нынче кушлѣ, хотѣлъ-было васъ саломъ смазать.

— У меня жарь... — проговорилъ преосвященный и съѣлъ. — Въ самомъ дѣлѣ, надо бы что-нибудь. Въ головѣ нехорошо...

Сисой снялъ съ него рубаху и сталъ натирать ему грудь и спину свѣчнымъ саломъ.

— Вотъ такъ... вотъ такъ... — говорилъ онъ. — Господи

Исусе Христе... Вотъ такъ. Сегодня ходилъ я въ городъ, былъ у того—какъ его?—протоіерея Сидонскаго... Чай шилъ у него... Не идравится онъ мнѣ! Господи Исусе Христе... Вотъ такъ... Не идравится!

III.

Епархіальный архіерей, старый, очень полный, былъ боленъ ревматизмомъ или подагрой и уже мѣсяць не вставалъ съ постели. Преосвященный Петръ провѣдывалъ его почти каждый день и принималъ вмѣсто него просителей. И теперь, когда ему нездоровилось, его поражала пустота, мелкость всего того, о чемъ просили, о чемъ плакали; его сердили неразвитость, робость; и все это мелкое и ненужное угнетало его своею массою, и ему казалось, что теперь онъ понималъ епархіальнаго архіерея, который когда-то въ молодые годы писалъ «Ученія о свободѣ воли», теперь же, казалось, весь ушелъ въ мелочи, все позабылъ и не думалъ о Богѣ. За границей преосвященный, должно-быть, отвыкъ отъ русской жизни, она была не легка для него; народъ казался ему грубымъ, женщины - просительницы скучными и глупыми, семинаристы и ихъ учителя необразованными, порой дикими. А бумаги, входящія и исходящія, считались десятками тысячъ, и какія бумаги! Благочинные во всей епархіи ставили священникамъ, молодымъ и старымъ, даже ихъ женамъ и дѣтямъ, отмѣтки по поведенію, пятерки и четверки, а иногда и тройки, и объ этомъ приходилось говорить, читать и писать серьезныя бумаги. И положительно, нѣтъ ни одной свободной минуты, цѣлый день душа дрожить, и успокаивался преосвященный Петръ, только когда бывалъ въ церкви.

Не могъ онъ никакъ привыкнуть и къ страху, какой онъ, самъ того не желая, возбуждалъ въ людяхъ, несмотря на свой тихій, скромный нравъ. Всѣ люди въ этой губерніи, когда онъ глядѣлъ на нихъ, казались ему маленькими, испуганными, виноватыми. Въ его присутствіи робѣли всѣ, даже старики протоіереи, всѣ «бухали» ему въ ноги, а недавно одна просительница, старая деревенская попадья, не могла выговорить ни одного слова отъ страха, такъ и ушла ни съ чѣмъ. И онъ, который никогда не рѣшался въ проповѣдяхъ говорить дурно о людяхъ, никогда не упрекалъ, такъ какъ было жалко, — съ просителями выходить

изъ себя. сердился, бросалъ на полъ прошенія. За все время, пока онъ здѣсь, ни одинъ человѣкъ не поговорилъ съ нимъ искренно, попросту, по-человѣчески; даже старуха мать, казалось, была уже не та, совсѣмъ не та! И почему, спрашивается, съ Сисоемъ она говорила безъ умолку и смѣялась много, а съ нимъ, съ сыномъ, была серьезна, обыкновенно молчала, стѣснялась, что совсѣмъ не шло къ ней? Единственный человѣкъ, который держалъ себя вольно въ его присутствіи и говорилъ все, что хотѣлъ, былъ старикъ Сисой, который всю свою жизнь находился при архіереяхъ и пережилъ ихъ одиннадцать душъ. И потому-то съ нимъ было легко, хотя, несомнѣнно, это былъ тяжелый, вздорный человѣкъ.

Во вторникъ послѣ обѣдни преосвященный былъ въ архіерейскомъ домѣ и принималъ тамъ просителей, волновался, сердился, потомъ поѣхалъ домой. Ему попрежнему нездоровилось, тянуло въ постель; но едва онъ вошелъ къ себѣ, какъ доложили, что пріѣхалъ Еракинъ, молодой купецъ, жертвователъ, по очень важному дѣлу. Надо было принять его. Сидѣлъ Еракинъ около часа, говорилъ очень громко, почти кричалъ, и было трудно понять, что онъ говоритъ.

— Дай Богъ, чтобъ!—говорилъ онъ уходя. — Всенепремѣннѣйше! По обстоятельствамъ, владыко преосвященнѣйшій! Желаю, чтобъ!

Послѣ него пріѣзжала игуменья изъ дальняго монастыря. А когда она уѣхала, то ударили къ вечернѣ, надо было идти въ церковь.

Вечеромъ монахи пѣли стройно, вдохновенно, служилъ молодой іеромонахъ съ черной бородой; и преосвященный, слушая про жениха, грядущаго въ полнощи, и про чертога украшенный, чувствовалъ не раскаяніе въ грѣхахъ, не скорбь, а душевный покой, тишину и уносился мыслями въ далекое прошлое, въ дѣтство и юность, когда также пѣли про жениха и про чертога. и теперь это прошлое представлялось живымъ, прекраснымъ, радостнымъ, какимъ, вѣроятно, никогда и не было. И, быть-можетъ, на томъ свѣтѣ, въ той жизни мы будемъ вспоминать о далекомъ прошломъ, о нашей здѣшней жизни съ такимъ же чувствомъ. Кто знаетъ! Преосвященный сидѣлъ въ алтарѣ, было тутъ темно, Слезы текли по лицу. Онъ думалъ о томъ, что вотъ онъ достигъ всего, что было доступно человѣку

въ его положеніи, онъ вѣровалъ, но все же не все было ясно, чего-то еще не доставало, не хотѣлось умирать; и все еще казалось, что нѣтъ у него чего-то самаго важнаго, о чемъ смутно менталось когда-то, и въ настоящемъ волнуется все та же надежда на будущее, какая была и въ дѣтствѣ, и въ академіи, и за границей.

«Какъ они сегодня хорошо поютъ! — думалъ онъ, прислушиваясь къ пѣнію. — Какъ хорошо!»

IV.

Въ четвергъ служилъ онъ обѣдню въ соборѣ, было омовеніе ногъ. Когда въ церкви кончилась служба, и народъ расходился по домамъ, то было солнечно, тепло, весело, шумѣла въ канавахъ вода, а за городомъ доносилось съ полей непрерывное пѣніе жаворонковъ, нѣжное, призывающее въ покою. Деревья уже проснулись и улыбались привѣтливо, и надъ ними, Богъ знаетъ куда, уходило бездонное, необъятное голубое небо.

Пріѣхавъ домой, преосвященный Петръ напился чаю, потомъ переодѣлся, легъ въ постель и приказалъ келейнику закрыть ставни на окнахъ. Въ спальнѣ стало сумрачно. Однако, какая усталость, какая боль въ ногахъ и спинѣ, тяжелая, холодная боль, какой шумъ въ ушахъ! Онъ давно не спалъ, какъ казалось теперь, очень давно, и мѣшалъ ему уснуть какой-то пустякъ, который брезжилъ къ мозгу, какъ только закрывались глаза. Какъ и вчера, изъ сосѣднихъ комнатъ сквозь стѣну доносились голоса, звукъ стакановъ, чайныхъ ложекъ... Марія Тимофеевна весело, съ прибаутками рассказывала о чемъ-то отцу Сисою, а этотъ угрюмо, недовольнымъ голосомъ отвѣчалъ:—«Ну ихъ! Гдѣ ужъ! Куда тамъ!» И преосвященному опять стало досадно и потомъ обидно, что съ чужими старуха держала себя обыкновенно и просто, съ нимъ же, съ сыномъ, робѣла, говорила рѣдко и не то, что хотѣла, и даже, какъ казалось ему, всѣ эти дни, въ его присутствіи все искала предлога, чтобы встать, такъ какъ стѣснялась сидѣть. А отецъ? Тотъ, вѣроятно, если бы былъ живъ, не могъ бы выговорить при немъ ни одного слова...

Что-то упало въ сосѣдней комнатѣ на полъ и разбилось; должно-быть, Катя уронила чашку или блюдечко, потому что отецъ Сисою вдругъ плюнулъ и проговорилъ сердито:

— Чистое наказаніе съ этой дѣвочкой, Господи, прости меня грѣшнаго! Не напасешься!

Потомъ стало тихо, только доносились звуки со двора. И когда преосвященный открылъ глаза, то увидѣлъ у себя въ комнатѣ Катю, которая стояла неподвижно и смотрѣла на него. Рыжіе волосы, по обыкновенію, поднимались изъ-за гребенки, какъ сіяніе.

— Ты, Катя?—спросилъ онъ.—Кто это тамъ внизу все отворяетъ и затворяетъ дверь?

— Я не слышу,—отвѣтила Катя и прислушалась.

— Вотъ сейчасъ кто-то прошелъ.

— Да это у васъ въ животѣ, дядечка!

Онъ разсмѣялся и погладилъ ее по головѣ.

— Такъ братъ Николаша, говоришь, мертвецовъ рѣжетъ?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да. Учится.

— А онъ добрый?

— Ничего, добрый. Только водку пьетъ шибоко.

— А отецъ твой отъ какой болѣзни умеръ?

— Папаша были слабые и худые, худые, и вдругъ — горло. И я тогда захворала и братъ Федя,—у всѣхъ горло. Папаша померли, дядечка, а мы выздоровѣли.

У нея задрожалъ подбородокъ, и слезы показались на глазахъ, поползли по щекамъ.

— Ваше преосвященство,—проговорила она тонкимъ голоскомъ, уже горько плача:—дядечка, мы съ мамашей остались несчастными... Дайте намъ немножечко денегъ... будьте такіе добрые... голубчикъ!..

Онъ тоже прослезился и долго отъ волненія не могъ говорить ни слова, потомъ погладилъ ее по головѣ, потрогалъ за плечо и сказалъ:

— Хорошо, хорошо, дѣвочка. Вотъ наступитъ Свѣтлое Христово воскресеніе, тогда потолкуемъ... Я помогу... помогу...

Тихо, робко вошла мать и помолилась на образа. Замѣтивъ, что онъ не спитъ, она спросила:

— Не покушаете ли супчику?

— Нѣтъ, благодарю...—отвѣтилъ онъ.—Не хочется.

— А вы, похоже, нездоровы... какъ я погляжу. Еще бы, какъ не захворать! Цѣлый день на ногахъ, цѣлый день — и Боже мой, даже глядѣть на васъ и то тяжело. Ну, Сви-

тая не за горами, отдохнете, Богъ дастъ, тогда и поговоримъ, а теперь не стану я беспокоить васъ своими разговорами. Пойдемъ, Катечка,—пусть владыка поспитъ.

И онъ вспомнилъ, какъ когда-то очень давно, когда онъ былъ еще мальчикомъ, она точно такъ же, такимъ же шутливо-почтительнымъ тономъ говорила съ благочиннымъ... Только по необыкновенно добрымъ глазамъ, робкому, озабоченному взгляду, который она мелькомъ бросила, выходя изъ комнаты, можно было догадаться, что это была мать. Онъ закрылъ глаза и, казалось, спалъ, но слышалъ два раза, какъ били часы, какъ покашливалъ за стѣной отецъ Сисой. И еще разъ входила мать и минуту робко глядѣла на него. Кто-то подѣхалъ къ крыльцу, какъ слышно, въ каретѣ или въ коляскѣ. Вдругъ стукъ, хлопнула дверь: вошелъ въ спальню келейникъ.

— Ваше преосвященство!—окликнулъ онъ.

— Что?

— Лошади поданы, пора къ Страстямъ Господнимъ.

— Который часъ?

— Четверть восьмого.

Онъ одѣлся и поѣхалъ въ соборъ. Въ продолженіе всѣхъ двѣнадцати евангелій нужно было стоять среди церкви неподвижно, и первое евангеліе, самое длинное, самое красивое, читалъ онъ самъ. Бодрое, здоровое настроеніе овладѣло имъ. Это первое евангеліе «Нынѣ прославися сынъ человѣческій» онъ зналъ наизусть; и, читая, онъ изрѣдка поднималъ глаза и видѣлъ по обѣ стороны цѣлое море огней, слышалъ трескъ свѣчей, но людей не было видно, какъ и въ прошлые годы, и казалось, что это все тѣ же люди, что были тогда, въ дѣтствѣ и въ юности, что они все тѣ же будутъ каждый годъ, а до какихъ поръ—одному Богу извѣстно.

Отецъ его былъ дьяконъ, дѣдъ—священникъ, прадѣдъ—дьяконъ, и весь родъ его, быть-можетъ, со времени принятія на Руси христіанства, принадлежалъ къ духовенству, и любовь его къ церковнымъ службамъ, духовенству, къ звону колоколовъ была у него врожденной, глубокой, неискоренимой; въ церкви онъ, особенно когда самъ участвовалъ въ служеніи, чувствовалъ себя дѣятельнымъ, бодрымъ, счастливымъ. Такъ и теперь. Только когда прочли уже восьмое евангеліе, онъ почувствовалъ, что ослабѣлъ у него

голосъ, даже кашля не было слышно, сильно разболѣлась голова, и сталъ безпокоить страхъ, что онъ вотъ-вотъ упадетъ. И въ самомъ дѣлѣ, ноги совсѣмъ онѣмѣли, такъ что мало-по-малу онъ пересталъ ощущать ихъ, и непонятно ему было, какъ и на чемъ онъ стоитъ, отчего не падаетъ...

Когда служба кончилась, было безъ четверти двѣнадцать. Приѣхавъ къ себѣ, преосвященный тотчасъ же раздѣлся и легъ, даже Богу не молился. Онъ не могъ говорить и, какъ казалось ему, не могъ бы уже стоять. Когда онъ укрывался одѣяломъ, захотѣлось вдругъ за границу, нестерпимо захотѣлось! Кажется, жизнь бы отдалъ, только бы не видѣть этихъ жалкихъ, дешевыхъ ставень, низкихъ потолковъ, не чувствовать этого тяжкаго монастырскаго запаха. Хоть бы одинъ человѣкъ, съ которымъ можно было бы поговорить, отвести душу!

Долго слышались чьи-то шаги въ сосѣдней комнатѣ, и онъ никакъ не могъ вспомнить, кто это. Наконецъ, отворилась дверь, вошелъ Сисой со свѣчой и съ чайной чашкой въ рукахъ.

— Вы уже легли, преосвященнѣйшій?—спросилъ онъ.— А я вотъ пришелъ, хочу васъ смазать водкой съ уксусомъ. Если натереться хорошо, то большая отъ этого польза. Господи Иисусе Христе... Вотъ такъ... Вотъ такъ... А я сейчасъ въ нашемъ монастырѣ былъ... Не идравится мнѣ! Уйду отсюда завтра, владыко, не желаю больше. Господи Иисусе Христе... Вотъ такъ...

Сисой не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ, и ему казалось, что въ Панкратіевскомъ монастырѣ онъ живетъ уже цѣлый годъ. А главное, слушая его, трудно было понять, гдѣ его домъ, любить ли онъ кого-нибудь или что-нибудь, вѣруетъ ли въ Бога... Ему самому было непонятно, почему онъ монахъ, да и не думалъ онъ объ этомъ, и уже давно стерлось въ памяти время, когда его постригли; похоже было, какъ будто онъ прямо родился монахомъ.

— Уйду завтра. Богъ съ нимъ, со всѣмъ!

— Мнѣ бы потолковать съ вами... все никакъ не соберусь,—проговорилъ преосвященный тихо, черезъ силу.—Я вѣдь тутъ никого и ничего не знаю...

— До воскресенья, извольте, останусь, такъ и быть ужъ, а больша не желаю. Ну ихъ!

— Какой я архіерей? — продолжалъ тихо преосвящен-

ный. — Мнѣ бы быть деревенскимъ священникомъ, дячкомъ... или простымъ монахомъ... Меня давить все это... давить...

— Что? Господи Іисусе Христе... Вотъ такъ... Ну, спите себѣ, преосвященнѣйшій!.. Что ужъ тамъ! Куда тамъ! Спокойной ночи!

Преосвященный не спалъ всю ночь. А утромъ, часовъ въ восемь, у него началось кровотеченіе изъ кишокъ. Келейникъ испугался и побѣжалъ сначала къ архимандриту, потомъ за монастырскимъ докторомъ Иваномъ Андреичемъ, жившимъ въ городѣ. Докторъ, полный старикъ, съ длинной сѣдой бородой, долго осматривалъ преосвященнаго и все покачивалъ головой и хмурился, потомъ сказалъ:

— Знаете, ваше преосвященство? Вѣдь у васъ брюшной тифъ!

Отъ кровотеченій преосвященный въ какой-нибудь часъ очень похудѣлъ, поблѣднѣлъ, осунулся, лицо сморщилось, глаза были большіе, и какъ будто онъ постарѣлъ, сталъ меньше ростомъ, и ему уже казалось, что онъ худѣе и слабѣе, незначительнѣе всѣхъ, что все то, что было, ушло куда-то очень-очень далеко и уже болѣе не повторится, не будетъ продолжаться.

«Какъ хорошо!—думалъ онъ.—Какъ хорошо!»

Пришла старуха мать. Увидѣвъ его сморщенное лицо и большіе глаза, она испугалась, упала на колѣни предъ кроватью и стала цѣловать его лицо, плечи, руки. И ей тоже почему-то казалось, что онъ худѣе, слабѣе и незначительнѣе всѣхъ, и она уже не помнила, что онъ архіерей, и цѣловала его, какъ ребенка, очень близкаго, родного.

— Павлуша, голубчикъ,—заговорила она:—родной мой!.. Сыночекъ мой!.. Отчего ты такой сталъ? Павлуша, отвѣчай же мнѣ!

Катя, блѣдная, суровая, стояла возлѣ и не понимала, что съ дядей, отчего у бабушки такое страданіе на лицѣ, отчего она говоритъ такія трогательныя, печальныя слова. А онъ уже не могъ выговорить ни слова, ничего не понималъ, и представлялось ему, что онъ, уже простой, обыкновенный человѣкъ, идетъ по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а надъ нимъ широкое небо, залитое солнцемъ, и онъ свободенъ теперь, какъ птица, можетъ идти куда угодно!

— Сыночекъ, Павлуша, отвѣчай же мнѣ!—говорила старуха.—Что съ собой? Родной мой!

— Не беспокойте владыку,—проговорилъ Сисой сердито, проходя черезъ комнату.—Пущай поспитъ... Нечего тамъ... чего ужъ!..

Пріѣзжали три доктора, совѣтовались, потомъ уѣхали. День былъ длинный, неимоვნю длинный, потомъ наступила и долго-долго проходила ночь, а подъ утро, въ субботу, къ старухѣ, которая лежала въ гостиной на диванѣ, подошелъ келейникъ и попросилъ ее сходить въ спальню: преосвященный приказалъ долго жить.

А на другой день была Пасха. Въ городѣ было сорокъ двѣ церкви и шесть монастырей; гулкій, радостный звонъ съ утра до вечера стоялъ надъ городомъ, неумолкая, волнующая весенній воздухъ; птицы пѣли, солнце ярко свѣтило. На большой базарной площади было шумно, колыхались качели, играли шарманки, визжала гармоника, раздавались пьяные голоса. На главной улицѣ послѣ полудня началось катанье на рысакахъ,—однимъ словомъ, было весело, все благополучно, точно такъ же, какъ было въ прошломъ году, какъ будетъ, по всей вѣроятности, и въ будущемъ.

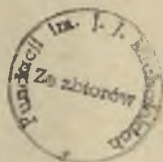
Черезъ мѣсяцъ былъ назначенъ новый викарный архіерей, а о преосвященномъ Петрѣ уже никто не вспоминалъ. А потомъ и совсѣмъ забыли. И только старуха, мать покойнаго, которая живетъ теперь у зятя дьякона, въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, когда выходила подъ вечеръ, чтобы встрѣтить свою корову, и сходилась на выгонѣ съ другими женщинами, то начинала рассказывать о дѣтяхъ, о внукахъ, о томъ, что у нея былъ сынъ архіерей, и при этомъ говорила робко, боясь, что ей не повѣрятъ...

И ей въ самомъ дѣлѣ не всѣ вѣрили.

Оглавленіе

ХІІ ТОМА.

	СТР.		СТР.
Случай изъ практики . . .	3	Разсказъ старшаго садов-	
Душечка	14	ника	121
По дѣламъ службы	27	Въ морѣ	126
Іонычъ	42	Человѣкъ въ футлярѣ . . .	130
Дама съ собачкой	61	Крыжовникъ	144
Въ оврагѣ	78	О любви	155
На святкахъ	116	Архіерей	165

011011011010

1801-181

INSTITUT

BADAŃ LINGWISTYCZNYCH PAN

☞

BIBLIOTEKA

60-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72

Tel. 26-68-63

F

24.113/
11-12